

CBETA

ВОКРУГ

8 1988

Паруса наших предков

VIA EST VITA · АОРУН

«Расскажите о плавании на коче «Помор»...» «Пришлите чертежи судна...» «Хотелось бы поподробнее узнать, где и как оно строилось, какие были использованы породы деревьев, как повело себя судно в плавании, потому что и нам захотелось выстроить своими руками коч и отправиться на нем в плавание...».

Письма с подобными просьбами стали приходиться ко мне из разных уголков страны после того, как в № 10 журнала «Вокруг света» за 1987 год был опубликован репортаж об отплытии нашего коча «Помор» из Петрозаводска.

Так, к примеру, совсем недавно я получил письмо из города Старый Оскол, где «моря нет, а есть большое водохранилище», от Владимира Цыганкова. Пришли письма из Мурманска, Печоры. Из Владивостока, куда еще ранее были высланы чертежи судна, Сергей Фролов прислал вырезку из газеты «Боевая вахта». В ней говорится, что во Владивостоке будет выстроен по нашим чертежам коч, на котором ребята собираются пройти по маршруту первопроходцев Семена Дежнева и Федота Алексеева, а «после завершения похода коч сможет занять видное место в экспозиции любого музея Дальнего Востока по примеру известного «Фрама» Фритьофа Нансена».

Что ж, хорошему делу положено неплохое начало. Разве старинные суда наших корабелов не являются неотъемлемой частью отечественной культуры? Во многих странах мира гавно существуют клубы и музеи, в которых бережно хранятся воссозданные морские и речные суда. А у нас лишь в Ленинграде сохраняется ботик Петра I. И потому понятно стремление молодежи освоить искусство предков, свершивших немало географических открытий, чтобы затем пройти их морскими дорогами.

Что касается плавания коча «Помор», то признаюсь: го Мангазеи, первоначально поставленной цели, мы не дошли. Убедились, так сказать, на личном опыте, сколь нелегким было и для более искусных мореходов прошлого такое плавание. Сложная ледовая обстановка помешала и нам своевременно обойти Канин Нос. А пересечь его по речным волокам не удалось: обмелели реки, позаросли торфянистые берега. Да и в команде не все сложилось гладко. Пришлось повернуть обратно. Так ведь и у поморов бывали зимовки во льдах, и уносило их к берегам Новой Земли. Случалось всякое, о чем теперь мы уже не узнаем.

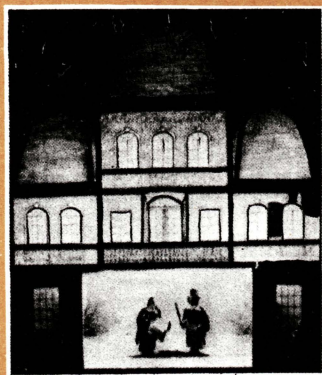
Но само по себе наше тысячекилометровое плавание по Белому морю на веслах и под парусом стало хорошим испытанием мореходных качеств «Помора». Совершенствование и испытание судна продолжают.

К моменту выхода этого номера должно завершиться плавание на коче го Мурманска и обратно по программе экспедиции «Полярный коч» с участием курсантов мурманского мореходного училища и арктических экспедиций Института археологии и НИИ культуры.

Продолжая изучать историю освоения Севера, клуб подготовил еще одно парусно-моторное судно, работающее в рамках Арктической экспедиции НИИ культуры, главная задача которой — составление свода памятников Арктики. По заказу ученых на Петрозаводской судостроительной верфи готовится к плаванию новое судно, оснащенное всем необходимым для исследования памятников, в том числе и под водой.

Есть у нас и более отдаленные планы. Например, реконструировать в Петрозаводске старое здание и открыть в нем научно-технический и культурный центр молодежи. Там можно будет разместить и судостроительную лодейную мастерскую — верфь, и небольшую экспозицию будущего музея. Есть желание на берегу Онежского озера в районе красивейшего острова Суйсарь построить городище по типу старинного прибрежного поселения, где и будет находиться главная экспозиция «Музея истории поморского плавания и судостроения». Мы уверены, что вскоре рядом с кочем пришвартовываются к причалу ушкуи, соймы, кижанки, шхуны, трехмачтовые лоды — старинные суда, которые мы непременно построим. Но надо, чтобы они не были «мертвыми» музейными экспонатами, чтобы туристы и мои земляки плавали под парусами и на веслах, познакомились с историей и культурой Заонежья.

ВИКТОР ДМИТРИЕВ,
председатель клуба
«Полярный Одиссей»

ЧИТАЙТЕ В СЕНТЯБРЕ:

МЫ СОСТАВИЛИ
НОМЕР
НА ОСНОВЕ
ПОЖЕЛАНИЙ И
ПРЕДЛОЖЕНИЙ
ЧИТАТЕЛЕЙ ●

ВЫ ПРОЧТЕТЕ
ОЧЕРК ДЖЕКА ЛОНДОНА,
ВПЕРВЫЕ ПЕРЕВЕДЕННЫЙ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК ●

ЗАПИСКИ СОВЕТСКОГО
УЧЕНОГО, ПОБЫВАВШЕГО
С НЕОБЫЧНОЙ НАУЧНОЙ
ЗАДАЧЕЙ В ЛЕСАХ
ВЬЕТНАМА ●

РЕПОРТАЖ С БОРТА Ан-2,
СОВЕРШАВШЕГО
ПАТРУЛЬНЫЙ ОБЛЕТ
КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ,
ЧТОБЫ УБЕРЕЧЬ СТАДА
САЙГАКОВ ОТ
ВООРУЖЕННЫХ
БРАКОНЬЕРОВ ●

РАССКАЗ ОЧЕВИДЦА
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ «АРМИИ»
ТОРГОВЦЕВ
НАРКОТИКАМИ
В ДЖУНГЛЯХ «ЗОЛОТОГО
ТРЕУГОЛЬНИКА» ●

ЗАПИСКИ ГИДА
ОЛИМПИЙСКОЙ КОМАНДЫ
СССР О СЕГОДНЯШНЕМ
СЕУЛЕ ●

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ О ВСТРЕЧАХ
С ТАИНСТВЕННЫМ ЯЕТИ ●

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА
Б. ТРАВЕНА «СОКРОВИЩА
СЬЕРРА-МАДРЕ» ●

Праздничную мелодию на «Львином празднике», что проходит на японском острове Саго, создают барабаны: никаких других музыкальных инструментов, только барабаны — крошечные и гигантские, гулкие и глухие.

Барабанщики — в будни это обычные люди — состоят в особом братстве, очень престижном на острове. Репетируют они каждый день, и главная их цель — максимально сосредоточиться на игре.

Несколько материалов этого номера мы посвятили Международному фестивалю фольклора, который состоится в этом месяце в Москве (см. стр. 16, 38, 52). Фото Ю. ТАВРОВСКОГО

ЮРГЕН БЕРНДТ

Фото Ю. ТАВРОВСКОГО

«НАЦИЯ ВЕЖЛИВЫХ»

Два раза в году — в июле и декабре (по десятым числам) — для универсальных магазинов настают торжественные дни. В эти дни рабочим и служащим выплачивается знаменитое «бонасу» — единовременное денежное вознаграждение, которое, в зависимости от прибыли предприятия, иногда достигает размера нескольких зарплат. Согласно традиции в середине и в начале года японцы делают друг другу подарки. Преподносят что-либо съедобное или какой-либо напиток, обязательно дорогой. Если дарят вещь, то тоже не очень дорогую. Но что бы это ни было, подарок всегда искусно упакован. Последний лоск наводится на упакованный во множество коробок и завернутый в красивую бумагу подарок с помощью «мидзухики» — маленькой связки тонких бумажных лент — с одной стороны белого, с другой — красного цвета. Подарок перевязывают таким образом, чтобы красный цвет был снаружи, а белый внутри. В особо торжественных случаях

«мидзухики» бывают золотого или серебряного цвета.

Если подарок предназначен не соседу, которого и без того одаривают чаще других, ибо, как гласит японская пословица, «хороший сосед ценнее далекого брата», то даритель идет в самый лучший универсам, выбирает вещь, оплачивает ее и указывает ад-

рес. Остальное берет на себя универсам.

Наступает первая неделя декабря. В торговых центрах из громкоговорителей непрерывно, до одури льются рождественские песни. По воскресеньям устраивают не только «sale» — распродажу по сниженным ценам, но и «big sale» — «большую распрода-

Непохожие

Главы из книги ученого из ГДР Юргена Берндта «Лики Японии». Полностью книга выходит в главной редакции восточной литературы издательства «Наука».

жу». Эти английские слова лезут в глаза повсюду. Социологи пришли к выводу, что английские или вообще иностранные слова усиливают воздействие рекламы на человека. Хорошо информированные японцы уверяют, что часть товаров производится исключительно для распродажи. Эти товары, особенно текстиль, довольно

низкого качества, но покупатель в суматохе не может это определить.

Публика не столько покупает, сколько заполняет всевозможные бланки, разложенные повсюду. Хлопоты клиента сводятся лишь к тому, чтобы сделать выбор из множества упаковок. Система эта работает безукоризненно: как и многое другое в

Японии, она доведена до совершенства. Чужестранец недоумевает, ему хочется задать вопрос, почему японцы отказывают себе в той радости, которую обычно испытываешь от вручения подарка собственноручно? Но разве имеет право чужестранец на подобные вопросы? Не пытается ли он свои представления переносить на жизнь другого народа?

Подарки в Японии делают по любому поводу. Дарящий обычно и не скрывает, что рассчитывает на ответные услуги. Получивший подарок, как правило, делает встречное подношение, стоимость которого должна быть ниже стоимости полученного. Разница компенсируется благодарением, которое зависит от социального статуса обоих. Дарят все и всем, и все остаются в конце концов довольны,

ЯПОНЦЫ ?

Целебный дым в храмах страждущие черпают горстями и прикладывают к больным местам.

Храм Мейдзи, императора-реформатора.

Барабаны на празднике острова Садо.

Статуя «Прилежный мальчик». Этот мальчик так любил учиться, что читал на ходу.

Сражение с механическим каратистом.

Токийские школьники.

так как никто не дарит ничего ненужного. И все же в Японии бытует выражение: «Нет ничего дороже, чем то, что получаешь бесплатно».

Если кто-нибудь на несколько дней уезжает из Токио в другой район страны, то оттуда обязательно привозит своим близким подарок, чаще всего какое-нибудь особое известное кулинарное изделие местного производства.

За границей японские туристы обращают на себя внимание тем, что первым делом толпой отправляются в магазины за подарками. Ничто так сильно не разочаровывает их, как неудача в подобном деле. Если японец не может найти для подарка ничего подходящего, он чувствует себя «сабиси». Это слово с трудом поддается переводу. Основной смысл: «одинокий», «покинутый», «печальный» — и все, вместе взятое. Подарок — это удостоверение, что ты посетил ту или иную страну, но, главное, вещественное доказательство того, что и на чужбине ты не забывал о своих близких и друзьях.

Вручая подарок, японец тут же добавляет, что вещь не имеет никакой ценности. Японская хозяйка приглашает гостя к столу, говоря: «Извините, что так скромно, но...» На самом же деле и подарок имеет цену, и стол отнюдь не скромен, а, напротив, даже весьма обилён. И то, и другое — лишь форма вежливости и обозначает, что ты очень старался, но не знаешь, даст ли твой подарок (или угощение) радость и удовольствие.

Если вас приглашают в японский дом на обед, что с иностранцем случается нечасто, берите с собой подарок. Лучше всего взять что-нибудь из еды. В ответ хозяйка завернет что-нибудь из оставшегося угощения. Даже если это вас удивит, отказываться не следует. После больших торжеств, например свадьбы, в Японии никто не возвращается домой с пустыми руками.

Как упаковка, так и вручение подарка требуют настоящего искусства. Иностранцу трудно во всем разобраться, но пусть это его не беспокоит — японцы и не ждут, чтобы он неуверенно следовал японским традициям, и с пониманием относятся к тому, что чужеземец неопытен. Если бы он даже попытался следовать всем нюансам японских церемоний, то все равно потерпел бы неудачу. Но стоит постараться понять японцев, хотя это и трудно.

Вспоминается такой случай. Я ехал в метро. Напротив меня сидел маленький — лет пяти-шести — мальчик с мамой и украдкой меня разглядывал. Неожиданно он выпалил:

— Мама, сорэ ва гайдзин да! (Мама, иностранец!)

«Дзин» означает «личность», «человек», «гай-е» — «извне». «Гайдзин» в сегодняшнем разговорном языке употребляется для обозначения любого иностранца и не содержит ничего враждебного. Но все-таки в слове есть какая-то доля неприязни. В литературных произведениях

XIII—XIV веков это слово толковалось иногда как «враг», «противник», некто чужой. Гайдзин могут принимать дома, обращаться с ним весьма вежливо, даже сердечно, но «своим» он не станет.

Когда малыш в метро произнес это слово, оно менянисколько не задело. Правда, я и вида не подал, что понимаю язык. Не успел малыш закончить фразу, как мать тихо, но весьма решительно одернула его, сказав:

— Это почтенный гость из-за границы!

Слово «гость» было произнесено столь учтиво, что ему трудно найти европейское соответствие. Я поневоле улыбнулся, мать в ответ также улыбнулась, хотя было видно, что она встревожена, и стала что-то шепотом объяснять малышу. Затем она замолчала, упорно отводя глаза, а ребенок стал разглядывать меня с еще большим любопытством.

Во время первого посещения Японии я побывал в Киото в бывшем летнем дворце императора — Кацурарикию. Это личная собственность императора, и потому осмотр его дозволен лишь по особому разрешению. Только я принял фотографировать несколько особо изящных деталей главного здания, как наш гид разразился безудержной бранью. Смутьившись, я молча устоялся на красного как рак разъяренного гида, выкрикивавшего ругательства. То, что брань была адресована именно мне, до меня дошло не сразу. Лишь позднее какая-то добрая душа объяснила мне содержание тирад: с этими выражениями в университете нас не знакомили. Но дело было не только в бранных выражениях — их в японском языке насчитывается не так уж много, — а в том факте, что на тебя грубо накричали. А произошло вот что. Фотографируя, я нечаянно сошел с дорожки и ступил на императорский газон. Этого было достаточно, чтобы на меня полился поток оскорблений. Выходит, столь высокопревозносимая японская вежливость все же имеет границы?

Мне никогда не приходилось слышать в Японии, чтобы в общественном транспорте, даже если он набит настолько, что стоять приходится на одной ноге, люди оскорбляли друг друга. Конечно, иногда у кого-нибудь вырвется «бакаро» — «дурак», но не больше. Однако именно в транспорте сталкиваешься с японцами (в основном мужчинами 20—45 лет), которые ведут себя заносчиво и бесцеремонно. Они могут принадлежать к любой социальной группе и иметь различное образование, но это прежде всего «сарари мэн». Слова эти английского происхождения, только в английском языке такого выражения нет. Оно образовано в самой Японии, как и многие другие понятия вроде бы английского или американского происхождения. На самом деле это «джеплиш» — «японский английский». Под «сарари мэн» подразумевают человека, живущего на «salary» — жалованье, обычно клерка. Кое-кто из них

прожил много лет за границей, большинство имеют высшее образование, закончили колледж или даже университет. Насколько приветливо и подобо-бострастно они порой относятся к европейцу, настолько же заносчиво — к своим соотечественникам.

Их поведение резко контрастирует с распространенной в Японии сдержанностью, скромностью, любезностью, чрезмерными застенчивостью и робостью.

Кстати, сдержанность и терпимость, свойственные японцам, иной раз оборачиваются безразличием к ближнему. Обязанностей по отношению к чужим людям вообще не существует. Поведение отдельного человека ориентировано на свою группу. В группе он чувствует себя защищенным, вне группы — беззащитным и одиноким. Но где этого нет? Только в Японии «изнанка» остается скрытой от глаз большинства иностранцев: они либо не владеют языком, либо их внимание с самого начала приковано только к «лицевой стороне».

Говорят, что в Японии не принято давать водителям такси чаевые. Днем, правда, пассажир оплачивает лишь сумму, которая значится на счетчике. Таксист возвращает сдачу до последней йены. Но в полночь, когда на Гиндзе в Токио закрываются бесчисленные бары и рестораны, а на стоянках такси выстраиваются длинные очереди, свободные такси проезжают мимо, заворачивая на соседнюю улицу. Кто-то голосует. Водитель останавливается, клиент называет адрес. В ответ таксист отрицательно качает головой — и был таков. Тогда клиент вновь голосует и на сей раз называет сумму, которую он готов заплатить сверх счетчика, и тогда дверца открывается. Бывает, приходится платить вдвое, а то и втрое больше положенного. И ничего это не волнует, никто не возмущается по этому поводу. «Сикатаганай» — ничего не поделаешь.

САМОПОЗНАНИЕ

У Японии история в полторы тысячи лет. С середины шестидесятых годов нашего столетия Япония вышла на третье место (а по некоторым показателям и на первое) среди индустриальных стран мира. И вдруг — а может быть, не так уж и вдруг? — она начинает вслух размышлять о себе самой, заниматься поисками собственного самосознания. С конца шестидесятых годов страна как зачарованнаязирает на самое себя, впадая в своего рода самогипноз.

«Что представляют собой японцы», «Что такое японская культура?», «Откуда пришли японцы?», «Открытие заново японца», «Структура сознания японцев», «Характер японца», «Душа японца» — таковы лишь некоторые, выхваченные наугад, названия книг. Они не только наводнили рынок, но и нашли читателей. Причем тиражи этих книг немыслимы в других странах.

Казалось, у японцев осталась одна единственная тема для разговора. Сначала она называлась «нихонрон» — «дискуссия о Японии», а позже — «нихондзинрон» — «дискуссия о японце». Но дословный перевод почти ни о чем не говорит. В Японии некоторые понятия зачастую настолько эмоционально перегружены, что в конце концов теряется их определенность. Под «нихондзинрон» подразумевают размышление о своеобразии японского народа, о его неповторимости. Под влиянием средств массовой информации дискуссия о неповторимости превращается в общенациональный психоз. Япония сама себя открывает, и японцы призывают японцев открыть Японию. Кстати, это вовсе не так уж бескорыстно, как может показаться на первый взгляд. Здесь многое взаимосвязано. «Гайдзин» — человеку извне, понять это трудно, объяснить — тем более. «Discover Japan!» — «Открывай Японию!» — призывали многие красочные плакаты на английском (не на японском!) языке, выпущенные управлением государственных железных дорог в начале семидесятых годов. «Открывай Японию!» — призывают по-английски японцы японцев. И самое странное, что этот призыв в высшей степени действителен. Он стал девизом, который помог обогатиться владельцам железных дорог, а еще больше — отелей, и тем самым — одной из самых молодых отраслей промышленности — индустрии досуга. Рука об руку с этой кампанией шло открытие «фурусато» — «старой деревни» — малой родины, села — в противоположность городу.

После второй мировой войны люди потянулись в город. Япония бурно урбанизировалась. Сельская община слыла бескомпромиссной в области человеческих отношений. Крупные города обещали не только большую личную свободу, но и лучшую материальную обеспеченность, более интересную культурную жизнь. Однако уход сельских жителей в города менее чем за двадцать лет обернулся тоской по земле, по человеческой защищенности — всему, что было в деревенской общине. Прежняя шкала ценностей, казавшаяся уже утраченной, возродилась к новой жизни. И как один из симптомов нового развития снова стали появляться «фильмы о родине», создаваемые порой людьми, которые еще не так давно выбрасывали за борт все, что имело отношение к традициям и наследству. Теперь их призыв гласит: твоя истинная родина там, где ты родился, только там ты сможешь обрести счастье. Вернись, изгнанник, назад к земле, которая хранит прах твоих предков.

Они пробудили тоску, которую утолить невозможно, так как процессы развития нельзя повернуть вспять. Однако остаются праздники — а их в Японии множество — и заполняются железнодорожные поезда. Открывай Японию!

Подобное происходит и в других

странах. И тем более удивительно, с каким усердием, не жалея бумаги, японские ученые и публицисты силятся доказать — выдвигая подчас весьма странные теории, — будто всеми своими достижениями Япония обязана только самой себе. При этом любая новинка — всегда истинно японское изобретение.

Издатель одной англоязычной газеты в Токио высказал мнение, что для неапонца необязательно читать японские газеты, так как издающиеся в Японии газеты на английском языке в достаточной степени обеспечивают его необходимой информацией. «Значительная часть того, что печатается в нашей прессе, — писал он, — не вызовет никакого интереса у иностранного читателя. Мы же представляем иностранцу, как мне кажется, довольно точную картину японской жизни». Но ведь весь материал, публикуемый в его газете, тщательно отбирается, да и откуда ему знать, что для иностранца представляет интерес, а что нет?

Этот пример говорит о том, что Япония хотела бы, чтобы ее видели лишь в том свете, в каком она сама себя подает, а не такой, какая она есть на самом деле. Может быть, японский народ, постоянно оглядывавшийся за последние сто лет на Европу и Соединенные Штаты, потерял родную почву под ногами, не в силах больше выносить «двойную жизнь» — азиатскую, с одной стороны, и европейско-американскую — с другой? Тогда самопознание и поиск собственной самобытности как бы вытекают из естественного инстинкта самосохранения.

Возможно, кое-кто найдет очень простое объяснение феномену под названием «дискуссия о японце», сведя его к национализму. Ведь упор на национальное своеобразие обычно расценивается как признак национализма. Наверное, это будет упрощением.

Внешне японский образ жизни зачастую представляется смесью азиатского и европейско-американского.

Новое рождается в борьбе со старым. Старое постепенно отмирает. В конце концов оно исчезает или сохраняется, если его нарочно поддерживают. Это подтверждается опытом развития всего человечества. Но насколько это верно для Японии?

В конце прошлого столетия началась индустриализация страны, а к началу нашего века появилась тяжелая индустрия. Она становилась все более мощной, однако не разрушила мелкое, базирующееся на ремесленном труде, производство, а включила его в новую индустриальную структуру. «Двойная структура» стала характерной чертой японского капитализма.

Старое и новое, «японское» и «европейско-американское» сосуществуют, не сливаясь, вместе. Чаще всего мирно, а если между ними и возника-

ет конфликт, то он не превращается в безжалостную войну. Вот это многообразие внутреннего и внешнего уклада жизни, возможно, единственное в своем роде явление среди всех народов земли.

Если кто-нибудь хочет жить в Японии по «японскому» образцу — пожалуйста. Если жалеет жить по «европейскому» («американскому») образцу — тоже пожалуйста. Он может спать на «нормальной» кровати, если считает, что постланное на полу японское ложе неудобно. Хочет пользоваться во время еды ножом и вилкой вместо палочек — изволь. К услугам любителей кофе несколько тысяч небольших кафе, или «кафешоп», как их называют сегодня молодые японцы. Желает выпить виски вместо саке, съесть мясо вместо рыбы, картофель — вместо риса — пожалуйста. Этот список можно было бы продолжить до бесконечности.

Если захотелось принять ванну по-японски (японцы, как правило, купаются перед сном ежедневно), ты должен быть готов к тому, что вода для купания будет более горячей, чем тебе хотелось бы. Кроме того, от тебя потребуются основательно помыться мылом, прежде чем ты влезешь в деревянный (ныне — облицованный кафелем) чан с водой. Перед тобой в этом чане побывали (в той же воде) другие — и к этому надо привыкнуть. В сельской местности купание может превратиться в рискованное предприятие, ибо там пользуются металлическими котлами. Даже если огонь под котлом уже не полыхает, прикосновение к его стенкам, а особенно ко дну, может вызвать ожог.

Обычно в таком котле плавают несколько досок, которые нужно умело притопить, иначе купание превратится в пытку. Недаром оно называется «гоэмонбуро» — по имени прославленного разбойника Гозмона Исикавы, который в конце XVI века был приговорен к смерти и брошен именно в такой котел, где и сварился. А кто не признает купание по-японски, может ограничиться душем или ванной, хотя японец считает не очень гигиеничным сидеть или лежать в воде, в которой намыливаешься.

В деревне европеец скорее всего вынужден будет отжаться от кровати, ножа, вилки и кофе. Однако в принципе в Японии всегда держат наготове и то, и другое, и третье, и четвертое. Правда, далеко не в каждом доме.

То, что в Японии поистине все поиному, чужеземец должен принять как должное. Поставить себя на место японца он все равно не сможет, так как он слишком «дорай» (от английского «dry» — «сухой») — так считают японцы. Японцы не боятся показывать свои чувства, быстрее поддаются им, кажутся излишне сентиментальными. В личной сфере, однако, эмоциональность скрывают: крепкое рукопожатие друзей, сердечные объ-

тия родителей и детей, поцелуи супругов и возлюбленных могут смутить тех, кто это увидел. Поцелуи между молодыми людьми на глазах у публики, даже гуляние в обнимку японцы воспринимают как проявление безнравственности. Там, где европеец готов показывать свои чувства, японец их скрывает, и наоборот. Сдержанность в сфере личных отношений, которая восходит к традиционному моральному кодексу, может сбить европейца с толку. Чаще всего иностранец считает, что за готовыми на все случаи жизни предписаниями не видно человеческого тепла. Ему трудно понять нюансы, тонкие намеки, ясные для японцев. Европейцу трудно разобраться во всем этом, и потому его считают «дорай».

«Вскоре после моего приезда в Америку,— пишет японский психиатр Такэо Дой,— я через одного своего японского знакомого попал к американцу домой. Во время беседы хозяин спросил меня: «Вы, наверно, проголодались? Хотите, может, перекусить?» Помню, я был очень голоден, однако, когда человек, которого я видел впервые в жизни, напрямик спросил меня об этом, я не мог заставить себя признаться, что действительно не прочь поесть, и отказался. Но в душе я все же надеялся, что мой гостеприимный хозяин еще раз обратится ко мне с этим вопросом и будет меня уговаривать. К моему большому разочарованию, он лишь сказал: «Ну ладно, не буду настаивать, и тем самым заставил меня пожалеть, что я не был откровенен. Тогда же я подумал, что японец никогда не стал бы спрашивать иностранца, проголодался ли он, а просто угостил бы его».

После нескольких подобных случаев и размышлений над ними, психиатр вспомнил японский глагол «амаэру». Для «амаэру» нет эквивалента в другом языке, считает психиатр. И, возможно, он прав. В словарях этот термин толкуется как «попытаться расположить кого-либо к себе лестью», «подаститься» или несколько вульгарно: «кого-либо умаслить». Но такой перевод не раскрывает истинного смысла слова. Возможно, «амаэру» следовало бы растолковать так: «дать кому-либо понять, что ты чувствуешь себя зависимым от него и ждешь его расположения к себе и покровительства».

«Амаэ на кодзо» назвал доктор Такэо Дой свою книгу, вышедшую в 1971 году и тотчас ставшую бестселлером. Английский переводчик очень удачно перевел заглавие книги: «Анатомия зависимости». Эта зависимость возникает с обоюдного согласия. Некто добровольно, руководствуясь больше эмоциями, чем логикой, становится в зависимость от кого-то, тем самым выражая свое доверие к нему, а взамен рассчитывает получить защиту и также доверие.

Дзюнъитиро Танидаки — один из крупнейших романистов нашего вре-

мени опубликовал в 1934 году книгу под названием «Руководство к стилистике».

«Родной язык,— писал он,— нерасторжимо связан с характером народа. Если японский язык беден словами, то это ни в коем случае не означает, что наша культура уступает западной или китайской. Это служит лишь доказательством того, что ораторское искусство не соответствует нашему национальному характеру... Древний Китай и Европа славились крупными ораторами, в японской истории такового не было. У нас испокон веков к красноречивым людям относились скорее с презрением... Это означает, что мы не полагаемся, как китайцы и европейцы, на всемогущество слова и не верим в действенность речей... У нас имеется слово «харагэй», неизвестное даже китайцам». (Слово «харагэй» пишется при помощи китайских иероглифов со значением «живот» и «искусство», поэтому Танидаки ссылается на китайцев.) «Искусство живота» может навести на разные мысли. Действительно, в некоторых текстах можно встретить «харагэй» в значении «акробатика живота», однако истинный смысл этого слова подразумевает прочувствованную игру на театральной сцене, а также молчаливое воздействие одного человека на другого и бесловесное общение между ними.

Откровенно говоря, бывает досадно, когда приходится слышать от японцев: «Вы нас все равно не понимаете!» Или вопрос: «Разве вы можете понять японскую литературу?» Но попробуй спросить: «А вы понимаете немецкую литературу?» — и услышишь уверенный ответ: «Разумеется!» — «А почему это само собой разумеется?» — «Потому, что мы изучаем ее уже больше ста лет». Это звучит не очень убедительно, хотя и приходится признать, что в Японии знают о мире, и в первую очередь, о Европе, больше, чем мир — о Японии.

Поэтому и задаешься вопросом, почему она все-таки так склонна рассматривать себя как необыкновенное явление в мировой истории и как мир в себе? Почему японцы столь много и глубоко занимают собой и считают себя недоступными для посторонних влияний? Почему Япония проявляет такое нежелание быть понятой другими?

Если, потратив массу усилий, вы не одолеете «нихондзинрон» — «дискуссию о японце», то лучше всего почитать «Манъёсю» — поэтическую антологию VIII века.

Даже безмолвные Деревья имеют Сестру и брата. Однако я остался без спутника, Как это горько и печально.

Почитайте японские стихи, и, может быть, поймете, что в Японии многое устроено иначе, чем на других широтах. Многое, но далеко не все.

Перевела с немецкого Е. ШОХИНА

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

К сказанному Юргеном Бернгом можно было бы добавить многое, но это означало бы написать столько же и даже больше — и при том не исчерпать все возникающие о жизни современной Японии вопросы. Автор показал нам в новом ракурсе несколько ликов бесконечно многоликой страны — Японии.

Хотелось бы, однако, добавить следующее.

Разве одни лишь японцы задумываются о себе, о том, откуда они пришли и что собой представляют? В классической русской и в современной советской литературе мы можем найти немало произведений, притом прекрасных, где звучит та же ностальгия жителя большого города по родной деревне и ее забытым ценностям. Да и в Германии в начале нашего века «почвеннической» направленные в литературе были весьма заметным явлением. И то, что человек, вежливый и обходительный в своей среде, у себя в деревне, дома, в кругу знакомых, может утратить эту вежливость в толпе, в электричке, в магазине, где его окружает множество незнакомцев, где люди обезличены, — это ведь явление, встречающееся не только в Японии.

Мне немало приходилось заниматься этнографией бытового поведения народов в разных уголках мира, в том числе столь далеких друг от друга, как Япония и Северный Кавказ. И нередко случалось, что, обсуждая с моим коллегой этнографом из Кабардино-Балкарской АССР, специфические вопросы этикета, моральных ценностей, норм поведения, принятых у адыгейцев, черкесов, кабардинцев, я вновь и вновь отмечал, что буквально то же самое, в тех же словах, можно было бы сказать и о японцах: здесь и почтение к старшему (будь он даже старше всего на два-три года), и культ стойкости к страданиям, и даже нарочитый поиск неудобств и лишения, чтобы ярче показать свою стойкость, и нетерпимость к публичному выпячиванию своего «я», и внешнее, показное безразличие мужа к жене, отнюдь не отражающее его подлинных чувств, и многое, многое другое.

По-видимому, то, что кажется в японцах необычным для европейцев и что на самом деле можно найти у других народов, отражает общеисторические закономерности перехода от феодализма к капитализму. В большинстве стран Европы этот переход произошел несколько столетий назад, для японцев же — в сравнительно недавнем прошлом. Многие пережиточные, внешние черты феодального типа поведения, уже не соответствующие содержанию повседневного поведения, все еще стойко сохраняются у них в быту. Но на фоне сверхиндустриализованного общества они выглядят особым диссонансом.

С. АРУТЮНОВ,
доктор исторических наук

А. ТАРУНОВ,
наш спец. корр.
Фото автора

ДВА ВЗГЛЯДА НА ОСТРАВУ

Здесь принято гордиться не средневековой стариной, а тоннами добытого угля и выплавленной стали. Ведь Острава — крупнейший индустриальный центр Чехословакии. И все-таки тем, кто живет возле шахт и домен, небезразлично, как выглядит их город, не похожий ни на какой другой. Восстанавливаются островки исторических кварталов, реконструируется старая промышленная архитектура, преображаются двory новостроек.

Узнав, что я еду в Остраву, знакомые пражане делали круглые глаза.

— Этот город не для туристов. Копры и трубы. Нет, нас туда не заманишь...

Знакомство с Оставой началось с вокзалов. Не с одного вокзала, а именно с вокзалов. В черте города их несколько, и даже скорый поезд, идущий от станции Границена-Мораве, делает остановки у всех крытых перронов, построенных еще в прошлом веке.

Главный вокзал, через который ежедневно следует экспресс на Варшаву, построен недавно. Просторный и светлый, бетонный и пластиковый. Застекленные галереи ведут с перронов в залы ожидания. Здесь не слышно ни стука вагонных колес, ни шума привокзальной площади. Тихо, уютно, как в библиотеке. Даже выходить не хотелось: за широкими окнами вокруг нового вокзала виднелись склады, за ними начинались одно-двухэтажные дома неопределенного цвета, с облупившейся штукатуркой. Подумалось, что пражане наверняка были правы: судя по первому впечатлению, Острава выглядела уныло.

Я вышел из трамвая у старой ратуши. Здание завершалось невысокой башней, куполом и шпилем. Площадь перед ней обступили угловатые серые фасады периода конструктивизма. В сравнении с другими ухоженными чешскими городами, а точнее, с их «причесанными» центральными площадями, где что ни дом, то исторический памятник, Острава казалась бедной родственницей. Впечатление дополняли порывы ветра, доносившие откуда-то знакомый каждому работавшему на заводе кислородный запах литейки...

Я прошелся еще немного. Воздух даже горчил, а люди, как ни в чем не бывало, спешили к остановкам или не торопясь разглядывали витрины универмагов. Свернув с большой улицы, я увидел в клубах пепельного дыма контуры огромного ребристого здания.

Многие, даже в Чехословакии, полагают, что Острава возникла в про-

шлом веке, когда начались разработки местных запасов каменного угля. Говорят, что название местечка пошло, видимо, от «острой травы» — осоки, густо покрывающей топкие берега верховой Одры.

В краеведческом музее, занимающем три сводчатых зала под ратушной башней, мне показали написанную готическими буквами и заверенную висячей печатью грамоту оломоуцкого епископа Бруно, в которой под 1267 годом было впервые упомянуто местечко Острава. Значит, город этот совсем не молод.

Первоначально Острава состояла как бы из двух городов, разделенных притоком Одры рекой Остравицей, — замка Силезская Острава с предместьем и рынка в богатом ремесленном посаде на моравской стороне. В 1539 году торговые люди построили здесь ратушу и возвели крепостные стены: Моравская Острава тогда получила городские привилегии.

Увидеть крепостные стены теперь можно лишь на увеличенной копии старинной гравюры, занимающей в музее целую стену. В прошлом веке, когда центр стал лихорадочно застраиваться фирмами и банками, каменный пояс не выдержал, крепость сломали, и застройка растекалась среди окрестных селений. И ныне островки старины выглядывают, если смотреть с ратушной башни, островерхими парными колокольнями.

Пограничное положение Большой Оставы — город относится сразу к двум землям Центральной Европы, Силезии и Моравии — не вносит каких-либо неудобств. Давно все забыли, что когда-то одна часть города считалась прусским, а другая — австро-венгерским владением. Но и по сей день в Оставе прежнее деление на силезскую и моравскую части сохранилось, жители охотно пользуются в обиходе старыми названиями. И не только в устной речи. Даже названия остравских универмагов сугубо местные: «Слезанка», «Остраванка» да «Мораванка»...

На улицах слышишь чешскую речь, но иногда и польскую. В окрестностях, да и в городе, живет немало силезских поляков. Из этого соседства и возник специфический острав-

ский диалект, который пражане, например, твердо считают неправильным, неизменно избирая остраван с их произношением объектом острот.

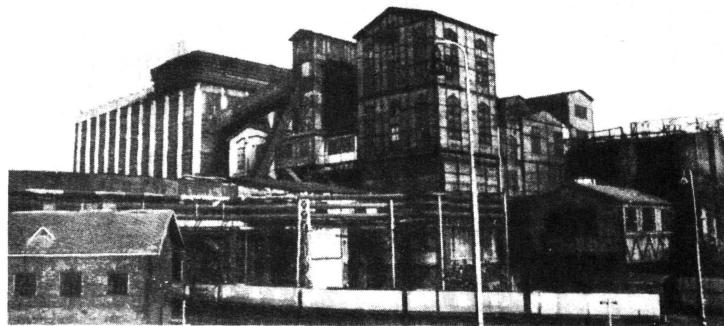
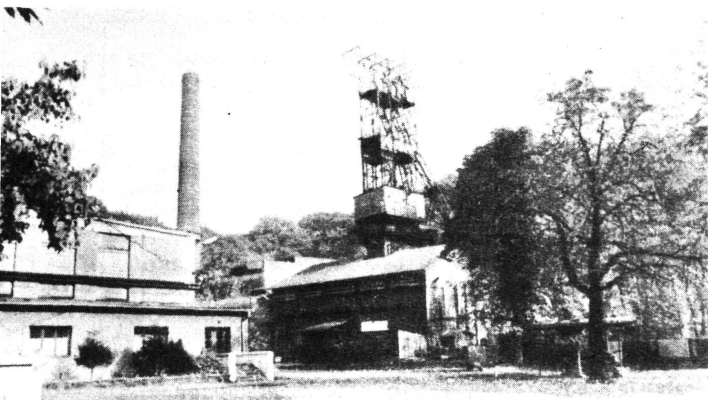
В прошлом все доходы с предприятий Оставы текли в карманы Ротшильда и Рокфеллера. Городским властям перепала лишь мизерная часть. Отсюда и невыразительность остравских окраин, проблемы с транспортом, водоснабжением, загрязнением воздуха — наследство, доставшееся нынешнему поколению остраван.

— Ошибаются те, кто считает Остраву скучным городом, лишенным достопримечательностей, — сказал мне сотрудник Североморавского центра государственной охраны памятников природы и культуры Милош Матей. — Бывали когда-нибудь в шахтерском скансене?

Скансен — это общепринятое в Европе название этнографического музея-заповедника. Но при чем здесь уголь?

Вместе с Милошем мы отправились на Ландек — так называют здесь невысокую гору, а точнее крутой мыс над Одрой, где находится этот музей. По дороге Матей подробно рассказал об открытии, которое случайно сделали на Ландеке рабочие, строившие в 1905 году теннисный корт для управляющего ротшильдовскими шахтами. Углубившись в землю на несколько штыков, они наткнулись на орудия охоты и кости вымерших тысячи лет назад животных. Но возможность провести тщательные раскопки на Ландеке чехословацкие ученые получили только в пятидесятых годах. Вот тогда-то была найдена «Ландекская Венера» — статуэтка из кости величиной с палец — гордость небольшого Остравского музея. В отличие от известных археологам аналогичных древних фигурок, у Ландекской Венеры сохранилась непропорционально крупная голова. Изображение находки вошло позже во все монографии о палеолите Европы и первобытном искусстве, в учебники археологии и истории.

Но самих остраван взволновало другое сообщение. Раньше считалось, что главное богатство края —

уголь — открыл кузнец Кельгичка, который около двухсот лет назад первым догадался подбросить в пылающий горн черные камни. А тут среди костей мамонтов, в раскопанном на Ландеке кострище, отгоревшем 25 тысяч лет назад, нашли в остывшем пепле те же черные камни. Значит, свойства остравского угля, пластами выходящего на поверхность под Ландеком, не были секретом для человека каменного века, и лишь потом люди надолго забыли об этом.

В рейсовом автобусе Милош решил на всякий случай уточнить, где нам лучше выйти. Он подошел к водителю, и не меньше трех раз донеслось до меня слово «Ландек».

— А что это такое? — прочитал я на лице водителя в зеркальце. Мой проводник смущенно, стараясь, чтобы я не обратил внимания, стал снова объяснять.

— Нэвим, — пожимал плечами шофер. — Не знаю.

Потом я понял причину странной неосведомленности водителя. Довольно значительная часть рабочих остравских предприятий не живет постоянно в городе. И, похоже, не очень-то жаждет стать горожанами. Эти люди приезжают сюда в начале рабочей недели из ближних и дальних моравских сел и местечек, из Силезии, из горных хуторов Есеников и Бескид, из соседних областей и даже из Словакии. До пятницы живут они в современных, похожих скорее на гостиницы, общежитиях; чаще одни, но нередко и с семьями, причем дети в этом случае посещают остравские школы. На выходные дни «пятидневники» отправляются в свои деревни — отдыхать, покопаться в огородах. А к понедельнику вся эта многотысячная армия возвращается обратно к своим рабочим местам и снова проводит в городе очередную пятидневку. Так в Остраве восполняют дефицит рабочих рук. Социологи считают, что подобная практика приносит выгоду только в сравнительно небольшой стране с развитой транспортной сетью, какой, собственно, и является Чехословакия.

Каждая остравская шахта или заводской цех строят и стараются лучше оборудовать для своих рабочих такое общежитие поближе к предприятию. Я был на строительстве

Шахта «Эдвард Уркс» скоро станет центром шахтерского скансена.

Так выглядит «Каролина» — одна из старейших фабрик Остравы.

Украшение города — старая ратуша.

такого здания в районе Пршивоз. Среди обычных многоэтажек несколько странно выделялись старинные конструкции копра с застывшим колесом подъемного механизма. Здесь раньше поднимали уголь из шахты «Индриж», но угольный пласт, объяснил Матей, уже полностью отработали. Старые наземные сооружения шахты ломать не стали: краснокирпичные, в стиле «модерн», они смотрелись теперь среди бетонных коробок как дворцы. Решили разместить в них клуб и ресторан шахтерского общезжития, его возводят рядом из сборного железобетона. Даже старому подъемному механизму найдется, кажется, работа: его переделывают в подсобие «колеса обозрения» с поднимающимися, но, разумеется, не опрокидывающимися, лавочками-вагонетками...

Водитель автобуса оказался одним из пятидневных жителей Острavy, и ему в какой-то мере были простительны пробелы в знании топонимики и истории города. Тем более что нынешнюю его структуру наш неостраванин знал отменно. Стоило Милошу назвать расположенную под Ландеком шахту «Эдвард Уркс», как тут же мы получили точную информацию.

Из автобуса мы вышли под роццей, зеленым куполом венчавшей вершину невысокой горы. Мы повременили идти вверх, к месту обитания Ландекской Венеры, и отправились неширокой мощеной улочкой, которая так и называлась — «Под Ландеком». Ни одной души здесь не встретили. Зато перед сменой, напомнил мой спутник, по ней проходят тысячи шахтеров. Вот уже более ста лет спешат они под Ландеком к основному стволу «Уркса», чтобы в старинной клетке опуститься в забой.

— Эта улочка и будет музейной, — сказал Матей.

Я огляделся. К крутому, поросшему кустарником склону притулились кирпичные домики прошлого века — мастерские и бытовки горняков. На склоне тут и там торчали штырьки с желтыми треугольными табличками: так обозначили давно брошенные штольни в недрах Ландека. На ближайшей табличке я прочитал: «Штола Хуго. 1803. 125 метров».

— Штольня?

— Да. Видишь, сколько их было?

— Можно спуститься?

— К сожалению, еще не оборудовано, — сказал проводник. — И мы не взяли фонарей...

Я все же заглянул в темный проем, чиркнул спичкой. Пламя выхватило черные своды хода, деревянные подпорки.

— К следующему твоему приезду мы организуем в штольни спуск всех желающих, — убежден Матей. — Каждый сможет прихватить с собой кирку — пусть, если сумеет, нарубит себе сувениров.

И он, порывшись в карманах куртки, протянул мне черный, в блестящих камешек.

В Бюро главного архитектора Ост-

равы мне показали проекты реконструкции устаревших промышленных сооружений. Разглядывая планшеты, я узнал чадающие ребристые фасады.

— Коксохимическая фабрика «Каролина» возникла в 1853 году, когда это место считалось городской окраиной, — подвел нас к огромной городской карте архитектор Ладислав Немец, непоседливый тощий молодой человек в роговых очках. — С тех пор Острада разрослась, да еще как! Фабрика оказалась в центре города.

— Это чудовище давно пора снести, — не удержался я.

Архитектор укоризненно посмотрел на меня поверх очков, как бы решая, стоит ли со мной говорить дальше. Потом резко встал, сгреб в портфель бумаги, свернул в трубы чертежи, и через несколько минут мы уже стояли у проходной фабрики.

— Фабрика работает последние дни. — Директор «Каролины» Зденек Доминик раскрыл большую красную папку и стал читать подготовленную по случаю предстоящего закрытия вредного производства историческую справку.

— В конце войны, — закончил он, — нацисты хотели разрушить большой корпус, заложили мины, но мощные пилоны при взрыве устояли. Сразу после освобождения Острavy возобновилось производство кокса, крайне необходимого для возрождения национальной металлургии.

Доминик посмотрел в окно на трубы и добавил от себя:

— «Каролину» помню с детства и, если честно, не представляю без нее Острavy.

С начальником смены Миланом Шимой в перепачканном мазутом лифте мы понеслись вверх. Вышли на промежуточном этаже и направились в темный коридор. Отовсюду доносился грохот. Десятки разнокалиберных труб тянулись в разных направлениях, изгибались, уходили вниз и вверх железные трапы.

Мы оказались на одном из балконов главного технологического зала — огромного, этажа в три, пролета, находившегося, по моим прикидкам, метрах в сорока над землей. Если, конечно, я не сбился, считая этажи, и не потерял ориентацию в запутанных переходах. Посередине зала меж бетонных бортиков несся пузырящийся поток кокса.

Ладислав запачкал сажей светлую куртку, но, замороженный технологическим действием, не обращал внимания на мелочи.

— Вот это архитектура! — наконец выпалил он. — Вымыть бы, вычистить коридоры, раскрасить железные конструкции, наполнить резервуары чистой водой, экзотические растения какие-нибудь тут разместить — никакой Центр Помпиду не сравнится бы с «Каролиной». Это же настоящий дворец техники!

Невозмутимый Шима вел нас дальше и дальше по гулким железным мосткам. Наконец вышли на крышу, ее занимал — почти всю — огром-

ный резервуар, наполненный водой.

— Смотрите, — сказал Ладислав, — готовый плавательный бассейн на крыше. До этого еще никто не додумался. А у нас почти готово!

Встав на бортик резервуара и облокотившись на железные поручни, мы долго смотрели вниз на узкие улочки и дома, обступившие площадь перед старой ратушей; на Силезский замок за рекой, на трубы и копры, как бы проросшие сквозь крыши и зеленые кроны подобно щетине. И мастер Шима внес последний штрих в картину.

— Раньше, — сказал он, — к «Каролине» через весь город тянулась канатка, доставлявшая по воздуху уголь на фабрику прямо из шахт.

— Жаль, поторопились сломать канатку, — вздохнул Немец, — а ведь можно было оборудовать ее для пассажирских перевозок. Наверняка отпала бы необходимость строить в Остраве новые железнодорожные и трамвайные пути. Они и без того паутиной опутали город. Чего только не разместишь в «Каролине»: универсам, библиотеку, клуб, театр, картинную галерею. И все вместилося бы, и еще как оригинально! У нас есть готовый проект, мы его представляем в городской национальный комитет, где скоро будут рассматривать генеральный план развития Острavy.

И, наверное, архитектор прав. Ведь промышленная архитектура, по своему выразительная, определяет облик нынешней Острavy, не похожий ни на какой другой город. Индустриальный город — в этом его своеобразие. А значит, надо не бездумно ломать здания, пусть и отслужившие свою производственную службу, а восстанавливать их, наполняя новым содержанием, возвращать обществу, — вот путь обновления старых промышленных центров. Думаю, не только в Чехословакии.

Сколько я ни ходил по Остраве, она не показалась мне многолюдным городом. Перед отъездом, около трех ночи (здесь говорят — утра) меня разбудили. Поеживаясь от холода, я вышел к остановке. Минута в минуту пришел трамвай, наполненный до отказа. Ночной город жил гораздо активнее. Отовсюду к остановкам спешили рабочие — пора было ехать к началу смены. Перед вокзалом растеклось целое людское море: люди шли с пригородных поездов. Пять утра — «час пик» Острavy. Так рано начинается здесь трудовой день. Привычные будни, с которыми я так и не успел свыкнуться.

Но для коренных остраван жизнь немислима без дорог к шахтам и домам, без тяжелого, но почетного и необходимого труда, без сероватых от вековой угольной пыли домов, без «Каролины». Отказаться от этого можно, как заметил потомственный горняк Милан Шима, разве что на короткое время отпуска.

О с т р а в а

ЖИВУЩИЕ У РЕКИ

АЛЕКСАНДР ПИКА,
кандидат исторических наук

Фото автора и И. ВАЙНШТЕЙНА

ПОЙТОВОЯМ

Вертолет шел вдоль западного берега Пенжинской губы. Места безлюдные. В иллюминатор видны песчаные обрывистые берега, русла пересохших речек, бурые сопки. Лесотундра. Далеко на востоке в синей дымке осталась Камчатка. Мы летим в Парень — маленький поселок на севере Камчатской области.

Наша группа — часть социально-демографической экспедиции Института социологических исследований Академии наук СССР — изучает демографическую ситуацию, проблемы социального и культурного развития народов Севера. В этот полевой сезон мы работаем на Камчатке, в Корякском автономном округе. Тревожные факты позвали нас в дорогу... Всесоюзная перепись населения 1979 года показала, что северные народы страны, а их насчитывается 26 — ханты, манси, ненцы, эвенки, эскимосы, чукчи, коряки и другие, почти перестали расти в численности. Дополнительные полевые исследования в различных районах Севера позволили вы-

явить причину: постоянное из года в год снижение рождаемости при сохранении повышенной смертности и усиление этнической ассимиляции. Какой-то рецепт с пометкой «cito» («срочно») исследователи выписать пока затрудняются, но ясно, что если положение дел на Севере радикально не изменится в благоприятную для коренных жителей сторону, то через некоторое время прирост прекратится вовсе, и наши «малые» северные народы станут еще меньше.

Но почему нас заинтересовал именно Парень, старинный поселок береговых коряков? Дело в том, что проводившиеся у нас и за рубежом исследования показали: одна из наиболее заметных причин социально-демографического кризиса северных народностей — частые переселения их из одних поселков в другие, выселение из родных мест, подселение к другим общинам. За этим всегда следует разрыв общинных, социальных и родственных связей, трудности адаптации на новом месте, психологичес-

кие депрессии, социальная пассивность, усиление пьянства, кризис семьи и, естественно, снижение рождаемости. Переселение обычно мотивируют нуждами развития экономики и проводят жесткими административными мерами. Не берусь судить, насколько все это полезно для экономики, но для самих людей — это всегда социальная и духовная травма. Вспомним полную трагизма повесть Валентина Распутина «Прощание с Матерой». Там все правда. Сейчас переселение национальных поселков на Севере стало редко. Но вот Камчатская область держится обычаям крепко.

В 1983 году с побережья Пенжинской губы «убрали» поселок Рекинники, перевели людей на восточный берег Камчатки. Но его жители — а это в основном коряки-оленоводы — так и не смогли приспособиться к жизни на новом месте. Многие через несколько лет вернулись в полуразрушенный старый поселок и кое-как живут там. И вот теперь на очереди самый последний поселок на Пен-

жинской губе — Парень. Он уже давно «подготовлен» к ликвидации. Дело за согласием жителей, а они его не дают. Вот для того, чтобы на месте познакомиться со всем происходящим, мы и направляемся в Парень.

Пассажиры нашего вертолета — в основном уроженцы Парени, летят навестить родные места. Летят из тесноты и суеты Манила, самого крупного поселка в Пенжинском районе. Кроме людей, в вертолете груз для магазина — два десятка ящиков с консервами из камбалы, минтая, кукумари. Надоели, видно, пареньцам благородные лососи, гольцы и хариусы, водящиеся здесь в изобилии...

Вертолет завис над поселком, сел. Мы вышли — и сразу окунулись в теплый зеленый мир. Высокие тополя и ивы, травы в пояс, цветы. Кажется, вот-вот зажужжит пчела. Как не похож этот кусочек земли на бурую лесотундру, что проплывала под нами! Поселок, несмотря на ветхость построек — а здесь ничего не строится и не ремонтируется уже более 15 лет, — удивительно быстро располагает к себе.

Что же такое нынешняя Парень, чем она живет сейчас? Нас, социологов, интересует не только день сегодняшний, но и вчерашний, и завтрашний. Можно ли понять демографическую ситуацию, не зная историю края, его природу, обычаи и верования народа? Наша задача состоит в том, чтобы добыть достоверные факты, осмыслить их и выдать полезные рекомендации. И тут нельзя пренебрегать ни изучением архивов и статистических справок, ни живым человеческим общением.

Мы сидим в маленьком, не больше охотничьей избушки, домике сельсо-

вета и слушаем рассказы местных жителей. Они задают вопросы, упорно принимая нас за какую-то еще одну проверочную комиссию. Главный вопрос, который их беспокоит, — есть ли у поселка будущее? Председатель сельсовета Владимир Алексеевич Лыхьив говорит:

— Мы уже устали от всяких комиссий. В январе перед выборами приехали начальство из района, с людьми не беседовали. В сельсовет не зашли. Только ходили по домам и говорили, что нас скоро выселят.

Видно было, что страсти по поводу переселения поселка накалены. Я спросил моих собеседников, что они знают о решениях, принятых в районе и округе по поводу их поселка, что знают о работе специальной комиссии Камчатского облисполкома, созданной для рассмотрения этого вопроса.

— Ничего не знаем, — ответил Лыхьив. — Нам говорят: «решение уже принято». Закрывать ваш поселок как «неперспективный». А почему неперспективный и почему решение принято без нашего согласия — этого нам никто не говорит.

Пришлось рассказать пареньцам о переписке, которая ведется по поводу их поселка между районными, окружными и областными организациями. С этими материалами меня познакомили в Петропавловске-Камчатском. Рассказал я и о письме заведующего отделом развития экономики и культуры народов Севера Совета Министров РСФСР Сергея Ивановича Балабанова в Камчатский облисполком с предложением отказать от старой, изжившей себя политики «перспективных и неперспективных сел». Слушали с интересом. Потом посыпались конкретные вопросы.

— Почему у нас в магазине ниче-

го нет? За крупными покупками ездим на лодках в Магаданскую область...

— А зачем тебе магазин, если зарабатываешь всего 50—60 рублей в месяц? — ответил спрашивающему кто-то из односельчан.

— Сетей совхоз дает мало и лимит на вылов рыбы тоже ограничивают. А мы могли бы ловить больше.

— Когда наконец приедет к нам зубной врач?

— Почему вертолеты к нам летают редко и нерегулярно? Бывает, что упадет с неба неожиданно, пока люди прибегут — уже кого-то высадили и улетели, ничего не спросив и не взяв ничего.

— Почему шкуры лахтакров у нас забирают в манильскую пошивочную мастерскую, мы могли бы и сами все шить...

— Мало железа на кузню привозят. Пусть бы заказывали больше ножей, мы бы делали.

Почему, почему... Сто тысяч «почему». Впрочем, ответов люди даже не ждали, просто хотели высказаться. Мы побывали в конторе отделения совхоза, амбулатории, школе, детском садике — и везде те же тревоги, те же рассказы. Постепенно картина прояснялась. Но, чтобы она стала понятна и читателям, придется вернуться к тем дням, когда мы собирали материал по району, лежащему на реке Пенжине.

Пенжинский район Камчатской области, или, как говорят еще, Охотско-Камчатский край. По площади он вполне сравним, например, с Рязанской или Московской областями. Население всего 5,4 тысячи человек, из них 1,8 тысячи аборигены края — коряки, эвены, чукчи. Районный центр —

поселок Каменское. По притокам реки Пенжины расположились поселочки оленеводческих совхозов — Оклан, Аянка, Слаутное, Таловка. У устья Пенжины стоит поселок Манилы, южнее на Пенжинской губе — Парень. Вот, пожалуй, и все.

Давно прошли те, почти былинные времена, когда обитатели этого пустынного края могли ловить рыбу и зверя, множить оленьи стада без надлежащей заботы властей, строгого учета и контроля произведенной продукции. Большинство жителей поселка Каменское как раз и занято учетом и контролем. Где-то по долинам и взгорьям под присмотром пастухов бродят оленьи стада, в реках и губе выметывают и проверяют сети рыбаки, у причалов портовые рабочие грузят баржи и плашкоуты — идет работа. А в Каменском — симфония телефонных звонков, бодря дробь телематапов; в строгих официальных кабинетах с нами разговаривали приветливые, оптимистично и по-деловому настроенные люди. Это они решают здесь все вопросы районной жизни. В основном это приезжие товарищи (или как тут говорят — «с материка»), у коряков и чукчей к управленческой работе душа не лежит. По вопросу о Парени здесь нет двух мнений: «Переселять!»

Из Каменского на старой барже мы доплыли до Манил. В отличие от чистенького, аккуратного Каменского Манилы поселок-работяга. Здесь морской порт, сюда в короткую летнюю навигацию завозят грузы для всего района. Тут крупный совхоз, свой аэропорт, нефтебаза и прочее. В Манилах проживает много коряков, переселенных из старинных береговых поселков Пенжинской губы, из оленеводческих стойбищ. Живут здесь также эвены, чукчи, ительмены. Они работают на стройках, на фермах, в порту, но в прошлом все они — охотники, рыбаки, оленеводы. А вот еще одна характеристика поселка Манилы, данная работниками районного суда и органов внутренних дел: «В этом поселке оперативная обстановка наиболее сложная. Существенным является то, что здесь имеется определенное число местных жителей, не занятых в оленеводстве и не имеющих квалификации, что, с одной стороны, порождает проблемы трудоустройства, а с другой — создает резерв, из которого выходят лица, ведущие антиобщественный образ жизни. Только на учете больных хроническим алкоголизмом состоят 62 человека, из них 132 коренной национальности. Фактически же их значительно больше».

...Думай, социолог, думай! Свяжывай эти факты с теми, что тебе уже известны. А именно: вот сюда-то и хотят переселить паренцев. Улучшится ли от этого «оперативная обстановка»? И далее — почему в поселке Манилы так много людей, забывших свою вековую профессию?

С ликвидацией поселков на Пенжинской губе — Микино, Ороночек,

Ловаты и других — в районе быстро пришел в упадок охотничий промысел и сократилась добыча морского зверя. Белуху и тюленя сейчас организовано почти не добывают, несмотря на обилие их в губе и в реке; белку, красную лисицу, горностая бьют десятками, единицами, а не сотнями и десятками тысяч, как это было еще в 30-е годы. Самый крепким звеном традиционного хозяйства народов Севера остается оленеводство. В Пенжинском районе сосредоточена почти половина поголовья оленей Камчатской области — более 70 тысяч. Но и тут сложились свои проблемы. Молодежь не хочет идти работать в тундру. Сейчас каждый четвертый, занятый в оленеводстве, — пенсионер. Конечно, подумал бы — стоит ли идти в тундру, если зарплата оленевода меньше, чем на строительстве, или у механизаторов, живущих в тепле и работающих «от звонка до звонка». Но не только в деньгах дело. Общественный престиж профессии и образа жизни оленевода упал чрезвычайно. Мнения и жизненные взгляды приезжих управленцев, специалистов, техников о преимуществе поселковой и, конечно же, городской жизни над кочевьем и жизнью в природе с детства впитывают оторванные от родителей, воспитывающиеся в интернате дети оленеводов. И обычные трудности кочевья начинают рассматривать как неприемлемые. А психологические сложности жизни в поселках им пока не видны. С этим они познакомятся позже, и, конечно, многие из них внесут свой вклад в создание «сложной оперативной обстановки».

Сейчас к обычным трудностям жизни оленеводов прибавились новые, которых раньше не было. Это дефицит оленеводческого инвентаря, меховой одежды, традиционного питания. Кто-то должен снабжать оленеводов. Но у совхоза «Манильский» другие заботы. Здесь, в суровых условиях Севера, решили создать продуктивное молочное животноводческое хозяйство, выращивать птицу. Нужно завозить «с материка» и заготавливать на месте корма, нужна электроэнергия, топливо для обогрева животных, и, естественно, нужны специалисты и квалифицированные рабочие, которые здесь будут получать почти двойные «северные» оклады. В результате добросовестный труд приехавших на Север животноводов и птицеводов в 1986 году принес совхозу четверть миллиона рублей прямых убытков, не говоря уже о затратах из районного бюджета на обеспечение приезжих жильем и социально-бытовой инфраструктурой. А ведь жилищные проблемы здесь, особенно для коренного населения, чрезвычайно остры! Но зато в столовой райцентра теперь всегда есть свежие яйца и молочные блюда, которые любят приезжие и почти не употребляют коренные жители.

И все же совхоз «Манильский» не «прогорел». Спасли оленеводы-пенсионеры, давшие в 1986 году прибыли более чем на полмиллиона рублей.

Теперь кто-то должен позаботиться и о них, чтобы они и в следующие годы могли покрывать убытки от производства дорогостоящей, не северной продукции. Но, оказывается, сделать это уже некому. Издавна лучшим снабженцем и кормильцем оленеводов были береговые жители — зверобой, рыбаки, ремесленники. Они снабжали оленеводов вяленой рыбой, жиром морского зверя, кожей тюленя-лахтака для упряжи и обуви, ремесленными изделиями. А получали от оленеводов мясо и шкуры оленей. Сейчас же, как я уже говорил, береговые поселки на Пенжинской губе ликвидированы. Что же завезут в тундру — рыбные консервы, пластмассовые чааы, негнувшиеся на морозе резиновые сапоги и болоньевые куртки для любителей ревматизма? Кажется, вот тут-то и могла бы пригодиться Парень, но...

С тех пор, как совхоз «Манильский» начал развивать животноводство и птицеводство, Пареньское отделение ему стало не нужным. И пришло «простое» решение: объявить село Парень «неперспективным». Тогда не нужно строить, наращивать производство, ремонтировать, обслуживать, завозить и вывозить грузы. С «неперспективными» людьми и разговаривать проще. Для управленцев большое облегчение — на одну единицу управления стало меньше. И это в районе, где всего-то восемь поселков, причем один из них «специализировался» на вопросах управления!

А в Парени теперь школа до 3-го класса, заработной рабочих очень низкая, снабжение соответствующее. На все жалобы ответ один: уезжайте отсюда. Но ехать в общем тоже некуда. Обещанные районным руководством дома для переселенцев еще в проекте и будут ли строиться — неизвестно. Расчет на то, что упрямые паренцы сами разьедутся кто куда, и все утихнет само собой. Но эти люди не хотят уходить со своей земли. И вот почему.

Пареньские коряжки издавна населяют эти места. В составе корякского народа они составляют особое племя со своей территорией, историей, особым языком, культурно-духовной общностью. Их самоназвание «пойтоло» — живущие у реки Пойтовоям. Эти люди никогда не были оленеводами, они береговые жители. Их нива — море и лес, их жатва — рыба, тюлени, киты летом, красные лисицы и белки зимой. Их традиционные партнеры по обмену — «чаучу», то есть оленеводы. Было у паренцев развито и кузнечное дело. В прошлом они считались лучшими кузнецами на всем северо-востоке Азии. Пареньские ножи и копыя в XVIII—XIX веках охотно покупали русские, понимавшие толк в хорошем металле.

В Камчатском областном архиве я разыскал докладную записку о хозяйстве Парени в начале 30-х годов, составленную краеведом Пенжинской культуры Комитета Севера В. Аполловым. Он пишет: «Несмотря на призывность и ограниченность орудий

производства, Парень своей продукцией — ножами — до сегодняшнего дня снабжает не только население округа, но и частично туземцев всей Чукотки и Колымы». Кузнечным делом тогда занималось 22 человека, из которых одиннадцать считались отличными мастерами. По запискам Аполлова можно представить размеры этого промысла Парени: с ноября 1930 по март 1931 года было изготовлено ножей, топоров, копий, багров для байдар на сумму почти 3500 рублей. Что ни говори, а масштабы для поселка (207 человек) значительные.

Пареньские кузнецы знали технику инкрустации по металлу, их изделия были не только лучшими по качеству, но и самыми красивыми. Раньше с этим считались. На Гижиге до революции был государственный запасной магазин, куда специально для пареньских коряков завозили железо.

А что теперь? Искать металл приходится самим. Совхоз заказывает своему отделению не более 300 ножей в год. Топоры, копья, багры не делают вовсе. И кузнецов осталось мало. Опытные мастера Василий Тагович Оптаят и Николай Хечгинтович Четвинин успели передать свое умение кое-кому из молодых. Хорошо работают Владимир Аmani, Виктор Кевев. Но все же кузнечный промысел Парени явно в упадке. А жаль! Хорошие ножи нужны охотникам и оленеводам. И не только на Камчатке, а по всему Северу. Я знаю, что за старые кованые топоры, которые находят еще в заброшенных архангельских и вологодских деревнях, плотники-профессионалы платят по сто рублей. Жаль, если этот уникальный народный промысел уйдет из жизни в музей.

О прошлом Парени мы говорили с бывшим председателем здешнего колхоза «Искра» Александром Эхейвичем Челкуниным.

— Раньше наши отцы так жили — весной развезжались по стойбищам на берег моря. Таких мест было пять: Тылхой, Куюл, Карночек, Начгаты и Хаимчики. Здесь готовились к весеннему промыслу. Мужчины скрепляли остов байдары, женщины шивали шкуру лахтака для обтяжки. Байдару спускали на воду и делали праздник. Потом была работа: среди льдин охотились на лахтаков — бородатых тюленей. Летом большие байдары сушили и с берега или на маленьких лодочках «мато» сачками и сетями ловили рыбу. К осени опять ладили байдары и выходили в море. Или загоразивали тюленьи залежки на берегу и били добычу колотушками. По первому снегу на собачках все развезжались в Парень и Куюл. Тут уж по кузницам работали, а женщины шили, скоблили шкуры. Ездили на ярмарки в Аянку, Слаутное, Апуку.

— А как вы при колхозе жили? — поинтересовался я.

— Колхоз «Искра» начался у нас с 1932 года. Андрей Милико был его первым председателем, потом был Еремин Иван Анисимович, а после

него я стал. До 1939 года мы еще в старых землянках жили, в которые залезали по столбу через крышу. Я мальчишкой был, девять лет мне было, когда приехал к нам первый учитель. Баурма — звали мы его¹. Кроме него, русских тогда никого в Парени не было. Его у нас все любили. Он раздал всем тетрадки и карандаши, учил читать и буквы писать по-русски. Школа тоже в землянке была, там под земляной крышей висели портреты Сталина и Ворошилова.

В войну стали поселки сселять — сначала Иткану, потом Ловаты и Орночек. Нас не трогали. После войны мы совсем хорошо зажили. Стали нас возить на работу в Чайбуху (Магаданская обл. — А. П.) на осенний лов сельди. Зарабатывали там, бывало, по три-четыре тысячи за сезон. А потом возвращались и еще на Карночке ловили красную рыбу, сельдь и сдавали на приемный пункт в Хаимчиках, морского зверя тогда еще много били. Вот это наши лучшие годы. Хорошо тогда жили. И сейчас можно было бы жить не хуже, да только не нужны мы никому. От нас только беспокойство всем людям. Вот и вы из самой Москвы приехали.

Так и не кончил Александр Эхейвич рассказ об истории колхоза. Задал мне вопрос:

— А скажите, вот так можно делать? Из района к нам приехали представители, на улице собрали людей и говорят: «Мы у вас заберем ваши постройки, они совхозные, а вы, если хотите, оставайтесь». Зачем так грозить? — И добавил: — Тише надо подходить к людям...

С историей береговых коряков я столкнулся и на острове Добржанского, недалеко от Парени. Молодой коряк Виктор Кевев сказал, что на этом острове сохранились древние сооружения из китовых костей. Мне приходилось видеть древнеэскимосские памятники. Видел я и знаменитую Китовую Аллею на острове Иттыгран в Сивинском проливе — ряды пяти-шестиметровых, вкопанных в землю челюстей гренландских китов. Но что обычно для Чукотки, для Камчатки, похоже, редкость. О традиционном корякском китобойном промысле в Охотском море сведений вообще мало. А тут неизвестный памятник.

Выехали рано утром. Завернули к рыбакам на Карночек, подкрепились испеченным на костре лососем, выпили чаю и на двух лодках отправились к острову. Дул встречный ветер. Корму и особенно сидящего у мотора Виктора захлестывала волна. Остров быстро приближался, рос на глазах. На угрюмых утесах открывались глубокие трещины, обрывы. Мы подошли к острову с северной подветренной стороны и попали в уютную тихую бухту. Спокойная вода, серо-стальные скалы и галечный берег...

¹ Этнограф Константин Иванович Баурман.

Пареньцы называют этот остров «Пойтоло-илыс» — Пареньский остров. А название, отмеченное на географических картах и морских лоциях, остров получил в 1915 году в честь офицера русского флота капитана дальнего плавания Николая Александровича Добржанского. Он проводил изыскания в Пенжинской губе в составе гидрографической экспедиции Восточного океана.

Долго оставаться на острове мы не могли, с отливом нужно было уходить, и мы быстрым шагом двинулись к «китовому месту». Идти вначале было нелегко, все вверх и вверх по мягкому ковру из мхов и лишайников. Под ногами брусника, моршка, виднелись яркие шляпки грибов. Наконец мы вышли на мыс и здесь увидели то, к чему стремились.

Несколько вкопанных челюстных костей, черепа и беспорядочное нагромождение китовых ребер. Самые крупные челюсти доходили до трех метров. По-видимому, тут добывали молодых китов. Биологический вид их когда-нибудь определит зоолог. Рядом с костями хорошо было видно место, где стояло переносное каркасное жилище типа яранги. Конечно, это было временное жилье, постоянно люди тут не жили. И даже промышленной стоянкой это место назвать нельзя. Кругом крутые берега и плохой подход к воде. Может быть, это было культовое сооружение, жертвенник китобоев? Или «Китовый караул» — в поселке мне рассказывали, что с острова раньше высматривали: есть ли киты?

После поездки на остров я думал вот о чем. Все материалы этнографии и биолого-хозяйственные описания, а также памятник вроде того, что мы увидели на острове Добржанского, свидетельствуют о том, что Охотско-Камчатский край когда-то был вторым по величине после Чукотки и Аляски очагом прибрежного китобойного промысла. Пенжинские коряки истари были умелыми китобойми. Их промысел был сильно подорван хищничеством американских китобоев в середине XIX века.

Но еще в 30—40-е годы Пенжинскую губу бороздили десятки кожаных байдар. Охотились на тюленей. А. Э. Челкунин рассказал мне, что еще мальчиком он принимал участие в охоте на китов в байдаре самого известного в Парени охотника и кузнеца Тутава. Второй байдарой командовал Чахъинковав. Тогда добыли двух китов и отбуксировали их для разделки в Хаимчики. Это были последние киты Парени...

Сейчас в Парени я не видел ни китов, ни байдар. Множество истлевших байдарных каркасов разбросано у безлюдных поселков. А между тем на Чукотке и Аляске сейчас идет возрождение байдарного промыслового плавания. Эскимосы по обе стороны Берингова пролива признают: древняя байдара лучше вельботов и металлических лодок, которые у них есть сегодня. Может быть,

и здесь, в Охотской Камчатке, еще не все забыто и утеряно? И в развитии современного хозяйства традиционные знания природы, охотничьи навыки, ремесла и искусство народов Севера найдут свое место? Тут есть над чем подумать.

Фактов, кажется, мы добыли в нашей экспедиции немало. Теперь дело за рекомендациями. Вот одна, главная. Парень нужно возродить, и основа для этого есть. Здесь наилучшие в районе экологические условия. Картофель тут крупный и поспевает раньше, чем на Камчатке. Травы хороши для сенокосов. В Пенжинской губе много красной рыбы, тюленей и белухи. Местные жители знают здесь каждый кустик, каждый ручей, они умеют добывать рыбу и зверя лучше, чем кто-либо. Владимир Лыхвиз и управляющий отделением совхоза Юрий Владимирович Кевев считают, что их хозяйство можно было бы ориентировать на производство продукции для оленеводческих бригад. Пареньцы могут поставлять в тундру «комплект оленевода» — полный набор упряжи, чаат из кожи тюленя, торбаса на лахтачьей подошве, хороший нож. А также особым способом готовить для оленеводов рыбные припасы — юколу, телушки, жир морского зверя. Это была бы настоящая, не на словах, а на деле, забота об оленеводах вместо ежегодных обещаний построить им всем дома в поселке. Хотя, конечно, и дома строить нужно.

Инициатива пареньцев замечательна, но не разобьется ли она о равнодушие и незаинтересованность местного руководства? Ведь все эти ремни, кожи и жир не входят в перечень основных плановых показателей работы РАПО.

С закрытием Парени будет потеряна еще одна ниточка, связывающая для береговых коряков прошлое и будущее. Будут потеряны традиции, ремесла, язык. Пареньцы исчезнут как племя, пополнив отряд уборщиц, разнорабочих и грузчиков в и без того небогатых рабочими местами Манилах.

По возвращении из Парени в Каменское мне не раз еще пришлось слышать, что, мол, пареньцы — «иждивенцы», что от них району одни убытки и лишние хлопоты, что переселение, даже вопреки их желанию, будет для них благом. Могу сказать, что сами пареньцы так не считают. Для своего блага они хотят, в сущности, очень немногочисленные — жить на родной земле и оставаться самими собой.

Уже в Москве, возвратившись из экспедиции, я узнал, что для встречи очередной комиссии по проверке поселка жители Парени вышли на вертолетную площадку с плакатами в руках. На одном из них было написано: «Племя Пойтоло хочет жить на своей земле!»

Камчатская область,
Корякский автономный
округ

С. БУРА,
наш спец. корр.

В ПОГОНЕ ЗА НЕВИДИМКОЙ

Бортмеханик захлопывает дверь. Ил трогается с места, долго и тряско катит по бетонным дорожкам. Взлетаем мы как-то незаметно. Медленно набирая высоту, самолет идет вокруг города, над дачными поселками, разбросанными в пригородном лесу, над Томью — к полигону аэрологов...

События того дня разворачивались столь стремительно, что сейчас я с трудом вспоминаю, как рейсовый Ту-154 доставил меня на томскую землю, и как потом, в лаборатории оптической погоды Института оптики атмосферы Сибирского отделения АН СССР, я с тревогой ожидал, когда освободится от повседневных хлопот начальник авиаэкспедиции Борис Белан — ученый, ради встречи с которым я и прилетел в этот сибирский город. Впрочем, ждал я его тогда недолго. Спустя час мы уже ехали на другой конец города, к полигону.

В лабораторном корпусе, или, как здесь его называют, «полигоне», меня сразу взял под неувязчивую, но предупредительную опеку Валентин Кузьмич Ковалевский — ветеран авиаэкспедиции, инженер-электронщик и изобретатель:

— Разобраться в нашем хозяйстве просто. Экспедиция Белана занимается авиаразведкой. Группа старшего научного сотрудника Сергея Бобровникова работает с лазерными зондами — лидерами. Иногда они проводят параллельные исследования, как, например, сегодня.

Вскоре я опять шел по взлетному полю Томского аэропорта.

Маленький салон экспедиционного Ил-14 явно тесен, но как-то по-особенному обжит, как бывает обжит вездеход геологов. Изнутри самолет отнюдь не похож на машину, предназначенную для полетов. Из салона через отверстия в бортах тянутся пластиковые трубки. Снаружи они соединяются с воздухозаборниками, внешне напоминающими автомобильные клаксоны начала века. В полете в их раструбы вместе с атмосферным воздухом попадают взвешенные в нем микроскопические аэрозоли. Вот эти мельчайшие частички и исследуют ученые. Они определяют концентрацию аэрозолей в воздухе за бортом, его влажность, температуру. Собраные в полете на бумажный фильтр пылинки потом в лаборатории сжигают и по спектру пламени определяют, из чего они состоят.

Заканчиваются недолгие приготовления к полету. Белан жelaет нам летной погоды и спускается на асфальт. В последний момент выясня-

ется, что сегодня он вынужден остаться на полигоне.

— Высота — восемьсот метров, влажность — семьдесят пять процентов, концентрация аэрозолей — тридцать, — громко повторяет данные приборов Ковалевский, записывая их в журнале наблюдений. Как я узнал, он проводит испытания усовершенствованного прибора, и первые показания осмысливает сам, без посредничества бортового компьютера.

Попутно он объясняет мне, что задача перед ним сегодня стоит сложная. Счетчик аэрозольных частиц, с которым приходится работать, — прибор серийный, и качество его ученых не устраивает. При таких сложных исследованиях необходимы приборы на порядок чувствительнее. Вот почему Ковалевский, по профессии инженер-электронщик, вынужден не только переделывать серийные приборы, но и зачастую летать в качестве оператора.

— Сначала «площадка» на тысяче метров, потом снижаемся до двухсот, — объявляет регламент работы сотрудник лаборатории Геннадий Толмачев. (Площадкой аэролога называют исследуемый воздушный слой.)

Мы проплываем над Томью, полями и перелесками. Вокруг чистота и прозрачность, скрадывающая расстояния, отчего земля кажется ближе. Между тем приборы показывают высокую влажность и разную, в зависимости от высоты, температуру воздуха и большую концентрацию аэрозолей, особенно над рекой. Постепенно от площадки к площадке самолет приближается к земле, к белому кубу полигона.

Здесь уже не видно солнца. Кроны сосен сливаются в сумрачную массу, которую прорезает тонкая зеленая струна лазерного луча. Направленный над речным руслом луч отражается от микрочастичек, находящихся в самом нижнем слое атмосферы. Здесь воздушные токи поднимают испарения ввысь, чтобы высоко над землей под воздействием низких температур они превратились в облака.

Вот почему так важно динамику температурных колебаний в многокилометровой толще атмосферы с точностью до тысячных градуса. Сегодня с помощью лазера это можно установить в считанные секунды. Но такое осуществимо только в лабораторных условиях. Не удается пока сделать лидарные установки мобильными и одновременно эффективными

анализаторами атмосферных процессов. Поэтому основными источниками аэрологической информации на сегодня остаются самолеты-лаборатории, утюжащие расслоенное на «площадки» небо.

Мы уже около часа кружим над полигоном. На земле теперь ночь, и в ней — большое озеро городских огней, такое же неправильное, как и многочисленные старицы Томи, исполосованное нитками улиц.

Самолет летит над Томском. На развороте ныряет в дымный шлейф, стелющийся из труб ГРЭС. Счетчик показывает двадцатикратное возрастание аэрозолей...

— Уходим на Колпашево, — объявляет Геннадий Толмачев. — Обработаем площадки 500, 800 и 1200 метров.

Таких площадок у Геннадия Николаевича за плечами десятки тысяч. В Институте он работает с начала семидесятых. На его глазах прошли все этапы научного взросления авиаэкспедиции. Много сил отдано на испытания лазерных установок в авиаразведке. Нужно было узнать, на что способны передвижные лидары. Результат был далек от аэрологии: с помощью лидаров сегодня отыскивают косяки рыбы в океане.

Медленно проходим вдоль реки над обезлюдившей тайгой, над брошенными расколочными селами, старыми погостами. Редко-редко внизу попадается проселок, ведущий к дальнему полю. Вокруг реки — вековые следы ежегодных разливов. Замысловатыми изгибами расходятся они от речного русла, отчего Томь выглядит необъятно широкой.

По курсу самолета напалывают большие белые гряды. Тихоходный Ил окунается в белесый сумрак, выплывает и снова погружается. Алые цифры на табло приборов показывают концентрацию аэрозолей за бортом самолета: 40—50 частиц в кубическом сантиметре воздуха — так получается довольно плотное облако. Когда же атмосфера на глаз кажется чистой, капель и пылинок в кубическом сантиметре в десять раз меньше.

— Полгода назад, — наклоняется ко мне Геннадий, — мы летали на другой машине. В общем, такой же Ил, но на нем был локатор, и грозовые фронты мы могли обходить стороной. Списали тот самолет на очередной комиссии, проржавел, говорят. Теперь без локатора, вслепую, можно угодить в грозовое облако, а это не из приятных. Машину бросает из стороны в сторону так, что приходится в потолок руками упираться. В этом году мы здорово у Балхаша покувыркались...

За этот год аэрологи на тихоходном Ил-14 проделали десятки маршрутов от Томска до Дальнего Востока и оттуда до Одессы. Их знают почти во всех больших и малых аэропортах, на взлетных площадках Балхашской степи и в тайге. Но зачем нужны для исследований такие огромные расстояния?

— Небо не разделишь на независимые один от другого квадраты, — объясняет Толмачев. — В атмосфере все настолько взаимосвязано, что ни один штришок, природой созданный или человеком, не остается без ответа. Когда мы из сибирского неба попадаем в серое от гари небо Донбасса, на память приходят самые мрачные пророчества. Выбрасывая в атмосферу такое количество пыли и гари, человек не только отравляет себя, окружающую его природу, но постепенно изменяет климат Земли. Такая малость, как микроскопический аэрозоль, при больших скоплениях может оказаться причиной экологической катастрофы.

Самолет снова врезается в податливую стену облаков, подрагивает, вибрируя двигателями, будто буксует на мeste.

— Сейчас мы в тылу воздушного холодного фронта, — говорит Геннадий. — Продвигаясь, он охлаждает находящиеся в нем водяные пары, и они постоянно подпитывают облака. Процесс, как будто бы давно изученный, но на деле все обстоит гораздо сложнее, и, возможно, обилие облаков — результат уже упоминавшейся пылевой агрессии человека.

Толмачев смотрит на часы: пора менять фильтры. За бортом яснее. Облака отодвигаются, открывая темное пространство тайги.

— Через десять минут пройдем Колпашево, — объявляет Ковалевский, — влажность снизилась. Меньше сорока процентов. Аэрозолей — всего 10. Температура за бортом — плюс восемь. — Он замолкает на мгновение и вдруг весело произносит: — Ну, товарищи, никак опять в облако вошли...

Внизу, по курсу, светлое пятно городка. Я прижимаюсь к прохладному стеклу иллюминатора и смотрю, как самолет поворачивает к северу, выходит на «площадку». Большой прожектор луны кажется совсем близко, а на земле деревья отбрасывают на освещенные поляны длинные тени. Неужели обнаружили невидимое облако? Одно из самых загадочных атмосферных явлений. Но Ковалевский не мог не верить счетчику, а он показывал, что концентрация аэрозолей удваивалась каждую пару минут и была сейчас уже как в плотном облаке. Он торопливо записывает в журнал величины атмосферного давления и температуры.

Честно говоря, на такую удачу я не надеялся. Хотя... ни увидеть, ни пощупать невидимку невозможно. Мне было трудно до конца понять, сколь важен для ребят этот неожиданный успех.

Впервые ученые натолкнулись на нечто похожее еще в 1981 году. Тогда летели из Балхаша в Чарджоу. Солнце, степь, сушь. И вдруг заработал счетчик аэрозолей. Сначала грешили на прибор. Однако он через каждые пятьдесят часов полетов фиксировал такие же призрачные тучи. И Белан

предположил, что это все-таки настоящие облака, пусть и невидимые. По существу, они — его открытие.

Образуются невидимки, подобно пузырьку воздуха, у дна закипающего чайника, который растет по мере нагревания воды: дрожащий стеклянистый ком с неровными стенками медленно отрывается от доньшка и устремляется вверх. В атмосфере похоловший пузырек воздуха, образовавшийся над землей, под воздействием солнечного тепла тоже устремляется вверх и несет в себе огромное количество частиц. Это могут быть и обычная пыль, и гарь таежных пожаров, и дым предприятий. Пузырь теплого воздуха прорывает слой влажных испарений и застывает над ними, образуя сухое облако. В дальнейшем оно конденсирует водяные пары, и превращается в обычное кучевое.

Я попытался представить себе это облако видимым, тем более, что, по словам Ковалевского и Толмачева, оно должно быть похоже на обычное. В нем так же неоднородна концентрация частичек, а значит, есть более и менее «прозрачные» места. Существуют у него верхушка, основание и центр, в котором аэрозоли располагаются плотнее. Но вот размеры невидимки куда больше обычных облаков и туч. Белан иногда отмечал невидимые покрывала сорокакилометровой протяженности. За такие размеры их и назвали мезомасштабными...

Самолет поднялся на новую площадку. Геннадий вычерчивает предположительный контур невидимки. Похоже на гору с несколькими пиками. На земле, после обработки собранных данных, записанных на кассеты бортового компьютера, можно восстановить этот контур точнее, если понадобится, сделать даже масштабный рисунок. Но сегодня исследователей больше интересуют вопросы возникновения того теплого воздушного пузырька и жизнеспособности сухих облаков, ведь они, по существу, предвестники изменения погоды. Если научиться прогнозировать их зарождение, то можно будет предсказывать погоду с большей точностью, вплоть до составления подробных карт образования облачных фронтов, гораздо более надежных, чем существующие.

— Прошли верхнюю границу, — объявляет Ковалевский, — концентрация падает. Значит, по вертикали — 1200 метров, а по горизонтали — 10 километров. Направление движения — юго-западное. Почти попутчик нам будет до Томска!

На следующий день Белан введет в машинную память полученные в полете данные, что, наверное, еще более углубит знания аэрологов об атмосфере. Возможно, в недалеком будущем одной из площадок авиаэкспедиции станут также и экологические исследования воздушного океана.

ВЛАДИСЛАВ ДРОБКОВ,
корр. «Правды» —
специально для «Вокруг света»

Фото автора

Толпа мальчишек, как вспугнутая голубиная стая, с криками метнулась за угол и понеслась вверх по улице. Подковки ботинок высекали искры из булыжной мостовой. А навстречу им текла с городской площади фантастически яркая процессия ряженых.

— Жилли идут!

Впереди — ребятишки в бежевых штанах и камзолах, украшенных красными фигурами львов, с гигантскими белыми воротниками. Их головы плотно обтянуты белыми чепчиками. Лица закрыты одинаково улыбающимися розовоцековыми масками. Ребята достают из плетеных корзинек некрупные апельсины и запускают ими в прохожих, стараясь, впрочем, скорее напугать, чем попасть.

Вслед за детьми — взрослые в похожих одеждах, но в громадных, иногда больше метра в высоту, круглых головных уборах. Эти плюмажи из страусовых перьев колышутся над толпой подобно белым облакам.

Деревянные трещотки ведут мелодию, задавая общий ритм. Им вторят мерные удары здоровенных деревянных башмаков по камням старинной мостовой. Позвякивают медные колокольчики, которыми украшены одежды.

— Жилли идут!

Издаലെка кажется, что процессия движется неровно, рывками. Но вблизи ее течение предстает упорядоченным, подчиняющимся собственному ритму и невидимой режиссуре.

Кто такие жилли? Откуда взялись, когда?

В Бенше карнавал жиллей проводят ежегодно уже несколько столетий. В этот небольшой валлонский городок, затерявшийся между пологих холмов и терриконов заброшенных шахт, съезжаются гости со всей Бельгии, из-за рубежа. Праздник

ЖИЛЛИ

В конце июля на улицы городка Вьельсальм, что на севере провинции Люксембург, выходят коварные ведьмы. Берегись, прохожий, — они могут заколдовать любого...

Во второе воскресенье мая во фламандском городе Ипр проходит фестиваль кошек. Когда-то, гласит легенда, жители Ипра жестоко обходились с этими четвероногими. Видя в них вместилище нечистой силы, они сбрасывали кошек с колокольни ратуши. Эта мрачная традиция была отменена официальным декретом в 1818 году. Более того, граждане Ипра с тех пор начали устраивать в честь кошек грандиозный парад ряженых, длящийся несколько часов.

ИДУТ !

давно стал одним из наиболее ярких карнавалов в Бельгии, хотя похожие шествия, правда с другими персонажами, проходят каждый год едва ли не во всех уголках страны. И в других городах в дни праздников, стуча деревянными сабо, звеня бубенцами и грохоча трещотками, идут колонны жиллей из Бенше.

Существует несколько версий, объясняющих происхождение этой яркой традиции.

Наиболее популярна легенда о том, что впервые жили вышли на улицы Бенше в 1549 году, чтобы приветствовать властительницу испанских Нидерландов. Тогда Нидерланды вклю-

чали в себя территорию всех стран Бенилюкса, а также часть земель современной Франции и ФРГ. Их фантастическое шествие изображало будто бы южноамериканских индейцев, рассказы о которых принесли в Европу покорители империи инков в шестнадцатом веке.

Многие исследователи бельгийского фольклора, однако, оспаривают это объяснение. И убедительно доказывают, что корни праздника жиллей уходят в языческие ритуалы населявших эти земли народов. Что же касается деталей праздника в Бенше, то, по мнению специалистов, многие из них сформировались под влиянием народных театров XVIII века, значительно обогативших древнюю традицию и придавших ей нынешний размах и красоту.

Как бы там ни было, карнавал в Бенше проходит по строго расписан-

ному церемониалу. Маршу жиллей предшествуют репетиции, гуляния, балы, аттракционы, представления. И участвует в них все население городка и многочисленные приезжие. На Гран-пляс сооружают трибуны для почетных гостей и именитых горожан, убирают их яркими тканями, коврами. Устанавливают высокие флажки, вывешивают старинные флаги на балконах, на стенах домов. По вечерам по городу бродят ряженные. «Арлекины» и «моряки», расфуфыренные «мамзели» (которых изображают исключительно мужичны) и простачки-«крестьяне» танцуют на улицах и площадях, шумно врываются в таверны, останавливают и вовлекают в хоровод прохожих. На нескольких площадях небольшого городка гремят уличные оркестры, взрываются хлопушки, петарды, горит иллюминация.

Но жили до поры до времени на улице не появляются. Они выходят только в последний день карнавала — в «жирный вторник» масленицы.

За несколько недель, а то и месяцев подновляют наряды, переходящие от поколения к поколению, вынимают из кладовок плюмажи, полируют деревянные сабо, запасаются мелкими апельсинами — в иные годы их разбрасывают на улицах до трехсот тысяч штук. Надо сказать, что для каждого жилила участие в карнавале обходится недешево: один костюм, плюмаж и прочие аксессуары стоят несколько десятков тысяч франков. Однако жили не скупятся, дабы сохранить свое место в карнавальной шествии и положение в обществе.

Ранним утром во вторник жилила начинают облачаться. Каждый предмет их туалета строго соответствует многовековой традиции. И вот под звуки уличных оркестров колонны жиллей начинают замысловатый танец-марш по улицам. В этот день в центре Бенше не проехать на машине. Вереницы автомобилей выстраиваются на окраинах, на обочинах пригородных дорог. Окруженные толпами других ряженных, жилила медленно движутся на Гран-пляс.

Проходя мимо трибуны почетных гостей, предусмотрительно защищенной сеткой от метателей апельсинов, жилила выдвигают самые лихие па своего древнего танца, демонстрируют отработанные мизансцены, точно выверенные жесты и гримасы. Они снимают круглые розовощекие маски с торчащими усами. Лица напряжены, красны от усталости и выпитого по пути пива, щедро предлагаемого из окон и дверей таверн. Устали даже ребяташки, идущие впереди колонн. Парад затягивается до сумерек.

Вот в темнеющем небе зажигаются бенгальские огни, в руках ряженных загораются факелы и свечи — шествие завершается. Но праздник не кончается. Участники карнавала и зрители допоздна водят хороводы на Гран-пляс, осушают бесчисленные

стаканчики пива и вина, танцуют, поют старые и новые песни под взрывы петард.

Утром в среду муниципальные рабочие убирают с улиц города кучи раздавленных в толкучке апельсинов, вороха конфетти и серпантина, бумажных масок и цветов. Перед мэрией разбирают трибуну, уносят стальные ограждения, сдерживавшие разгулявшиеся толпы. В сундуки и кладовки складывают жилила пестрые наряды и высокие плюмажи, корзинки и сабо.

Но один жилил остается. Он стоит перед музеем, в котором собраны свидетельства богатой и древней истории карнавала в Бенше. Этот жилил — из бронзы, щедро позолочен — видимо, в память о золотом прошлом карнавала, воплотившего веселый нрав, богатую выдумку и верность традициям жителей небольшого валлонского городка. Словом: жилила — они и есть жилила.

Как уже говорилось, карнавал в Бенше не единственный в Бельгии. Эта страна на удивление богата народными праздниками. Объяснение этому феномену можно найти и в богатой истории этих мест, и в разнообразии характера населяющих Бельгию национальностей, и в веселом нраве бельгийцев — где бы они ни жили: в Бенше, во Фландрии или в самом Брюсселе. Одно беглое перечисление наиболее значительных карнавалов, традиционных праздников и процессий займет немало места: их десятки, если не сотни! И каждая фольклорная манифестация имеет собственную историю, свои — именно свои — традиции и многочисленные поклоонники.

...В Монсе в феврале тысячи людей участвуют в знаменитой «битве с драконом». Рыцари в средневековых доспехах, возглавляемые святым Георгием, должны победить многометровое чудище, которое несут на своих плечах десятки его слуг. В мае, в Ипре, не менее внушительные толпы наблюдают за дьящейся почти целый день процессией «кошачьего праздника». В Брюсселе, да и в других городках, в разное время проходят фестивали гигантов — громадных, в несколько метров высотой, кукол из картона, фанеры и тканей, каждую из которых приводят в движение несколько человек.

В Бастони ежегодно проходит праздник ветчины, в Остдюнкерке — фестиваль креветки, в Визе — праздник пива, в Гоме — состязания пожирателей печеночного паштета.

Бельгийцы удивительно подвержены страсти объединяться в различные общества и союзы, главная цель которых, как мне кажется, проведение шествий, карнавалов и соревнований. Есть общества лучников и обладателей лысин, союзы почитателей птичьего пения и велосипедистов, ассоциации участников военных маршей.

Хорошо известна и любовь бельгийцев к разного рода соревнованиям

— футболу, брюссельскому марафону, велопробегам. Среди наиболее древних состязаний — бои намюрских ходелов на ходулях. Они тоже пришли из глубин средневековья. Есть и легенда, которая объясняет столь широкое распространение именно в Намюре этого вида народных забав. В начале XIV века властитель намюрского графства Джебан Фландрский прогневался на горожан и окружил Намюр своими войсками, обрекая жителей на голод и смерть. Видные горожане просили пощады, однако жестокий воитель заявил, что не снимет осады, как бы ни прибыли к нему послы осажденных: пешком, на лошадах, в лодках или на повозках. Хитроумным отцам города не оставалось ничего иного, как взгромоздиться на ходули. Пораженный их сообразительностью, Джебан Фландрский простил горожан и снял осаду.

Есть, правда, и более скромное объяснение любви намюрцев к ходулям: горожанам приходилось довольно часто пользоваться ими во время разливов Самбры и Меза, затоплявших прибрежные улицы города.

Как бы там ни было, ходули остались в городских традициях. Бывает, сотни горожан на ходулях устраивают торжественное шествие по намюрским улицам и площадям, а затем сходятся — на них же — в нештучном бою. Бойцы разбиваются на две группы — каждая со своими командирами и знаменосцами, атакующими отрядами и арьергардом. Задача противоборствующих группировок заключается в том, чтобы повернуть наземь — и с немалой высоты — как можно больше противников. Самим же — устоять. В ход идут ножики, оплеухи, пинки, захваты — и каждый прием тут же оценивается одобрительным воем или презрительным улюлюканьем многочисленных зрителей, заполняющих площадь и близлежащие улицы. В былые времена победители награждались не только орденами зрителей, но и куда более существенными дарами графа и городских властей, покровительствовавших празднику.

Порой схватки завершались всеобщим побоищем, в которое втягивались и воители, и зрители, и гости. В разных частях города возникали потасовки, беспорядки: не случайно в прошлом эти жестокие игры не раз запрещались. Но проходило время, и они возрождались вновь. Ныне схватки на ходулях носят характер театрализованного представления.

И шествия, и стычки на ходулях стали атрибутом народных праздников и в некоторых других городках. Там выступают и свои, доморощенные бойцы, и профессионалы из Намюра. В наследство от старых жестоких времен остались стихи, песни, театральные постановки, повествующие об удали и самоотверженности бойцов...

Брюссель

МОЙ ДРУГ ИЗ КОЛОРАДО

Из американской тетради

На этот раз я был гостем Нью-Йоркского университета, и мне предложили на несколько дней слетать в штат Колорадо, чтобы прочесть лекции о своих исследованиях в Антарктиде в университете штата. Он находится в небольшом городе Боулдере, что у подножия Скалистых гор.

И вдруг:

— Игор, тебя в Боулдере будет встречать Дасти Блейдс.

Новость эта потрясла меня. Конечно, я помнил летчика, командира зимовочного состава «Сил поддержки антарктических исследований», капитана второго ранга Флота США Блейдса. Или по-американски коммендера Блейдса. И все-таки...

Дасти Блейдс?!

— Зовите мне просто Дасти,— сказал мне летчик при знакомстве.

Первое время я думал, что Дасти — это его имя, а потом, однажды, он, застенчиво улыбувшись, объяснил, что зовут его совсем не так, а слово Дасти (что по-русски значит — пыльный) — это кличка, которую он получил, когда еще учился в колледже. Потом она перешла в школу летчиков и с тех пор стала уже почти официальной заменой имени. Оказалось, что у американцев это бывает нередко.

Мы встретились с Дасти в первый день зимовки. Таким днем полярники считают день, следующий после того, как станцию покинули последнее судно, последний самолет и те, кто приезжал сюда лишь на «сезон», на полярное лето. В этот день все, кто остался зимовать, по-другому вглядываются в лица друг друга. Ведь каждый должен пройти с тобой через всю полярную ночь до конца...

Наверное, в этот день я больше

других думал, что же меня ждет впереди. Я был единственный советский среди двухсот с лишним матросов и офицеров американского флота и десяти американских ученых, и мой английский был так плох, и вообще это был мой первый опыт общения с иностранцами один на один...

Обычно в начале зимовки на советских полярных станциях начальник устраивает праздник. Устроил день начала зимовки и Дасти. Это был веселый праздник. В конце вечера «конферансье» — наш стационарный доктор сказал, что в помощь вахтенной смене дежурных по кухне приглашаются добровольцы — мойщики посуды. Я решил пойти, подумав, что, когда моешь посуду, необязательно разговаривать по-английски. Но говорить все-таки пришлось. Короче, я пошел в комнату мойки и застал там начальника станции Дасти Блейдса. Не торопясь мы мыли с Дасти посуду и разговаривали. Расстались под утро и уже друзьями. Как оказалось — друзьями на всю жизнь...

Прошло три месяца. Стояла уже середина полярной зимы. Между американцами в Мак-Мердо и их гостем, советским русским, то есть мной, казалось, не было никакого различия. И дело не только в том, что я давно уже ходил в такой же, как у всех, одежде и давно носил на шее такую же, как у всех, цепочку из титановых шариков, а под майкой висела такая же, как у всех, титановая пластина с написанной по-английски фамилией и длинным номером, который, по-видимому, много скажет тем, кто найдет ее, если со мной что-то случится.

Но и в душе я уже воспринимал все события как «член команды». И когда из Вашингтона пришла бумага о том, что один из наших офицеров займет по возвращении незаслуженно «плохое» место службы, я

бушевал, и кричал, и ругал вашингтонское его начальство, как ругал бы свое, московское, за нехороший поступок против нас, тех, кто делает здесь тяжелую и необходимую работу. Ведь для всех, кто дожил до середины зимы в Антарктиде, до того, как наступила ночь, мир разделился на тех, кто жил на этом материке и ждал весны и солнечного света, и жителей всей остальной, Большой земли, где каждый день светит солнце и ходят по улицам живые женщины.

Итак, шла вторая половина зимы. Я направлялся из кают-компания в свой жилой домик по протопанной среди сугробов дорожке. Вот справа большой серый одноэтажный барак — казарма матросов-механиков авиационного отряда. Полярным летом здесь живут десятки людей, а сейчас остались на зимовку только трое. Казалось бы, живи не хочю, огромное пустое помещение, столько воздуха, располагайся каждый в своем углу, и обычное неудобство зимовщика — жизнь в скученных помещениях, все время на людях — тебе не грозит. Но я-то знал, что жили в этом бараче все трое в одном углу, как можно плотнее друг к другу.

Заточение полярной ночи на станции Мак-Мердо делили и верные друзья наши — собаки. Правда, в тот год у нас было только две собаки: маленькая, вертялая и ласковая «она» по кличке Шелли и огромный, хотя и молодой, «он», которого звали Бутс. Шелли и Бутс были сибирскими, точнее, эскимосскими лайками, привезенными в Антарктиду откуда-то с Аляски, и все переживания их хозяев в середине полярной ночи были им нипочем. Настроение у них всегда было отличное. Да и как не быть этому, если вся неизрасходованная нежность двухсот с лишним мужчин тратилась только на них. Не было на Мак-Мердо уголка, который был бы закрыт, запрещен для совашей вездеходной нос Шелли и сопровождавшего ее Бутса. Пожалуй, только экипаж атомной электростанции имел достаточно силы воли, чтобы не пускать собак в места, куда старались не ходить и они сами и где висели знаки «Осторожно — радиационная опасность».

И вдруг трагедия потрясла станцию.

Когда однажды над Мак-Мердо внезапно взвыли в темноте сирены учебной тревоги и дремавшие на койках одетыми матросы дежурного пожарного звена бросились к своим красным, неуклюжим, огромным по-

Продолжение. Начало в № 7.

жарным машинам-цистернам и уже разворачивались в боевую колонну, а их командир хрипел в микрофон, запрашивая штаб, что делать дальше, — в этот момент Шелли спокойно спала в одном из проходов, в лабиринтах барakov и складов, откуда ее обычно упорно гнали. Шелли не знала, что офицер уже досчитал до нуля и надавил на кнопку, загороженную обычно специальным экраном, и тяжелые, негосгораемые герметические корабельные двери-переборки рухнули сверху как гильотины и разделили помещения на ряд пожаронепроницаемых отсеков. И одна из таких дверей убила Шелли.

Можно представить, как горевал Мак-Мердо. Бутсу было легче. Он не понимал, что произошло. И кроме того, у Бутса в отличие от Шелли, которая была со всеми ровна, был друг, даже по-собачьи больше, чем друг, — хозяин.

Хозяином Бутса все люди на станции, да и сам Бутс, считали немолодого уже капеллана, как называют священников моряки и военные. На станции Мак-Мердо была церковь, в которой служили даже не один, а два капеллана, иначе — чаплана. Старший — офицер корпуса капелланов и капитан второго ранга по званию представлял самую распространенную в США церковь — протестантскую. Чаплан Джим — хозяин Бутса — был всего лишь лейтенант и представлял католиков. Чаплан-протестант был, как и полагается протестантскому священнику, женат, имел двоих детей, обладал мягкими, изысканными манерами, был светский человек.

Долгое время у меня с чапланом Джимом не было никаких отношений. Среднего роста, с красным, продубленным ветрами лицом, на котором выделялись, пересекая его, острые, взлетят чапаевские ржаные с проседью усы, — Джим казался мне слишком грубым и непредсказуемым. Когда он напивался, а делал это нередко, он начинал говорить громко,

почти кричать. Приложив руку к седеющему виску, как бы отдавая честь, он маршировал гусиным шагом поперек кают-компаний, распевая «Марсельезу». А когда в этом состоянии его взгляд падал на меня, он мог перестать маршировать и отдавать честь. Вместо этого он вдруг начинал кричать:

— СМЕРШ! СМЕРШ! — и указывать на меня пальцем, и громко хотаять. Тогда кто-нибудь из почтителей его проповедей говорил грустно: «Опять отец нализался».

Сам я никак не реагировал на эти выкрики. Знал, что вся Америка, включая и всех друзей здесь, в Мак-Мердо, увлеклась, читая книгу Яна Флеминга «Из России с любовью», а если ее прочитать, то сложится представление, что все, что едет из СССР за границу, являются членами таинственной и грозной советской шпионской организации под названием СМЕРШ.

Я прощал Джиму все, зная, что завтра, проспавшись, он придет извиняться. Но, конечно, не мог дружить с Джимом. Я не первый раз зимую, знаю, что к чему, поэтому и держался, шутил и смеялся больше других.

Но со временем полярная ночь доконала и меня. Каждого она достает в разное время. В зависимости от обстоятельности. Я почувствовал вдруг, что не могу общаться. Какая-то черная меланхолия одиночества нашла на меня. Казалось бы, выбить ее можно было общением, разговорами, но нет. Человек создан так, что в это время он уходит в себя. И этим отделяется от других. И уже другие не могут помочь ему.

Конечно, каждый думает в этот момент, что у него есть для этого свои, веские причины. Думал так и я, когда перестал смеяться, старался уединиться. Незадолго до этого в большой национальный праздник США — День независимости, то есть 4 июля, начальник станции Дасти Блейдс поздравил меня:

— Мне сказали, что вы привезли из дома свой национальный флаг. Я знаю, как он вам дорог, как хочется вам иногда повесить его. Мне кажется, День независимости США — хороший день для этого.

Национальный флаг всегда дорог, а когда ты долго один и в другой стране — особенно, поэтому я тут же воспользовался советом. Побежал к себе в каюту-спальню, вытащил из чемодана советский государственный флаг, прикрепил его к палке, а палку прибил к стене домика, в котором жил, как раз над окном моей каютки. И так, я поднял флаг в Мак-Мердо, а сам радостно пошел пообедать. В хорошем настроении шел обратно в подсвеченной фонарями тьме ночного Мак-Мердо. Вот и мой дом, но что это? Флага нет. Как будто и не было ничего. Я даже глазам своим не поверил, начал ходить кругами возле того места, где я лишь час назад вешал флаг. И нашел. Нашел

палку-флагшток, коротенькие ку-сочки ее, сломанные, видно, ногами.

Такое безысходное отчаяние навалилось вдруг... Я собрал зачем-то все куски бывшего флагштока, полпелся к себе в лабораторию и просидел весь вечер, переживая случившееся в одиночестве. Несколько раз прибежал мой лаборант. Сказал, что мои друзья уже ищут флаг, что уже нашли его и тех, кто сделал это. Он же объяснил мне, что я сам вместе с моим другом — начальником Дасти Блейдсом, были не правы, решив поднять советский флаг над Мак-Мердо. Мы забыли в этой проклятой ночи, что Мак-Мердо жила по законам морского корабля. Поэтому государственный флаг США поднимался над ней с восходом солнца, а с закатом опускался. А ведь сейчас уже несколько месяцев нет солнца и уже несколько месяцев нет никакого флага над станцией. Флаг лежит в сейфе, в штабе, в ожидании солнца. И тут какой-то русский поднимает над американской станцией красный флаг. Было отчего взорваться измученным полярной ночью патриотам звездно-полосатого флага.

На другой день флаг мне вернули, принеся извинения за то, что случилось. Правда, никто больше не сказал, что я и сам поступил неосмотрительно. Но я уже сломался:

— Уйдите от меня, никого из вас не хочу больше видеть.

В таком состоянии жил я на Мак-Мердо несколько дней. Ходил в кают-компанию, в лабораторию, на обед, завтрак, ужин. Сухой ответ на приветствие. Вот в таком состоянии встретил я однажды Джима.

— Привет! — крикнул он громко.

— Привет, чаплан, — ответил я, и мы разошлись. Через секунду он догнал меня.

— Извини, хочу спросить тебя, почему ты назвал меня чапланом, а не Джимом, как раньше?

— Потому что ты и есть чаплан, а Джимом называть тебя не обязательно, — ответил я сухо.

— Нет, обязательно, для тебя обязательно. Я тебе друг и радовался тому, что ты мне улыбаешься. И многие чувствуют то же самое. И ты не можешь, не имеешь права быть другим. Ведь ты первый советский русский, которого каждый из нас увидел... И, пожалуйста, называй меня Джимом. Я ведь твой друг.

Ударив меня грубо по плечу, он повернулся и быстро ушел.

И Джим вылечил меня! Я опять начал смеяться и радоваться друзьям. Так, по-новому узнал я хозяина Бутса. Но главное о Джиме мне узнать еще предстояло.

Наступил день, когда какое-то дополнительное, почти осязаемое напряжение нависло над всеми. Конечно же, я узнал о том, что произошло, последним. Ведь мой английский был еще так плох, что я сам себя в шутку называл даже кличкой «Десять процентов». Дело в том, что, как мне рассказали мои друзья-морьяки, на

американском флоте на уроках тактики планирования операций их учат: «Вы должны всегда помнить, что, как бы тщательно вы всем ни объяснили задачу, всегда имеется десять процентов ваших людей, которые об этом ничего не слышали и ничего не знают».

— Теперь я понял, кто я,— сказал я, когда услышал впервые эту историю.— Я — «десять процентов». Поэтому прошу всех иметь это в виду, вести себя со мной соответствующим образом и не стесняться извещать меня время от времени о том, что вроде бы всем давно известно.

Но вот новость, вызывавшая напряжение, стала известна всем, стала официальной. Это была весть, которой многие даже не поверили сперва: советская и американская антарктические экспедиции, где-то на высоком уровне, в Москве и Вашингтоне, договорились уничтожить всех собак на своих станциях, чтобы эти собаки «не нарушали окружающую среду», не пугали бы пингвинов и тюленей, не разгоняли бы птичьих базаров. И во исполнение этого решения Дасти Блейдс получил подписанный адмиралом приказ, согласно которому Бутс должен быть уничтожен.

Буря страстей поднялась в измученных полярной ночью наших сердцах:

— Нет!

Но что мы могли поделать с приказом адмирала? Чаплан не отпускал собаку от себя ни на минуту и клялся, что разmozжит голову каждому, кто до нее дотронется. Роптали и мы, но понимали, что рано или поздно это кончится, не знали только — как, когда. И вот в один из дней чаплан пришел вечером в наш клуб какой-то сияющий, как бы потусторонний, узнавший что-то недоступное нам.

А мой друг Дасти был в тот вечер не в ударе. Сидел за столом в офицерской кают-компании и молчал. Вечером по станции поползли слухи, и даже мне стало известно по секрету, что лейтенант-чаплан написал по начальству на Большую землю официальный рапорт о том, что он, один из ответственных за моральное состояние людей во время зимовки, считает невозможным убить сейчас единственную и любимую собаку Мак-Мердо и, не видя другой возможности остановить это, доводит до сведения корпуса капелланов, что он будет вынужден после того, как это произойдет, совершить страшный грех — покончить с собой.

Этой ночью я не спал не потому, что сказывалось действие полярной ночи. «О чем думает сейчас чаплан Джим, лежа в своей каюте? Действительно ли он готов умереть за Бутса? Ведь выхода, после того, что он сделал, уже нет. Долг чести офицера работает и здесь. И что думает сейчас мой друг Дасти? Готов ли он выполнить приказ адмирала и этим одновременно лишить жизни и человека?» Ответов у меня не было. Уж

слишком спутала все наши чувства и поступки полярная ночь.

На другой день начался поиск вариантов того, что можно сделать, чтобы спасти чаплана и Бутса. Меня, как «эксперта по России», попросили узнать, как поступила со своими собаками «другая сторона». Мы соединились с Мирным по радио, и я узнал, что наши тоже ломают голову над этой проблемой. В ответ я рассказал про нашу борьбу за Бутса. И вот радисты поделились со мной маленьким секретом Мирного, сообщили, что двух собак наши ребята уже спрятали где-то в подледных катакомбах домов и держат там.

Я рассказал Дасти полученную мною дополнительную неофициальную информацию. И это, а также то, что наши соседи новозеландцы с Базы Скотта, как оказалось, вовсе не собираются следовать чьему-то примеру в «собачьем вопросе» и оставляют всех собак живыми, дало Дасти достаточно материала, чтобы убедить адмирала изменить приказ и передать Бутса новозеландцам живым...

Расставаясь после зимовки с Дасти, мы обещали никогда не теряться и не забывать нашей дружбы. Ну, а потом? Потом я уехал к себе домой. Дасти уехал в США, получил новое назначение куда-то в Европу, на Средиземное море. Изредка мы обменивались открытками, но много лет подряд я всегда посылал ему поздравительную телеграмму к большому американскому празднику — Дню независимости страны, а от Дасти получал поздравительную телеграмму к Первому мая.

Но однажды я не получил от него телеграммы. А потом пришла последняя открытка, в которой Дасти писал, что его переводят служить в НАТО и, как офицер этой организации, он не может переписываться с жителями стран Варшавского Договора, просит не писать ему и сам больше писать не будет... «Но дружба наша не умрет никогда», — закончил он.

Опять прошло много лет, и вдруг я снова получил большое письмо от Дасти. Письмо было из США. Дасти писал, что его перевели дослуживать годы до отставки в качестве преподавателя военного дела в университете штата Колорадо, то есть в Боулдере. Но я тогда почему-то не ответил, все дела, дела, проклятые дела, — и переписка наша прервалась.

И вот опять прошло много лет. И Дасти, милый Дасти, значит, по-прежнему в Боулдере и каким-то образом узнал о том, что я еду туда и встретит меня! Было от чего взволноваться.

Мы узнали друг друга. Дасти и я. Он худой, длинный, с усами, которых у него не было, я без усов, которые у меня были, когда мы вместе жили в Антарктике. Дасти сообщил мне, что ушел в отставку — одно время работал на нефтяном бизнесе, в какой-

то канадской компании и вот уже пятнадцать месяцев как безработный. Правда, сейчас у Дасти есть дело. Его племянник купил недалеко от Боулдера, в горах, в красивом ущелье, огромный дом и большой участок земли вокруг него: склон ущелья, ручей, озеро перед запрудой. Он думал чуть-чуть отреставрировать дом и продать его с участком за большие деньги, много дороже, чем купил. Но времена изменились, ни у кого нет денег на такой дом, и дом ветшает. Поэтому Дасти как безработный (правда, он ездит еще на «бьюнке») живет там, приводит дом в порядок. Он просил меня пожить у него в субботу и воскресенье, если, конечно, я буду свободен. Я согласился.

В субботу он мне предложил съездить на маленький аэродром-поле... полетать. Я удивился в душе, но не подал вида. Ехали мимо аккуратных домиков, прудов с огромными, такими «русскими» ивами. И небо было почти таким же, как в моей России. Почти, но не совсем. Ведь была суббота, нерабочий день, и то тут, то там, в небе видны были кажущиеся неподвижными, ярко окрашенные во всевозможные цвета воздушные шары — аэростаты. О, конечно, я знал уже об этом повальном увлечении Америки восьмидесятых годов. Создание тонких, прочных, легких оболочек и легких баллонов с горячим газом привело к революции в воздухоплавательной индустрии страны, и теперь за три тысячи долларов каждый может купить себе яркий тюк разноцветной тончайшей пленки. Если этот тюк развернуть на лужайке около дороги, он превратится в длинный огромный мешок с трубкой диаметром сантиметр десять. К этому тюку придается легкая квадратная плетеная, тоже из пластика, корзина, в которую могут влезть и стоять в ней человека три. Из корзины высовываются только плечи и головы людей. Когда я первый раз увидел такую корзину и людей на обочине дороги, а чуть в стороне расстеленную на земле яркую и длинную не наполненную еще оболочку аэростата, я, конечно же, просил остановиться. Подойдя к корзине и людям, суеязшимся около нее, увидел, что на метр выше корзины, приделанная крепко к ее верхнему краю, шипела негромко синим пламенем большая, похожая на примус горелка, а над ней, тоже укрепленный, широкий вход гибкой трубы, которая шла внутрь еще не надутого мешка — будущего шара. Шар этот, наполненный горячим воздухом, поднимется сначала над землей сам, а потом поднимет корзину с пассажирами — папу и двух возбужденных детей лет тринадцати и десяти. Остальные несколько человек, похоже, друзья семьи, те, кто полетит позднее, привязывали к оболочке и корзине соединяющие их веревки, укладывали мешки с песком, чтобы сбрасывать их для быстрого

подъема. Рядом стояли две машины, одна с прицепом — это на них приехала сюда полетать вся компания.

Мы ждали, пока надуется оболочка, поднимется над корзиной и начнет рваться из рук тех, кто помогал. Потом они отпустили веревки, и под дружный, ликующий крик «Пошел!» громадный шар с людьми стал медленно уходить вверх и вбок от дороги. Старший из тех, кто остался на земле, уже говорил что-то в микрофон портативного радио. Все, кто остался на земле, прыгнули в машины и помчались куда-то, чтобы обогнать воздушных беглецов и ждать их прилета в условленном месте.

Чувство радости и веселья, помню, охватило и меня, когда я первый раз увидел все это. А потом... А потом даже голова заболела: «Ну почему, почему мы лишены всего этого? Почему у нас нет таких аэростатов? А если и окажется такой, то на нем будет запрещено летать без разрешения. Да и как летать «семейным

документов на право бурения на нефть, Дасти был сначала несколько лет плотником, точнее, помощником плотника, который строил дома. Потом Дасти стал «сейл-меном» — помощником бродячего торговца. Он ездил по маленьким, вроде этой, дорогам, заходил к фермерам и предлагал купить масло для смазки машин и моторов. Зарплаты ему не платили, платили проценты, комиссионные с проданных масел. Но, по видимому, Дасти был не очень хороший «сейл-мен».

— Я обрел очень много хороших друзей, — смеялся Дасти. — Все приглашали в гости, угощали, но почти никто не покупал масло. Заработка хватало только на бензин и кочевую жизнь. В доме ничего не оставалось.

Но зато знание фермеров и других людей земли помогло, когда Дасти поступил в нефтяную компанию. Оказалось, что перед каждым бурением на нефть компании проводят огромную работу, чтобы выяснить, кому точно принадлежат земля и недра в месте, где будет нефтяная вышка. Да-да, именно отдельно: «земля» — в смысле «поверхность», и «недра» — в смысле «под землей». Получалось, что в США не только земля, но и «под землей» часто принадлежат частным лицам. Более того, нередко земля принадлежит одному, а недра — другому владельцу. Ведь при образовании США землю раздали вместе с недрами под ней, а потом вышел закон о том, что хозяин мог продать недра, оставив себе землю, или наоборот. При этом дело осложнялось тем, что владельцу недр надо было добраться к ним, не повредив землю. И появился еще закон, по которому владелец недр должен был при проникновении в недра минимально нарушать и портить поверхность, то есть землю, и должен был платить хозяину за порчу и использование ее. Всем этим занимался «ленд-мен» Дасти, занимался выяснением того, кому юридически, а не де-факто принадлежат недра и кому поверхность земли, чтобы нефтяная компания могла перед бурением заключить соответствующие договоры с реальными, юридическими владельцами. Это надо было знать абсолютно точно, потому что, когда бурением обнаруживали нефть, цена земли и недр подскакивала в десятки раз. И если договор был заключен не с тем, кто реально, юридически является хозяином, а с кем-то другим, которого нефтяная компания ошибочно приняла за хозяина, то реальный хозяин мог потребовать с нефтяной компании огромные деньги в возмещение ущерба. А документов на некоторые участки, где собирались бурить, не было или они хранились у каких-нибудь наследников в других городах. Все это должен был выяснить и делать «ленд-мен» Дасти и делал, пока его не уволили.

Вот так, беседуя, мы добрались до маленького аэродромчика, на котором у ангара стояли странные,

окрашенные во все цвета радуги самолетики. Некоторые из них напоминали ракетопланы из области научной фантастики, другие — аэропланы братьев Райт и капитана Можайского. К сожалению, того летчика, к кому мы ехали — хозяина двухместного самолета, — не оказалось на поле, а летать на его самолете самостоятельно, без приятеля Дасти — инструктора и хозяина, нам не разрешили. Хотя мы, даже я, были готовы. Ведь посадочная скорость этого самолета всего двадцать пять километров в час — скорость велосипеда, и он требует для взлета и посадки всего двадцать метров. И его нельзя даже силой вогнать в штыпор. Этот он напоминает наш старинный, любимый мной По-2, на котором я когда-то летал. Но главным его преимуществом для меня было то, что для полетов на нем не требовалось никаких прав, дипломов, ничего. Прослушай инструктора, слетай с инструктором, заплати деньги — и лети.

Наше внимание отвлек странный летательный аппарат, который на большой скорости вдруг проехал мимо нас и остановился у ангара. Он только что сел. Обтекаемый колпак открылся. Из самолета вылез худой человек без шлема, без парашюта, в ковбойке и стареньких брючках, подпоясанных тоненьким ремешком. Самолетик не имел того, что мы называем хвостом, зато у него было две пары совершенно одинаковых крыльев, одна пара впереди, другая — сзади. Человек подошел к самолету, поднял ту часть его, что лежала на земле, и поволок машину в ангар. Мы подошли ближе, Дасти заговорил с летчиком странного самолета, похожего на самоделку. Оказалось, что это и есть самоделка. И мы узнали, что хозяин, строитель и летчик, делает самолеты и летает на них уже много лет. Этот он построил год назад, купив за 200 долларов чертежи и подробную документацию у какой-то фирмы.

— Я жил в Англии, но переехал в Америку именно из-за этого... — рассказывал он.

— В Англии мне не разрешили бы летать на самолете, который еще не испытан официально. А здесь мне надо только сделать в кабине яркую надпись «экспериментальной», чтобы, если кто съедет в машину, знал, что она еще «дикая». И все. Остальное — бумаги — здесь формальность. Ах, какие машины мы тут строим! Авиационная индустрия, связанная официальными рамками безопасности и процедурой испытаний каждой машины, далеко позади того, что делаем мы. Пойдемте, я покажу... — И он повел нас в ангар, где стояли и лежали какие-то странные сооружения, каждое из которых, по утверждению летчика, летало, и летало хорошо. Мое внимание привлекли несколько почти одинаковых, уткнувшихся носами или хвостами в пол конструкций.

порядком», если у нас до сих пор запрещено, например, фотографировать с самолета, а значит, и с аэростата, хотя нашу землю снимают непрерывно с американских спутников, да так, что на фотографии можно увидеть чуть ли не знаки различия на погонах военного. Ведь невозможно же проверить — взял ли ты с собой фотоаппарат в такой полет...

Мы снова ехали с Дасти мимо аккуратных домиков и прудов с русскими ивами, и я снова слушал рассказ Дасти о том, как он ушел в отставку, думая, что вся Америка наперебой будет звать его к себе на работу. Но этого не случилось. И прежде чем он стал «ленд-меном» в нефтяной компании, то есть человеком, чья работа заключается в оформлении

— А где же тогда переднее колесо? — спросил я неуверенно.

— Мы его убрали, — сказал летчик. — Машина такая легкая, с передним колесом она от ветра поднимает нос, опрокидывается и ломает винт...

На следующий день, в воскресенье Дасти возил меня в горы, в главный город Золотой лихорадки середины прошлого века — Сентрал-сити. Маленький городок с салунами «типа 1860 года», с надписями при входе в бары: «Все огнестрельное оружие должно быть сдано на хранение бармену». Но тронуло больше всего старинное кладбище: нечастые ряды небольших замшелых выщербленных плит с такими странными, «не нашими», надписями: «Анджела, жена Френка Эберхарта, умерла 19 апреля 1895 года. Дожила до 26 лет. Ушла слишком рано». Или: «Питер О'Келли. Убит 24 апреля 1882 г. Дожил до 57 лет. Уроженец Корнелла, Англия». Или: «Сын Д. Д. и Марии Хани. Декабрь 1907 г. — февраль 1909 г. Ушел, но не забыт». Как, наверное, было тяжело умирать, да и хоронить всем этим людям, забравшимся так далеко от мест, где они выросли и родились. Да и расположено кладбище как-то до жалости одиноко. Представьте себе неширокую долину, окруженную со всех сторон безлесными холмами, а за ними — еще холмы. Со всех сторон, еще дальше — Скалистые горы, а еще дальше там и сям блестит снег, холодные вершины в голубом небе, кристально чистый холодный воздух трех тысяч метров над уровнем моря.

После поездки по местам Золотой лихорадки мы отправились в загородный дом племянника Дасти. В этом доме я и останусь с Дасти до отъезда. На работу буду ездить сам, на стареньком автомобиле одного из моих университетских коллег. Он в эти дни будет ездить на машине своей жены. Дом племянника Дасти и сама дорога туда — меня удивили. Сначала надпись — «Эльдорадо» — на указателе у дороги... Неужели то Эльдорадо, которое с детства ассоциируется со страной золота, — рядом?

— То самое, — смеется довольный Дасти.

Ну а сам дом оказался гигантским

сооружением с бассейном, зимним садом, главной спальней примерно в сто квадратных метров и такой же кухней, несколькими спальнями для гостей. Его строил для себя какой-то знаменитый архитектор, но в конце строительства почувствовал, что если он не продаст дом тотчас же, то разорится. И нашелся чужак с достаточными деньгами, чтобы купить его. Им оказался родственник Дасти.

Собственно, история этого племянника так же фантастична, как сам его дом в двух десятках миль от Эльдорадо.

Племянник Дасти был сначала из тех, на кого все махнули рукой. Кое-как кончил школу, ушел в лагерь хиппи, через год с лишним вернулся оборванный, длинноволосый, с гитарой. И все время только пел песни, пропадал на каких-то сходках, говорил, что ищет себя, да собирал разные камушки. Камушки были его страстью. Собственно, для того, чтобы сделать свои коллекции камушков красивее, он и поступил на какие-то курсы или в школу, где учили на оценщика полудрагоценных и драгоценных камней. Школа платная, но семья ссудила его деньгами для того, чтобы он хоть чем-нибудь занялся, и он уехал учиться в Нью-Йорк. С этого и пошло. У племянника Дасти оказался талант и безупречный вкус на драгоценные камни, даже алмазы. И спрос на племянника стал таким большим на бирже камней (есть и такая), а гонорары, которые он начал получать, столь огромны, что через два года он заработал свой первый миллион.

— Правда, почти половину его он потратил на этот дурацкий дом и большой кусок ущелья, в котором дом стоит, — закончил Дасти рассказ.

— Безработные, моряки и полярники должны уметь хорошо готовить, не так ли, Игор? — весело сказал Дасти и положил на противень несколько свиных ребрышек. Он помазал их сверху горчицей, положил между ребер толстые кружки картофеля и так же порезанные баклажаны, — оказывается, они называются здесь «эйт плант», что значит «овощ-яйцо», — положил на картофельны кусочки масла и сунул все это в духовку.

Мы сидели в огромной кухне, попивали пиво из холодильника и ждали ужина. И пошли морские рассказы, рассказы о зимовках. Как ни удивительно, а именно это, а не золотые денечки на теплых пляжах и веселые гулянки вспоминаются, когда оглядываешься назад.

— Послушай, Дасти, у меня возникло от прошлой зимовки и от общения с американцами здесь, в Штатах, такое чувство, что вы, как нация, считаете, что многое, к чему в других странах тщательно готовятся, — можно делать сразу, наобум, учиться в процессе дела. Например, полярные летчики у нас — это профессионалы Севера, то же касается

и остального состава зимовок. Из обслуживающего персонала — все, кто у нас зимовал, — работали перед этим где-нибудь в подобных трудных местах. А у вас приезжает новая смена зимовать в Антарктиду — и оказывается, что никто из ее членов ни разу в глаза не видел снега и льда. Только в стакане с виски.

Дасти смеется самодовольно.

— Это точно. Мы считаем, что главное в человеке — способность здраво мыслить и умение приспособиться к любым условиям. Все люди обладают этими качествами. Поэтому им можно поручить любую работу. Первые пару дней они будут делать ошибки, а потом научатся. Но, к сожалению, наше военное начальство чересчур придерживается этой гипотезы.

И Дасти рассказал, как он однажды, по приказу начальства, стал капитаном морского судна, танкера, полного авиационным бензином, который надо было доставить из Калифорнии ни много ни мало как в Антарктиду. Так получалось, что легкая, поршневая, авиация американцев в Антарктиде осталась без горючего. Командир вызвал Дасти и угрюмо спросил, командовал ли он когда-нибудь чем-нибудь плавающим, хотя бы катером.

— Нет, сэр, — сказал Дасти, — я только летал над морем, ведь я же летчик.

— Я так и знал, но ничего, — сказал командир, — научитесь.

— А ведь доплыли, — продолжал Дасти. — И ты знаешь, как нас встретили в Антарктиде? Конечно, первыми к нам прибежали пингины. А между ними какой-то шутник, из таких же, как мы, американских военных, воткнул в снег большую фанерку, на которой было написано: «Янки, убирайтесь домой!»

Мы замолчали. В огромном домедворце было так тихо. И тут зазвонил телефон. Это был Рик, Ричард, младший сын и основная забота Дасти. Рик хорошо учился в школе, любил и знал радио и поступил в колледж инженеров по электронике. Но проучился лишь два года и бросил. И сколько Дасти ни уговаривал его доучиться, сколько ни объяснял, что без диплома Рик будет всегда лишь техником, Рик начал работать в одном, потом в другом, потом в третьем месте. Узнав, что я здесь, он довольно быстро приехал к нам.

Рик, по-видимому, то, что называется настоящим американцем. В детстве и юношей научился чинить автомашины и почти любую электронику. А то, что бросил учебу, чтобы сначала «найти себя», просто типично. Ведь кругом висят объявления примерно такого содержания: «Хочешь разбогатеть? Хочешь через два года иметь сто тысяч? Это очень просто. Ведь наверняка есть что-то, что ты можешь делать лучше всех людей на земле. Ты только должен найти это «что-то» в себе. И мы поможем тебе сделать это». Дальше, к

сожалению, следует стандартное «позолоти ручку...».

— Я уже основал шесть компаний,— говорит Рик гордо.— Правда, все шесть обанкротились,— добавляет он.— Но у меня есть идея...

— Рик, как тебе удается сохранить свое имущество при банкротствах?

— О! — смеется Рик.— Сейчас это очень просто. Сейчас, если твоя компания обанкротилась, то есть объявила себя банкротом, а ты ее президент, все имущество компании отбирается, все деньги компании, которые у тебя, как у президента, хранились, пропадают, но твое личное имущество — дом, машина, обстановка дома, телевизор, личные сбережения — остается. Считается, что тебя нельзя загонять в угол...

Рик в данный момент работал в компании, которая занимается очисткой воды, и считал, что даже дистиллированная вода недостаточно чиста и поэтому вредна для человека. Вода двойной перегонки лучше, но тоже недостаточно чиста. Вода из обычных водопроводов просто вредна, потому что она, по его мнению, канцерогенна.

— Но все же ты пьешь ее! — сказал я.

— Нет,— удивил Рик.— Разве ты не знаешь, что в супермаркетах продают дистиллированную воду по доллару за галлон? А ведь человеку собственно для питья надо совсем немного. Я пью только дистиллированную воду. Но я научился дешево делать воду во много раз более чистой. Когда я начну ее продавать, люди будут пить только ее. И я буду богатым...

Люди будут брать с собой в лес или горы не только консервы, но и мою воду в консервных банках. А обычная дистиллированная вода будет казаться им слишком грязной. Скоро, скоро я создам еще одну компанию. Ведь это так легко. Ты печатаешь тысячу бумажек — и это твои акции. Ты делаешь рекламу тому, что ты хочешь делать. И если ты убеждаешь, находится тысяча людей, которые покупают их у тебя по десятке в надежде, что они будут стоить потом много дороже. Ведь в Америке на каждого изобретателя с сумасшедшей идеей найдется хотя бы несколько сумасшедших, которые готовы для воплощения этой идеи дать деньги. Хотя бы чтобы заработать. Правда, статистика говорит, что девяносто пять процентов новых компаний быстро, через год — как только кончается период получения ими денег в виде кредита или от продажи новых акций под радужные обещания,— становятся банкротами, и бумаги, которые ты продал, вместо десяти долларов стоят три-пять центов или совсем ничего,— говорит Рик.— Но это никого не останавливает,— продолжает он весело...

На другое утро я улетел и больше не видел своего старого друга из Боулдера.

ПОЛСОТНИ МЕТРОВ ДО «НАХИМОВА»

Круторогая с холодной зеленью волна разбивается на мелкие брызги о бонь, которыми огорожено место гибели теплохода «Адмирал Нахимов». Даже сейчас, ровно год спустя, это место пугает. Опуститься под воду, в темнеющую бездну, жутковато. Но еще в Москве на Центрнаучфильме летом 1987 года, собираясь на съемки научно-популярного фильма «Зов глубины», мы твердо решили, что обязательно погрузимся на «Нахимов» и отснимем первый пробный материал для будущего документального фильма «Новороссийская трагедия».

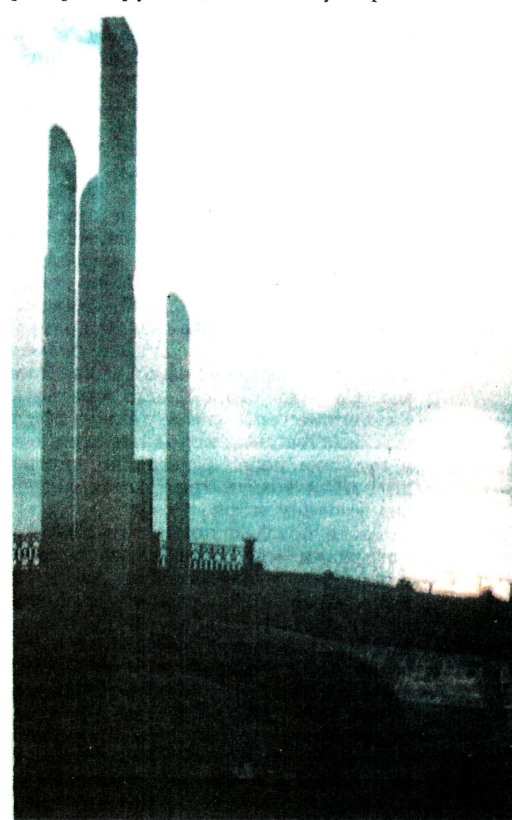
«Нахимов» лежит на глубине, в нескольких милях от берега, напротив мыса Дооб. Ровно год назад об этом мысе знали только пограничники да маячники. Сегодня он известен многим. На мысе установлен памятник. Семь труб органа олицетворяют как бы вырывающиеся из глубины вод звуки реквиема. На центральной колонне — часы с теплохода «Нахимов». Стрелки остановились на 23 часах 15 минутах. Это подлинное время трагедии.

Под воду на первый спуск идем втроем. Со мной осветитель-подводник Николай Лобанёв и инженер-подводник Леонид Максименко. Нам предстоит проверить, осуществимы ли подводные съемки на глубине, на которой у нас в стране не снимала еще ни одна киностудия. И убедиться, что на этой глубине наша аппаратура выдержит давление воды. И определить, хватит ли чувствительности нашей самой высокочувствительной пленки для проведения киносъемок. К тому же для нас самих, привыкших работать на глубинах от трех до пятнадцати метров, не более, надо было выработать методику погружений, чтобы соблюсти технику безопасности. Мы хорошо помнили, что после новороссийской трагедии во время поисково-спасательных работ два водолаза погибли и пятеро получили кессонную болезнь.

На первый пробный спуск идем без кинокамеры. В руках у нас только два автономных осветительных прибора да подводный экспонометр. На шею у меня болтается небольшой самодельный фотообокс.

Последняя проверка снаряжения в воде, и мы ныряем друг за другом. Идем на глубину, стараясь придерживаться капронового фала, проведенного от самой высокой точки на «Нахимове» — от капитанской рубки — до плавающего на поверхности буйка. Его провели еще в 86-м году военные водолазы.

Изо всех сил работаем ластами, но спуск идет медленно. Мешает встречное течение. К тому же в воде полно мелких водорослей — они ухудшают видимость. Чтобы преодолеть течение, я хватаюсь за фал и начинаю перебирать руками, пытаюсь ускорить

погружение. Но за год фал так оброс жесткими и острыми как бритва балянусами, что на моих голых ладонях тут же выступает кровь. И мы снова налегаем на ласты.

Мыс Дооб. Памятник погибшим на «Адмирале Нахимове».

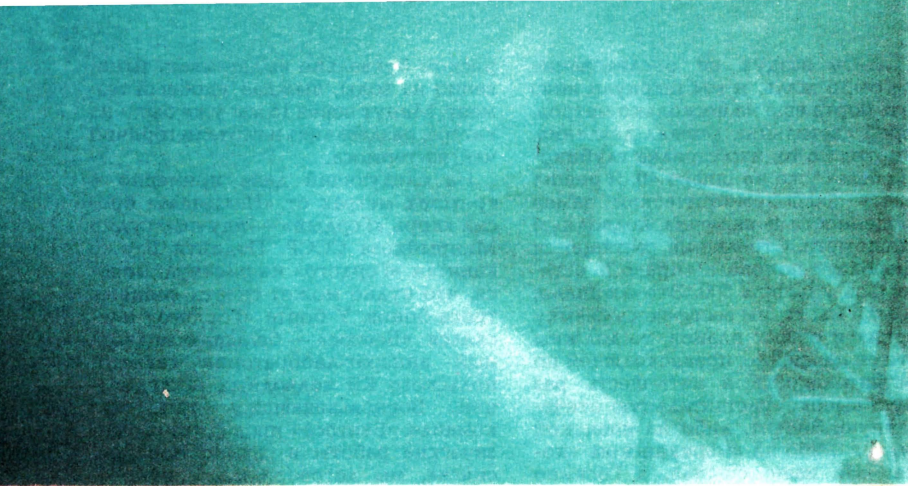
Подводный аппарат «Бентос-2» во время погружения.

«Нахимов» на дне. Этот кадр сделан в первый день поисково-спасательных работ в 17 часов 51 минуту.

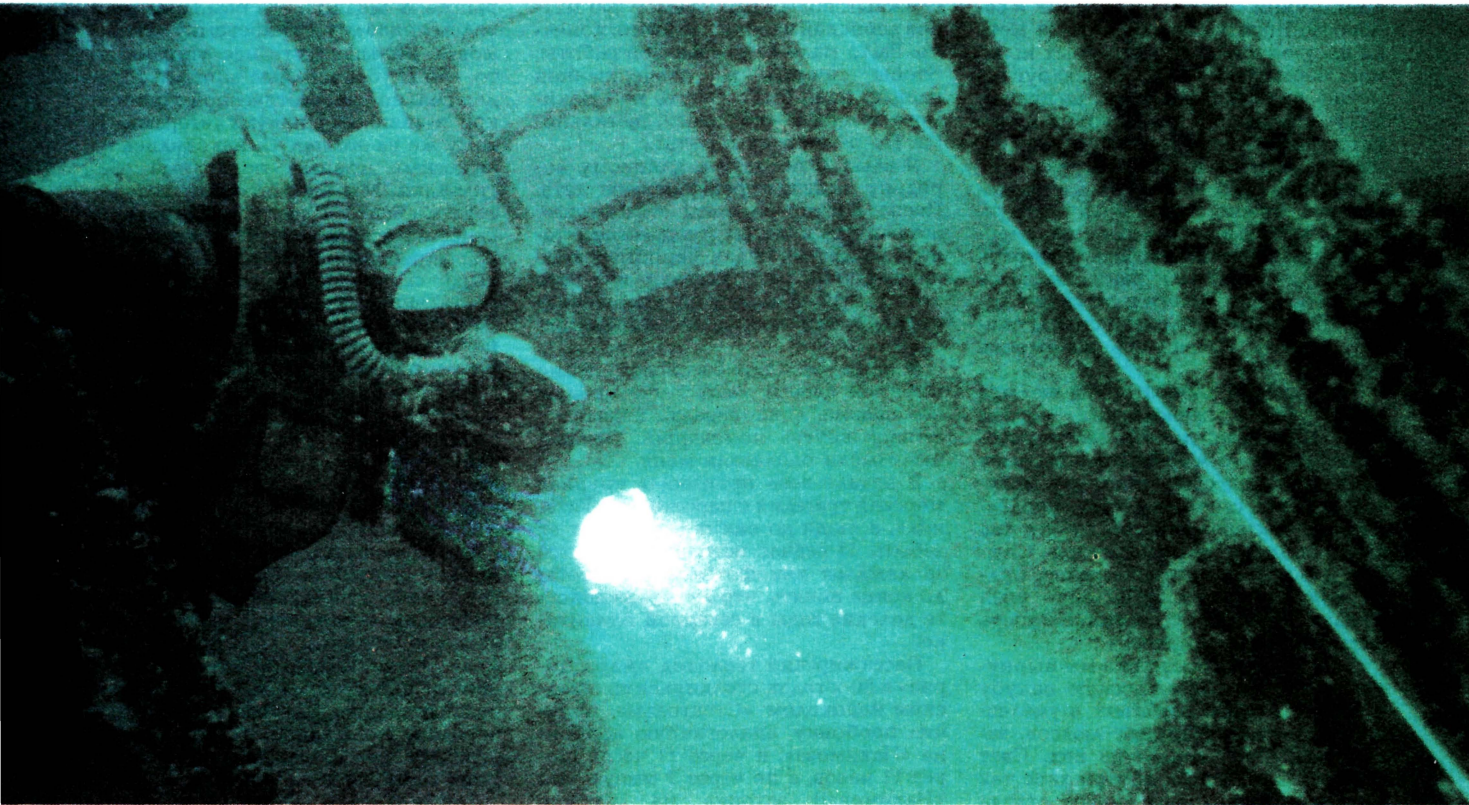
Капитанский мостик.

Верхняя палуба «Нахимова». Снимок сделан на второй день поисково-спасательных работ в 15 часов 11 минут.

Одна из шлюпок «Нахимова». Чтобы увидеть эту надпись, нам пришлось долго очищать борт шлюпки от ракушек и водорослей.

17:51:42

15:11:28

А. Н. ХИМОВ
ДАССО

8x25
M112

Стрелка моего глубиномера показала 26 метров, когда неожиданно перед глазами выросла бурая гряда металла. Как выяснилось, это была верхняя шлюпочная палуба «Адмирала Нахимова». Обросшая ракушками и водорослями, она не походила на ту выращенную белой масляной краской палубу, которую мы видели на видеозкране в Прокуратуре РСФСР перед отъездом.

Съемки делали специалисты Южморгео подводной видеокамерой сразу после трагедии. Прошел всего год, но судно обросло так, что казалось, оно лежит на дне целую вечность...

Мне очень захотелось сделать фотографию надписи «Адмирал Нахимов», и я водолазным ножом с большим трудом очистил от ракушек и водорослей примерно квадратный метр на носу одной из спасательных шлюпок. Неожиданно для себя я вдруг отмечаю, что судно не лежит на правом боку, как было в сообщениях после катастрофы и как мы сами видели своими глазами на видеозкране, а сильно выпрямилось, и на палубе и в проходах уже можно стоять чуть пригнувшись. «Нахимов» походил на смертельно раненного человека, который, несмотря на тяжелые раны, пытается встать на ноги. Позже в Москве я узнал, что некоторые специалисты спорят, почему изменилось положение судна.

Заведующий лабораторией шельфа Института океанологии имени П. П. Ширинова, доктор географических наук Н. А. Айбулатов в беседе с нами высказал свою гипотезу: могучий корабль своей тяжестью продавливает в песчано-илистом грунте дна яму и сползает на ровный киль. Слышал я и другое предположение: будто «Нахимов» при затоплении упал на наклонную гряду, с которой теперь сползает и выпрямляется.

С капитанского мостика мы нырнули на первую пассажирскую палубу и поплыли мимо разбитых и уцелевших больших окон кают-люков, заглядывая в некоторые из них. Свет фонарей высвечивал внутри хаос тех семи минут, которые судьба отвела судну на то, чтобы попрощаться с миром и уйти навсегда.

Неожиданно я вздрогнул от сильного хлопка за спиной. Резко обернулся — мои друзья живы и здоровы. Но в руках у Максименко — раздавленный светильник. Я машинально взглянул на глубиномер. Он показывал 30 метров. Неприятности начались. И тем не менее мы решили второй прибор проверить на большей глубине и нырнули на нижнюю палубу «Нахимова». Теперь мы плыли к корме мимо круглых иллюминаторов кают второго и третьего класса. На корме я увидел бассейн (чуть не сказал — пустой бассейн). Деревянный трап привел меня к кормовому бару. Над входом в бар еще отчетливо сохранились цветные буквы его названия: «...убин». «Очевидно, «Рубин», — подумал я.

Тратить воздух на обследование бара было жаль, и мы нырнули вниз вдоль борта еще на несколько метров. Второй светильник держал давление, несмотря на то, что стрелка глубиномера была уже на цифре 40. Я решил сделать экспонометрический замер освещенности и включил подводный экспонометр. Стрелка на светящемся циферблате поползла вправо и остановилась у цифры 500. Это означало, что если мы хотим вести здесь съемку средних и общих планов, то должны вести ее на пленке, превосходящей по чувствительности в пять-шесть раз самую высокочувствительную отечественную. Значит, либо на японской «фудзи», либо на американском «кодаке». На наше счастье, в Госкино нам выдали для проведения наиболее сложных подводных съемок 300 метров японской пленки. Но этого, конечно, было мало для серьезной работы. Чтобы снимать на отечественной пленке, надо было тянуть на «Нахимов» мощные кабельные светильники. Но от чего их питать?..

Я плыл к выходу по длинному коридору, освещая фонарем себе путь. Позже бортпроводники «Нахимова», оставшиеся в живых и плавающие теперь на других судах Черноморского пароходства, рассказывали мне, что этот самый длинный на «Нахимове» коридор они называли «Дерибасовской».

Я плыл по «Дерибасовской» мимо выбитых дверей кают и служебных помещений, лишь изредка направляя фонарь внутрь помещений. Печальные мысли одолевали меня.

В начале века произошла крупная морская трагедия с пароходом «Титаник», а люди до сих пор не могут ее забыть. И сейчас историки гоняются за каждым кинофрагментом, чтобы до конца понять, что же произошло в те далекие годы в северной Атлантике.

Пассажирский теплоход «Адрэ Дориа» в 50-х годах столкнулся со шведским пароходом «Стокгольм», получил пробоину, аналогичную пробоине «Нахимова», и через 11 часов (через 11 часов, а не через 7 минут, как «Нахимов!») затонул на глубине 70 метров. Американские, французские и итальянские кинематографисты до сих пор обращаются к этой трагедии на море — чтобы звучало еще одно напоминание, еще одно предостережение капитанам.

...Первым показал на манометр своего акваланга Николай. А затем большим пальцем правой руки он сделал движение вверх, к поверхности. Это означало, что воздух у него кончается. Мы с Максименко тоже взглянули на свои манометры — и у нас воздуха оставалось немного. Надо было срочно всплывать.

На катере нас уже ждали. Больше всех за нас волновался водолазный специалист студии Юрий Михайлович Ковкин. Начиналось сильное волнение, и катер постоянно наваливало кормой на бочку, к которой он был привязан. Каждого из нас пришлось с

риском буквально выдергивать мгновенно из воды, выждав удобный момент. Минут через 15 мы уже были на катере, разделились и глотали горячий чай из термоса.

На следующий день примерно в трехстах метрах от «Нахимова» бросил якорь «Гордый» — научное судно Минрыбхоза СССР. Подойти ближе капитан «Гордого» не рискнул, боялся, что судно может снести якорные троса бовов. У борта «Гордого» плескался «Бентос» — большой подводный аппарат-лаборатория севастопольского КБ подводных исследований. Воспользовавшись тем, что команда «Бентоса» проводила геофизические работы в районе Новороссийска, мы договорились с руководством ЭКБ, что снимаем «Бентос» в работе, а заодно с его помощью проведем подводную киносъемку «Нахимова». Больше всего нас устраивало то, что глубоководный аппарат обладал сильной энергетической установкой и мощными аккумуляторами. К тому же на его палубе находились на выносных штангах подводные светильники. Мы рассчитывали использовать «Бентос» возле «Нахимова» в качестве осветителя. На всякий случай укрепили на его палубе еще четыре своих кабельных подводных светильника мощностью по тысяче ватт каждый. Внутри «Бентоса» возле нескольких иллюминаторов расположили обычные наши светильники.

На совете с капитанами «Гордого» и «Бентоса» и с водолазными специалистами обоих судов обсудили план действий. Решили, что «Бентос», взяв пеленг на поверхности, погрузится и под водой выйдет точно на нос «Нахимова». С командой «Бентоса» пойдут Ленья Максименко и наш режиссер Володя Рытченков. Они попытаются снять через иллюминатор подход «Бентоса» к погибшему судну, его носовую надпись: «Адмирал Нахимов». Затем «Бентос» должен будет пройти ближе к корме «Нахимова», в район средней палубы, и там, заняв исходное положение, по радиосвязи передаст на «Гордый» сигнал спустить водолазов, то есть нас.

Так и сделали. «Бентос» пошел на погружение. Прежде чем задраить крышку люка на рубке, капитан подводного аппарата Александр Сергеевич Грязнов помахал нам рукой, когда мы проплывали мимо на катере, и крикнул: «Встретимся на «Нахимове»!» И исчез внутри аппарата, закрыв за собой люк.

...Наш катер расположился у бочки над «Нахимовым». Одетые в водолазные гидрокостюмы, мы с Лобаневым лежали на палубе, ожидая условного сигнала.

Прошел час. Сигналы с «Бентоса» не поступали. Мы взопрели в гидрокостюмах, начали подливать внутрь костюмов холодноватую морскую воду. Прошел еще час, опять никаких сигналов. Началась болтанка. Смотрю на Николая — его лицо немного побледнело. Да и сам я держался на пределе. И боялся, что если нас ука-

чает по-серьезному, то спуск под воду станет опасным и наш водолазный специалист вообще его запретит. На всякий случай мы с Лобанёвым бодрились: смеялись и шутили, чтобы скрыть свое состояние.

Неожиданно в рации что-то зашипело сильнее обычного, и мы узнали голос капитана «Гордого»: «Катер! Я — «Гордый»! Как слышите меня? Прием!»

Наконец-то! Ковкин взял в руки переговоры: «Слышим вас хорошо!» — «Бентос» на точке! — сообщил капитан. — Можете начинать погружение! Удачи вам!»

Уходили под воду быстро и без суеты. Я толкал перед собой новую подводную камеру, только недавно разработанную для нас советскими специалистами. Ей предстояло пройти сейчас настоящие полевые испытания. Во всяком случае, Максименко гарантировал, что 30 метров глубины она обязательно выдержит, а может быть, и больше. Николай прихватил с собой и фонарь конструкции Лени Максименко. Кроме того, на грудь я снова повесил свой любимый красненький фотобокс.

Погружаться старались вертикально вниз, по кратчайшей, но нас сильно сносило течением. Тут я понял, почему «Бентос» так долго не выходил на точку. Пеленг его был таков, что сильное течение при движении «Бентоса» к носу «Нахимова» приходилось как раз перпендикулярно к корпусу «Бентоса», имеющему большой объем. Двигаться же к затонувшему судну среди кусков разбросанного по дну металла и тросов, идущих от плавающих наверху бонов, «Бентос» мог только самым малым ходом. Вот почему заходить на нужный пеленг под водой ему пришлось не один раз. Но, слава богу, он на точке и ждет нас. Только бы нас самих не снесло в сторону.

Гребем ластами изо всех сил. Расход воздуха больше нормы. Выручает спусковой конец, который Ковкин опустил вместе с грузом с катера на корму «Нахимова». В тот момент, когда мы вывимаемся из сил и нас начинает сносить, мы хватаемся за фал и даем себе небольшую передышку.

Показались кормовые надстройки «Нахимова». Опустились на палубу и осмотрелись. Вода сегодня была немного попрозрачней. Но где «Бентос»? Его не видно. Смотрю в иллюминатор кинокамеры и замечаю внутри немного воды. Подвсплываю на глубину 26 метров — подтечка прекращается. Совершенно очевидно, что съемку можно будет вести на глубине не большей, чем эта. Но почему нет «Бентоса»?

Чтобы не терять времени и воздух даром, даю сигнал Николаю включить фонарь и поплавать с ним среди конструкций «Нахимова». Снял несколько планов. «Бентос» по-прежнему не появляется. Как плохо, что у нас нет подводной связи...

Стрелка моего манометра на акваланге неуклонно приближается к той

минимальной отметке, когда воздуху хватает лишь на всплытие. А «Бентоса» все нет. Начинаю мысленно перебирать варианты: плыть к носу и найти «Бентос»? По-прежнему ждать, экономя воздух? Вернуться на катер и сменить акваланги? А вдруг сейчас появится «Бентос»?!

Достаю водолазный нож и, словно на школьной доске, начинаю писать им на деревянной палубе, покрытой слоем ила, «записку» Николаю: «Гони срочно наверх! Смени свой акваланг и для меня прихвати полный!» Николай сразу все понял и, оставив на палубе светильник, устремился к поверхности. А я остался ждать. На этот раз и Николая и «Бентос».

Не знаю, сколько прошло минут, — время тянулось мучительно медленно. Я старался дышать как можно спокойнее, чтобы растянуть последний запас воздуха. Все чаще поглядываю на манометр. Стрелка подрагивает все ближе к критической черты. Еще две минуты, и я, оставив камеру на палубе, устремлюсь на поверхность.

Чтобы сэкономить воздух, подвсплываю на несколько метров вверх. И тут наконец я увидел Николая. Он опускался с запасным аквалангом для меня. Николай помог мне включиться в новый аппарат и снять старый. Его мы на всякий случай привязали к спусковому концу.

«Бентоса» по-прежнему нет, и мы, чтобы не рисковать вторым аквалангом, плывем вниз искать его. Метров через десять, далеко под нами мы увидели наконец бледные огоньки. «Бентос» не двигался. У него явно что-то случилось. Нырнуть к нему с камерой? Но у верхней рубки аппарата глубина будет не меньше сорока метров, а наш бокс, как выяснилось, уже на тридцати начинает пропускать воду. Нет, туда нельзя!

Из застрявшей в конструкциях «Нахимова» большой шлюпки выдергиваю уключину и, показав Николаю рукой в сторону «Бентоса», стучу ею три раза по переборке. Затем большим пальцем руки показываю вверх. Николай тут же сообразил, что мне надо, и, выхватив у меня уключину, нырнул вниз в темноту.

И опять мучительное ожидание. По моему подсчету Николай должен уже вернуться, но его все нет и нет. Ждать здесь или идти за ним в глубину? Неожиданно появился страх за Николая. Сначала я видел поднимающиеся мимо меня пузыри выдыхаемого им воздуха, затем пузыри исчезли. Оставив камеру на палубе, я делаю мощный гребок ластами и ухожу вниз на поиски Лобанёва.

Волновался я напрасно. С Николаем ничего не случилось. Как рассказал потом он сам, у него при спуске выскользнула из рук уключина, и ему пришлось искать ее на дне. А пузырей не было видно потому, что он нахотился под брюхом «Бентоса» между его ногами-опорами, и большие пузыри выдыхаемого воздуха, разбиваясь на мелкие пузырьки, застревали в дыщце.

Когда Николай подплыл к одному из иллюминаторов и заглянул внутрь аппарата, его опытный глаз сразу заметил внутри излишнюю суету. Похоже было, команда «Бентоса» пыталась исправить какую-то неполадку. Позже мы узнали, что «Бентос» дошел до заданной точки, но неожиданно в масляной системе возникла неполадка. Команде пришлось посадить аппарат на грунт и срочно заняться ее ликвидацией. Николай поступал уключиной по корпусу три раза. К иллюминатору подскочили сразу несколько человек. Николай поднес к стеклу свои подводные часы и показал пальцем на циферблат. Затем большим пальцем правой руки сделал движение вверх к поверхности. Внутри несколько секунд посоветовались, затем главный механик «Бентоса» размашисто что-то написал на листе бумаги и поднес лист к иллюминатору. Николай прочел: «Через минуту всплываем аварийным всплытием. Не прозевайте!»

Я увидел Николая как раз в тот момент, когда он что есть мочи рванул от «Бентоса» вверх. На ходу он показал мне большим пальцем вверх, и я по его спешке понял, что «Бентос» сейчас начнет всплывать. Я поспешил за Николаем.

Я всплывал так близко от борта «Нахимова» и так спешил, что не заметил, как ремешок висящего у меня на груди фотобокса зацепился за какую-то выступающую железку и неожиданно лопнул. Мой любимый фотобокс, имеющий отрицательную плавучесть, камнем устремился на дно. Догонять его не было времени. Не упустить бы «Бентос»!

Едва я успел на верхней палубе «Нахимова» приготовиться с кинокамерой, как, весь сияющий огнями, появился «Бентос». Он нарастал с поразительной быстротой — таинственный, похожий на летающую тарелку, выходящую из океана. (Помню, ходила в одно время версия, что летающие тарелки базируются в океане.)

...Когда «Бентос» скрылся далеко над нами, мы тоже начали всплывать. Через несколько минут катер доставил нас на «Гордый». Здесь Николая и меня ждала декомпрессионная камера. Чтобы избежать кессонной болезни, мы должны были пробыть в ней больше часа под снижающимся постепенно давлением. Только так наша кровь могла полностью освободиться от опасных пузырьков газа.

В барокамере, накинув на себя теплые одеяла, мы пили горячий чай, который нам подали через специальный шлюз. Николай напомнил мне о потяряном фотобоксе:

— Не переживай! Возьми на память вместо бокса... — Он протянул мне знакомую уключину. Я взял ее в руки, и тут же на меня снова нахлынули воспоминания о «Нахимове». Я подумал о безответственности, безнравственности, которые всегда оплачиваются человеческими жертвами. Об этом, пожалуй, и будет мой будущий фильм.

КАПИЩА ПРАВОСЛАВНЫХ

Китайскую пагоду невозможно спутать с западноевропейским костелом. И вообще, храмам каждой мировой религии, будь то христианство, буддизм или ислам, присущи оригинальная конструкция и вполне индивидуальное «лицо». Чем это вызвано?

Верующие обычно видят в форме и убранстве своих храмов нечто прямо связанное с сущностью вероучения, считают, что каждая храмовая архитектура неразрывно связана с породившей ее религиозной идеей. Из этого должно следовать, что храмы одной религии непригодны для отправления служб другой. Однако последнее правило на деле не выполняется: известны случаи, когда под мечети шли индуистские храмы, долгое время служила мечеть главная святыня православия — константинопольский Софийский собор. Значит, гипотеза о сакральных корнях храмовой архитектуры неверна?

А что, если мы попытаемся проверить свою наблюдательность и память и свяжем архитектурные формы с крупными географическими зонами и с народами, их населяющими? Любопытнее всего, даже не искусственный в искусстве, увидев на репродукции колоннаду карнакского храма, сразу вспомнит: «Это — Египет»; при виде огромного сооружения, напоминающего высокую шапку и испещренного резьбой и скульптурой, скажет: «Это — Индия»; а легкая постройка, состоящая из многих крыш, похожих на птиц, только что севших одна на другую и не успевших еще сложить крылья, напомнит Японию или Корею. Отсюда напрашивается вывод, что в основе самобытности культового зодчества — традиции народной архитектуры соответствующих регионов планеты.

Однако наружный облик храмов периодически и коренным образом меняется и внутри религии, исповедуемой одним и тем же народом. Это загадочное и несовместимое вроде бы с религиозными традициями явление обычно объясняют движением архитектурных стилей. Особенно оно выразилось в архитектуре католического мира: первые христианские храмы совсем не похожи на готические соборы.

А вот преобразования в русском церковном зодчестве на первый взгляд не столь красочны и грандиозны. Монументальные сооружения Киевской Руси (первые из сохранившихся — Спасо-Преображенский собор в Чернигове, построенный около

1036 года, Киевская София — в 1037 году) сделаны по византийскому образцу, хотя и в более строгом исполнении. Крупным явлением стала своеобразная архитектура Владимиро-Суздальской Руси второй половины XII века — изобразительные мотивы в убранстве храмов делают ее созвучной романскому искусству Западной Европы. В XIII—XIV веках в Новгороде и Пскове создается тип небольшой приходской церкви. С конца XV века центром культурной жизни становится Москва; здесь церковные здания строились довольно оригинальной конструкции — в виде бесстолпного храма, крытого крещатым сводом (сохранившиеся церкви — Трифона в Напрудной слободе, Рождества в селе Юркине Московской области). Крещатый свод — это изобретение московских зодчих. Однако в 1532 году в селе Коломенском под Москвой была построена церковь Вознесения — первый каменный храм с шатровым покрытием, открывший новое направление в русской архитектуре. Опять поворот...

Чем это вызвано? Почему вскоре после канонического пятиглавого Успенского собора строится башнеобразная церковь Вознесения — без куполов, без апсид, украшенная невиданным стрельчатым декором? Ясно, что облик храма преобразует человек, и в столь серьезном деле им должны руководить отнюдь не второстепенные побуждения. Основным моментом в отношении человека к культовому месту является его отношение к самому культу, следовательно, за изменением «лица» христианского храма каждый раз можно предполагать новое понимание места и роли христианства в жизни людей.

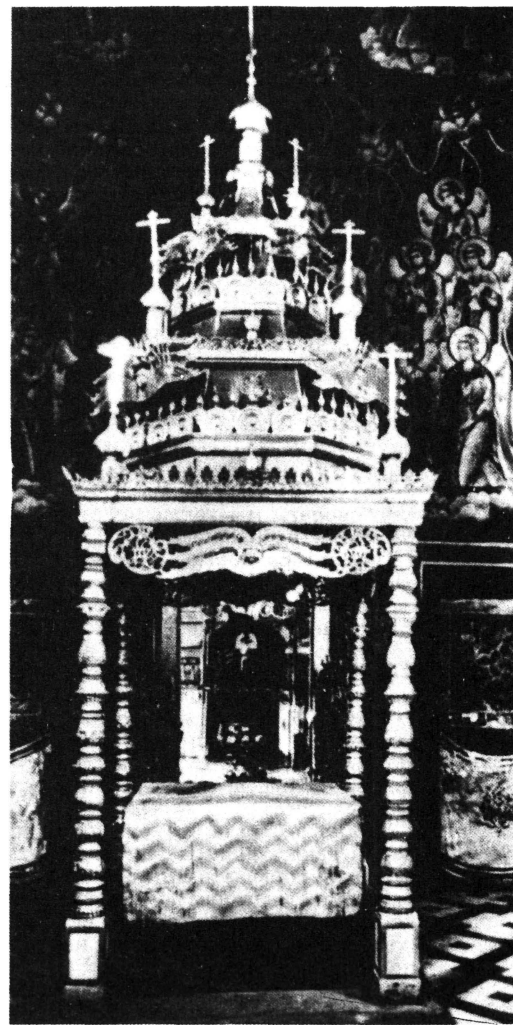
Итак, с одной стороны, облик церквей со временем менялся — хотя причины этого неясны. С другой стороны, наука давно и твердо стоит на точке зрения, что распространялось христианство на Руси постепенно, хотя хронологические вехи еще не представлены. Из-за этого в искаженном свете оказывались многие наши представления — касались ли они внутрицерковных вопросов, явлений культуры или социальных отношений.

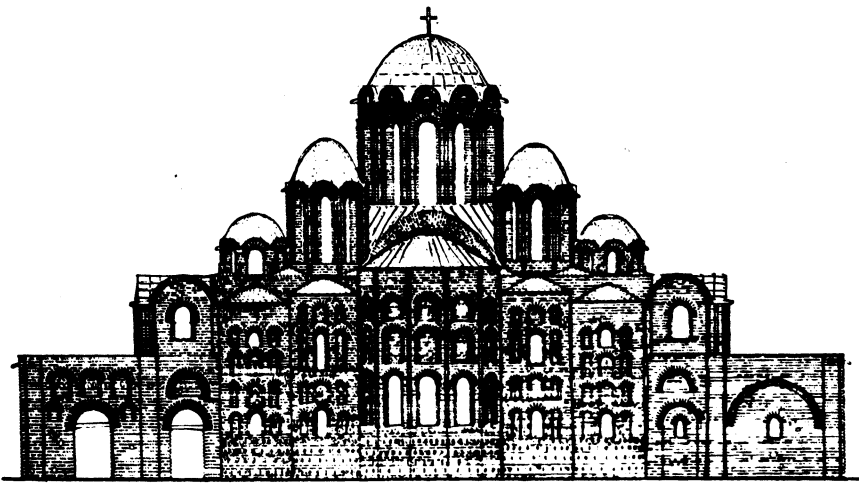
Уже стало нормой говорить о христианизации Руси в отрыве от «шкалы времени». Одни считали, что принятие русскими христианства шло долго и неприметно, и конец этого процесса определить невозможно. Другие, наоборот, полагали, что народ приобщился к новой религии в каком-то неопределенно раннее время.

Между тем в русской действительности киевского периода отмечалось немало фактов пренебрежительного отношения к церковным зданиям: на стенах вычерчивали карикатуры и ругательства, фрески вырубали, церкви в ходе междоусобных войн безжалостно грабили. Поэтому весь киевский период может представиться и как время религиозного администрирования, и полного безразличия народа к духовным ценностям христианства. Но так считать тоже нельзя.

Попытаемся представить, как воспринималось христианство верхами русского общества в конце X, в XI и в начале XII веков. Почему князь Владимир из целого ряда значительных религий выбрал именно византийский вариант христианства? Очевидно, немалую роль здесь сыграла чисто религиозная сторона дела. В символике византийской церкви обнаружился некий элемент, сопоставимый с восточнославянскими представлениями о культовой архитектуре, что, кстати, и придало некую оригинальность всему русскому православию.

Надпрестольная сень Смоленского собора.

Проект реконструкции восточного фасада Софии Киевской

В первой части известного летописного рассказа о выборе вер в 986 году есть прямой вопрос: «Какое есть вера ваша?» Однако уже во второй части, где говорится о 987 годе, испытание веры сводится к наблюдениям обрядности — облика церковной службы. Магометанская и католическая службы не произвели на русских никакого впечатления («красоты не видехом никоея же»), зато православная вызвала бурный восторг — летописец, чтобы полнее передать силу воздействия православного храма, трижды повторяет слово «красота». Князь Владимир принял эту веру, следовательно, внес эту «красоту» в официальную жизнь Киева. Смысл совершенного несколько не меняется и в том случае, если весь эпизод с отправкой послов был вымышленным. Действительно, первые христиане среди русских людей появились за 150 лет до реформы князя Владимира; в 945 году действовала соборная, то есть главная церковь пророка Илии, а это значит, что были и другие подчиненные ей храмы и, возможно, был епископ. Так что для знакомства с христианством князю Владимиру было достаточно спуститься с киевской горы на берег Днепра. Приведенные в летописи впечатления от константинопольской службы не обязательно должны быть первыми впечатлениями. Но они очень важны: то, что в этом ритуале названо красивым, не могло быть совсем новым, неизвестным, никогда доселе невиданным и тем более чуждым. Для человека, живущего в мире твердых традиций, «красивое» — значит очень близкое, привычное. Что же это?

Откроем летопись под 988 годом и прочитаем: «...в лето 6496 иде Володимерь съ вои на Корсунь, градъ греческий...» — Владимир отправился в Крым и взял византийскую крепость Херсонес Таврический, которую сразу же вернул византийским императорам Василию II и Константину IX в качестве выкупа за невесту — княжну Анну. В Корсуне Владимир принял

крещение и вступил в христианский брак. Возвращаясь в Киев, он захватил с собой сосуды церковные, иконы, мощи святого Климента и Фива, а также «медяне две капищи и 4 кони медяны». Не было ли в этом наборе того, что годом раньше потрясло Владимировых «экспертов»? Из перечня сразу надо исключить квадригу коней, не являвшуюся церковной утварью; иконы и мощи — совершенно новое явление для русских; сосудами они, безусловно, пользовались и раньше, священные сосуды — чары — применялись при языческих обрядах («чародеяниях»), правда, формы этих сосудов различались. Остаются две «медяне капищи». Слово «капище» обычно переводится как «идол» (статуя), что более чем странно: зачем было Владимиру везти в Киев новых идолов, когда он там сразу же приступит к сокрушению всех имевшихся? О том, что идол и капище — разные понятия, говорят многие древнерусские тексты. Так, ученик Феодосия Печерского Исайя Чудотворец, насаждая христианство в Ростовской и Суздальской землях, разорвал и предал огню «идолов и капища»; митрополит Иларион, восхваляя приобретающий христианский колорит Киев, подметил, что вместо капищ теперь возвышаются церкви, а вместо идолов красуются иконы. Следовательно, капище — это постройка, выполнявшая для язычника ту же функцию, что для христианина церковь, — некая разновидность языческого храма. Но здесь возникают новые загадки: откуда у греков-христиан языческие храмы, притом «портативные», пригодные для перевозки, и зачем принявшему христианство Владимиру понадобилось везти их в Киев?

Вернемся к «испытанию вер» и попытаемся понять, что именно поражало воображение наших соотечественников 1000 лет назад, когда они входили в христианский храм. Здесь все внушительно, грандиозно, здесь новые звуки, краски, запахи... Летописец подчеркнул, что наивысший эф-

фект возникал при нахождении на «пространнем» — срединном месте. Если мы сейчас войдем в любую действующую церковь во время большой службы (например, на пасху), в ту пору, когда открыты так называемые «царские врата» — двустворчатые двери в стене иконостаса, — мы увидим в алтаре, прямо перед собой, сооружение, похожее на обычный стол, над которым на четырех резных столбиках располагается острроверхая крыша. Это — главная святыня храма, она называется жертвенником или престолом, а его крыша — надпрестольной сенью или киворием. Это и есть, как вы уже, наверное, догадались, видоизмененное языческое капище: постройка без стен с шатровой крышей на 4—8 столбах.

Еще в XIX веке крестьяне возводили подобные «храмы» в рощах во время зеленых святок, их изображения широко представлены в народном искусстве вышивки. Добавим к этому, что в церквях X века маленький алтарный «храм» был виден лучше, чем сейчас, — в то время алтарь не был отделен от молящихся иконостасом. О том, что он и в то время имел шатровую крышу, можно судить по сохранившейся мозаике киевского Софийского собора (в главной апсиде). Весьма вероятно, что это он был носителем той «красоты», от которой пришли в восторг русские послы. И его присутствие в церкви могло быть одной из причин внедрения на Руси именно византийского христианства. Два таких кивория и вез Владимир из Корсуни в Киев.

Таким образом, христиане Киевской Руси, часто не понимая речей священника-грека, могли молиться самостоятельно — о своих заботах перед храмом своих предков. Некоторым подтверждением тому служит широко распространенный обычай вносить в алтарь (и класть под свод кивория) свои жертвы богам — канун и кутью. Новгородский архиепископ Илья-Иоанн в 1166 году прямо осудил этот ритуал, что, однако, результатов не дало: четырьмя столетиями позже в алтарь и именно на жертвенник, кроме кутьи и кануна, помещали сыр, яйца, печеную рыбу и мясо, калачи, пироги, блины, всякие овощи, а также пиво, мед, квас, брагу. В середине XVI века Стоглав снова запретил эту практику и, главное, запретил прихожанам свободный вход в алтарь.

Таким образом, в Киевской Руси зародился некий симбиоз христианства и язычества — прямое сочетание языческих действий и христианской службы. В течение шести веков после крещения под сводами христианских храмов люди, как писал об этом русский книжник, «смешаем некия чистыя молитвы с проклятым молением идольским».

Своеобразное осмысление русскими кивория позволило использовать шатровое покрытие в церковном зодчестве наряду с купольным. В домонгольской Руси известно одно соору-

жение с таким покрытием — часовня, построенная в 1158 году князем Андреем Боголюбским. Постройка небольшая, но поставленная на открытой площади перед собором, она носила явно демонстративный характер, отражая языческие симпатии населения Владимиро-суздальщины.

Архитектура периода домонгольской Руси наглядно показывает, как переориентировалась в религиозном отношении феодальная верхушка. Если в начале христианского строительства на Руси возводились огромные соборы, моделью которых была константинопольская София с ее многочисленными службами, то дальше русский храм стал уменьшаться в размерах, но увеличивалась его относительная высота. Характерные постройки: Успенский собор Киево-Печерского монастыря (1077 год), собор Михайловского Златоверхого монастыря (1113 год), Успенский собор черниговского Елецкого монастыря (1120 год) и другие. Лейтмотивом такого пути развития, очевидно, явилось то, что громадные храмы середины XI века оказались «нерентабельными»: в городах Киевской Руси той поры не было такого количества верующих, чтобы заполнить их. Тенденцию подчеркнуть вертикаль, сделать силуэт храма «островерхим», несомненно, проводили местные строители сообразно со славянскими представлениями о красоте культовой постройки.

Но если эти факторы действовали в основном подспудно, то истоки необычайного расцвета Владимиро-Суздальской архитектуры второй половины XII века можно видеть в «социальном заказе» русских феодалов. Начиная с церкви Покрова на Нерли (1165 год), храмы стали украшать каменной резьбой; причем в таких постройках, как Димитриевский собор во Владимире¹ (1197 год) и Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (1234 год), скульптурные сцены покрывают значительную поверхность стен. Персонажи и орнаменты этой резьбы в основном языческого происхождения; размещая эти образы на стенах храма, христиане хотели смягчить тяжелое впечатление, которое производили церкви на вчерашних язычников, «очеловечить» эти сооружения. Сложная и разнообразная скульптура с ее глубоко продуманным содержанием была рассчитана на созерцание снаружи, она обращалась к стоящим вне храма, как бы призывая переступить границу и войти внутрь.

Христианизация городского посада началась в первые десятилетия после монгольского нашествия, захватив вторую половину XIII века. Когда говорят об архитектуре того времени, обычно имеют в виду каменные храмы.

Меньшее внимание обращали обычно на шатровые посадские церкви — главным образом потому, что

строились они из дерева и древнейшие не сохранились. Об их сооружении сообщали летописцы: первое известие относится к построению Успенской церкви Великому Устюгу в 1290 году; их изображения дошли до нас на иконах. Самая древняя из уцелевших — Лазаревская церковь Муромского монастыря на берегу Онежского озера (1391 год); на столетие моложе церкви в селе Бородава на Вологодчине (1486 год) и в селе Юковичи Ленинградской области (1493 год). К концу XV века подобные храмы строили повсюду. Они формировали архитектурный ансамбль посадских храмов. Среди них были и грандиозные сооружения — вроде храма Вознесения в Вологде (1493 год).

В течение двух с половиной столетий ремесленники русских городов жили в окружении шатровых церквей. Эти люди, став христианами, создали новый христианский храм, не имеющий ничего общего с византийским прообразом; при этом ни им, ни христианству не причинило ущерба то, что форма этого храма на символическом языке выражала славянские мифопоэтические, космологические и эстетические представления.

Русские земледельцы принимали христианство в первой половине XVI века¹. Именно в это время они перешли на юлианский (церковный) календарь, к этому времени исчез языческий похоронный обряд — погребение под курганом, появились среди русских святых выходцы из крестьян, закончилось формирование свадебного обряда. Это означает, что Россия в течение пяти с лишним столетий после официального «крещения», в сущности, оставалась языческой: в языческом окружении совершали свои подвиги такие святильники благочестия, как Сергей Радонежский и Кирилл Белозерский; через языческие деревни проходило войско Дмитрия Донского; крестьян-язычников привлекали на строительство величественных соборов.

Здесь еще раз стоит задуматься о роли церковного таинства крещения в народном его восприятии. Строго говоря, народ Руси официально крещен дважды: первое крещение 988 года — которое формально распространялось на все племена и сословия, и второе — касавшееся, видимо, только крестьян средней полосы будущей России — совершено в начале XII века киевским монахом Кукшей: «бесы прогна, и вятичи крести, и дождь с небеси сведе и озеро иссуши». Русские крестьяне, став христианами, не требовали от церкви нового публичного обряда крещения. Они становились христианами тихо и неприметно, им как будто было достаточно для этого одного собственного решения.

¹ См.: «Почему князь Петр женился на Февронии?» — «Вокруг света», 1988 г., № 4.

И выходит, что обряд крещения не играл существенной роли в деле приобщения их к правой вере.

Но ведь и христианизация других народов, крещение которых совершалось по несколько раз с интервалом в 100—200 лет, проходила подобным образом! Так, например, чудь крестил Иоанн Устюжский в XII или XIII веках, а затем Кирилл Челмогорский и Авраамий Чухломский во второй половине XIV века; лопарей привел в лоно христианской церкви в конце XIV века Лазарь Муромский, а потом это же сделали в середине XVI века Фодорит Кольский и Трифон Печенгский.

Русская церковь именует себя апостольской, связывая свою пред историю с легендой о посещении Киева и Новгорода апостолом Андреем. Такое представление сложилось к середине XIV века, когда легенда переживала второе рождение и была включена митрополитом Макарием в составленные им Четьи-Миней. По всей вероятности, легенда зародилась в Киеве в XI веке в неофициальных кругах. Первый русский митрополит Иларион в середине XI века ее не знал, а в своем знаменитом «Слове о законе и благодати» просветителем русской земли — подобно апостолам — он называет князя Владимира. Возможно, апокриф об апостоле Андрее появился в назидание новгородцам, на что те отвечали по-разному. В одном варианте они полностью отвергали легенду, утверждая, что в день крещения «дьявол стеньяще глаголя: увы, мне, яко отсюду прогоним есмь!.. побежен есмь от невелгаса, а не от Апостол, ни от мученик»; в другом утверждали, что апостол не просто пребывал в Новгородской земле, но проповедовал и даже оставил свой жезл.

Затем история эта была забыта. К концу XV — началу XVI века сформировалось прочное мнение, что ни один апостол не был в русских землях. Тем не менее в последующие полстолетия идея апостольского благословения была поднята вновь и введена в «исторический фонд» русского православия. Ее хорошо знал Иван Грозный и пользовался ею как аргументом в сношениях с католическим миром.

Легенда «О проявлении земли русской от апостола Андрея» не выдерживает ни малейшей критики. В ее истинности сомневался Н. М. Карамзин, ее не признавали видные церковные историки Платон, Филарет, Е. Голубинский.

По смыслу описанного в ней события она могла бы быть еще одной главой канонических «Деяний апостолов», но в легенде не содержится ни одного элемента, сближающего ее с этой книгой. Примерно половина текста легенды посвящена описанию маршрута апостола, уделяя особое внимание будущим Киеву и Новгороду. Другая же половина представляет

забавную картину мытья в русской бане. По своему уровню и по стилю она не отличается от заповедей народных проповедников («аживых пророков» — по аттестации Стоглава): не браниться матерно или не работать по средам и пятницам. Счастливая, в конечном счете, судьба легенды определилась, видимо, тем, что присутствующий ей народный дух, внесенный киевским летописцем, оказался сродни умонастроению обратившихся к христианству земледельцев.

Русская церковь, заявив о себе как об апостольской, избрала для своих богослужений церковное здание с шатровым покрытием. Это — единое событие, обе стороны которого имеют народные корни: апостольство — от внецерковного предания, шатровый верх — от языческих культовых сооружений.

В это же время в церковную практику входит ряд искажений в совершении обрядовых действий, которые сто с небольшим лет спустя окажутся в числе важнейших причин раскола церкви, — дуперстное сложение руки в крестном знамении, сугубая (дважды произносимая) аллилуйя и посолонное (по солнцу) направление движения в обряде венчания и в крестном ходе вокруг церкви. Сложилось это к середине XVI века — о чем говорит старообрядческая формула, «как дедами и прадедами заповедано», впервые произнесенная в 1656 году. Некоторые из названных искажений утверждены Стоглавым собором 1551 года.

Христианству присуще обрядовое движение против солнца. Очевидно, так оно и производилось на Руси, причем никто не сомневался в его «правильности» с момента «крещения» до конца XV века. Но вот в 1479 году во время освещения Успен-

ского собора в Москве кому-то из ближайшего окружения великого князя Ивана III показалось, что митрополит ведет крестный ход вокруг собора «неправильно». Возник спор, продолжавшийся три года и закончившийся признанием правоты митрополита — христианская норма удержалась. Но к середине XVI века крестные ходы в русской церкви совершались уже «по солнцу». Когда, кем и на каком основании это было установлено?

Обрядовое движение посолонь свойственно языческому танцу в культе солнца — хороводу. Хоровод движется в том же направлении, что и солнце, и тем самым магически воздействует на него. Эта обрядовая традиция, уходящая в глубь времен, сочеталась с сельскохозяйственной практикой. Народная мудрость советует земледельцу: «Борони по солнцу, лошадь не вскружится». Посолонное движение пронизывало весь быт крестьянской жизни. Например, в этом направлении производился обсчет скота, отдаваемого в деревенское стадо, в этом же порядке нанятый пастух отжигал в домах свои сроки. Интересно, что обратное движение (против солнца) также применялось в народных магических обрядах, но в прямо противоположных

ситуациях — когда надо действовать не в лад с природой, а ради изменения сложившегося порядка вещей. Например, при нарушении некоторых ритуальных запретов во время рыбной ловли, что могло повлечь неудачу лова, совершали следующий обряд. Переворачивали вверх дном горячий пищевой котел, виновного раздевали и, посадив на дно, смазанное жиром, вращали его против солнца. Наказанного таким образом называли потом «верченый» и относились к нему с пренебрежением.

Вполне вероятно, что русский народ, вступив в полосу освоения христианских обрядов стал выполнять в привычном ключе те из них, что так живо напоминали ему привычные хороводы. Старообрядцы, удерживая посолонное хождение, в данном случае действительно отстаивали «древнее благочестие», но не христианское, а народное, языческое. Реформа патриарха Никона 1656 года восстановила правильность христианского обряда.

Но каким образом народ мог навязать церкви заведомо превратное действие? К сожалению, этот значительный эпизод в истории русского православия не описан современниками. Очевидно, узаконение этой нормы было связано с каким-либо большим церковным праздником. На протяжении первой половины XVI века наиболее вероятным поводом для такого праздника могло стать освящение храма Вознесения в Коломенском (1532 год). Не говоря о том, что освящение любого большого храма представляло собой событие экстраординарное, резко выпадающее из привычного жизненного круга; освящение этого храма, построенного в стиле народной архитектуры, должно было происходить с привлечением священников от посадских и сельских шатровых церквей — наиболее близких к народной культуре. Действия, выполненные ими, включая крестный ход вокруг храма, не будучи оспоренными, приняли обязательную форму. Иными словами, новая норма скорее всего была утверждена для всей русской митрополии методом публичного показа; ее санкционировало само присутствие великого князя и митрополита.

Национальная форма христианского храма вызрела в течение всего домонгольского периода; одна из первых проб — создание шатровой часовни Андреем Боголюбским.

«Посадский период» христианской культуры отмечен самостоятельным строительством (с уходом от византийских традиций) деревянных церквей с шатровым верхом. Этот языческий «шатер» в XVI веке соединился с каменным храмом. Рождение нового оригинального архитектурного стиля стало возможным потому, что в это время принимало христианство самое многочисленное сословие тогдашней Руси — крестьяне, которые внесли в христианскую культуру языческий силуэт храма.

Церковь Вознесения в Коломенском

В. ЗАДОРЖНЫЙ

НЕ КЛАНЯЙТЕСЬ ПРИ ТИГРЕ!

Обычный тигр не всегда воспринимает человека как человека. Высоких существ на двух ногах он предпочитает обходить стороной. Но согнувшегося человека — особенно в зарослях или в траве по пояс — хищник невольно принимает за четвероногую добычу. Не вводите тигра в заблуждение!

Эту заповедь хранит в памяти любой индийский крестьянин, живущий бок о бок с полосатым владыкой джунглей. Но знает он и другое: земля сама не родит, на ней надо хребет гнуть. Так что про заповедь-то крестьянин помнит, а что делать...

Если и есть в этих словах ирония — то очень грустная. Отношения человека и тигра в Индии складываются не просто. Из прекрасного далека

академического кабинета легко бить тревогу: тигры исчезают, вид в опасности! Однако совсем иное — увидеть поутру, что тропка от твоей хижины к твоему клочку земли подчеркнута крупным кошачьим следом.

...Пейзаж в дистрикте Кхери на севере штата Уттар-Прадеш умиляет: мир и покой. Пшеничные и горчишные поля — словно желтые сари, брошенные на траву, — обретают особо яркие цвета рядом с плантациями сочно-зеленого высокого сахарного тростника. Рекламно-пестрые тракторы снуют по дорогам и крестьянским землям. Во время сбора урожая запряженные волами повозки с грузом тростника многомильными змеями тянутся к сахарным заводикам, источающим густой сладкий аромат. А вда-

ли, в дымке — у самой границы с Непалом, величаво замыкают горизонт Гималаи.

Но мира и покоя нет: из джунглей в любой момент может ударить полосатая молния. Ежегодно тигры убивают здесь больше двадцати человек.

До 1947 года эти хищники были единовластными владыками непроходимых чащ и малярийных болот в предгорьях Гималаев. Но в обновленной Индии эти болота были осушены, джунгли вырублены, сотни тысяч безземельных крестьян обрели в Кхери долгожданный клочок земли. От прежде дикого пейзажа мало что осталось.

Последние местные тигры населяют пойменные луга и джунгли национального парка Даждхва. Заповедник —

пятьсот квадратных километров — был создан в 1968 году для сохранения едва не исчезнувшей вовсе барасинги — одного из самых красивых оленей мира. Заодно и тиграм повезло. Но уже через два года охота на них была запрещена по всей стране, а с 1973 года началась серьезная работа по сбережению тигров. Правительству помогают международные фонды защиты животных.

За эти годы тигров стало вдвое больше. Правда, не все ученые согласны с официальной цифрой — четыре тысячи особей. Тигров в стадо не сгонишь, по головам не пересчитаешь. Их перепись — дорогая и сложная процедура. В определенную неделю десять тысяч специально подготовленных учетчиков выискивают в джунглях все следы этих хищников. Путаница неизбежна. Мало того, что одного зверя можно учесть не один раз, знатоки леса сомневаются в возможности достоверно определить по следу и размеры, и пол, и возраст хищника. Но того, что тигров стало намного больше, не оспаривает никто.

— Люди и на Луне приносятся жить, а тигры пропадут без нетронутых джунглей! — не устает твердить устно и в печати основатель и неустанный защитник Даххвы эколог Аджан Сингх. Хотя он не раз отмечен правительством, имеет и высокую международную награду, среди коллег славят «экстремистом», со всеми перессорился — никакие самые широкие меры по охране природы не могут угмонить его страсть сохранить дикую природу в целостности. А сделано в Индии (обремененной ворохом проблем) на удивление много: тринадцать лет назад было пять национальных парков, 126 заказников, теперь — 54 и 248! Уже двенадцать процентов джунглей под охраной закона. Тигры сосредоточены в основном в пятна-

дцати заповедниках. Но две трети кровавых трагедий падают на окрестности Даххвы и другого заповедника — Сандарбан-Фореста. В обоих случаях роковую роль играют географические особенности.

— Вот, полюбуйтесь, — говорит Аджан Сингх корреспондентам американского журнала «Нэчрл хистори», — при создании Даххвы был запланирован почти двадцатикилометровый «буферный» пояс вокруг джунглей, нейтральная полоса, чтобы разделить крестьян и хищников. И что же? Буферный пояс засаживают, и не чем-нибудь — сахарным тростником! В его зарослях два работника не видят друг друга в десяти шагах. А для тигриц эти непроглядные плантации стали излюбленным местом выведения детенышей. Ведь сами же крестьяне лезут в пасть зверю! Десять лет назад вокруг Даххвы была 21 деревня. Сейчас — восемьдесят. Чуть зазевайся — джунглям конец.

Долгие годы Аджан Сингх днем и ночью колесит по лесам, распугивает и ловит браконьеров, штрафует порубщиков, гоняет женщин, собирающих хворост. И не одному злостному браконьеру приходилось бежать в полицейский участок на длинной веревке, привязанной к «джипу» Сингха. Ученый живет в этих местах с 1946 года и был с округой в добрых отношениях, но с тех пор как обосновался в Тигрином Приюте, на южной окраине Даххвы, все пошло кувырком... И если в лес к тиграм Сингх сорок лет ходил с одной палкой, то в сумерки мимо деревни ездит с винтовкой.

— Народу кругом столько, — рассказывает Сингх, — что тигры потихоньку привыкают к двуногим прямоходящим. Теснота приводит к опасной фамильярности. Крестьянин считает, что не набережешься, тигр устает шарахаться от людей. Ведь нормальный зверь, даже если его застать

у свежей добычи, не бросается на человека. Сперва зарычит, потом прибавит децибелов, изготвится к ложному прыжку... и уйдет, поджав хвост! Но когда голод подопрет, тигр бросается на все, что движется: на слоненка, жабу, саранчу. А тут — рогатый скот в изобилии. Если же пастух повернется, отвечает и пастуха. В другой раз уже на пастуха охотится... Нападение тигра на человека искони выглядело недоразумением, трагической случайностью. Но не войдет ли оно в норму? Ведь никогда в истории хищники не жили так близко от огромных скоплений людей!

Про разбой тигров не раз помянуто в старинных индийских сказках. А первый официальный подсчет урона дал такие цифры: в 1822 году тигры растерзали пятьсот человек и двадцать тысяч волов. И это только в одном округе Бомбея! В начале нашего века людоеды уносили в год 850 человек — но уже во всех округах Индии, вместе взятых. Зато и тигров осталось тысяч сорок. Но тогда же печально знаменитая тигрица из Чампавата убила 436 человек, прежде чем ее настигла пуля полковника Джима Корбетта, легендарного охотника на гигантских полосатых кошек-людоедов.

Сейчас тигров в десять раз меньше, чем в начале века. Соответственно и жертв неизмеримо меньше — шестьсот человек за десять лет. И сухая статистика заступает за хищников. Да, нападают на людей, калечат и убивают. Но ведь змеиные укусы что ни год уносят на тот свет во сто раз больше индийцев! Больше того: машины в городах в семь раз опаснее, чем тигры в джунглях! Только как с такими объяснениями подступиться к родственникам очередной жертвы?

...В мартовское утро 1987 года деревня у самого края национального парка Корбетт (первого в Индии!) была взволнована жуткой новостью: тигр разорвал в клочья дочь кузнеца. Родственники погибшей и их соседи кинулись в лес. Разъяренная толпа не думала об опасности. Когда они увидели тигра-убийцу и остановились, было поздно — зверь оказался в середине толпы и ринулся на прорыв. На земле осталось окровавленное тело молодого крестьянина.

Вконец рассвирепевшая толпа — с двумя трупами на руках — устремилась к дому управляющего заповедником. Выбили стекла, искорежили казенные машины, требовали повсеместного уничтожения тигров. Едва не дошло до кровопролития.

Корбетт, в чью честь назван этот парк, место мартовской драмы, писал в начале нашего века: «Тигр-людоед — это зверь, выбитый из колеи обстоятельствами, вынужденный искать легкой добычи, грубо нарушать тигриньи привычки. Таким стрессом для него в девяти из десяти случаев становятся тяжелые увечья, неспособность охотиться с прежней резвостью. В десятом случае — причиной преклонный возраст и то же бессилие

на настоящей охоте». Во времена Корбетта рано было говорить о третьей, ныне главенствующей причине — удручающем сокращении джунглей и количества дичи. А заповедник создаст неведомые прежде проблемы. Хотя тигры бродяги и отменные ходоки, способные за ночь отмахать километров тридцать, но пределы своего участка джунглей они нарушают редко, ревниво оберегают свои владения от соперников. Тигрица терпит у себя дочерей, взрослый самец — нескольких самок, но не других самцов, даже если это повзрослевшие сыновья. Куда деваться молоди и одряхлевшим зверям? На край джунглей. Но и окраины со временем становятся чьими-то. Остаются специально задуманные буферные пояса — на этих открытых пространствах, поросших лишь невысокой травой, «изгой» заметны и крестьянам, и администрации заповедника, которая может их или ликвидировать, или отловить для зоопарка. Но сельское хозяйство съедает нейтральные зоны.

Такая драма происходит в заповеднике Читаван. До 1980 года в окрестностях не было ни одного инцидента с тиграми. А к концу прошлого года мартиролог тигриных жертв пополнился уже тринадцатым именем — и ко всем трагедиям «приложили лапу» именно изгой.

Иными словами, беда не от умножения тигров, а от сокращения джунглей. Доказательство — резерват Рантхамбор в относительно малонаселенном штате Раджастхан. Плотность тигриного населения здесь — самая высокая в стране. Но крестьяне на хищников не в обиде. Во-первых, климат сухой, непроходимых чащ и буйных зарослей нет. Во-вторых — и это главное, — вокруг Рантхамбора множество небольших лесков. Чуть перенаселение в заповеднике — молодые тигры мигрируют в соседнюю чащу. Управляющий заповедником борется за то, чтобы эти лески объявили достоянием заповедника. Тогда опасность конфликта с крестьянами будет устранена на долгие годы.

Совсем особенные проблемы в уже упоминавшемся Сандарбан-Форесте. На поросших лесом заболоченных островах и островках дельты Ганга люди не селятся. Дичи там в избытке. И все-таки местные тигры — их двести шестьдесят, самая большая в мире популяция, — завзятейшие в Индии людоеды. Вот что писал еще в 1666 году один путешественник-европеец об этих местах, мало изменившихся в следующие три века: «Здесьние жители плавают по протокам в лодках — ловят в реке рыбу, на островах дельты охотятся, запасаются хворостом, собирают дикий мед. Ночевать там смертельно опасно. Не только на суше, но и в лодке — может выпрыгнуть тигр. Хищники повадились добираться вплавь даже до лодок на длинной привязи, вдали от берега». Последним словом можно доверять: в отличие от большинства кошек тигры любят воду и отлично плавают. С XVII века нрав

сандарбанских разбойников не смягчился — похоже, каждый третий тигр не прочь отведать человеческого мяса.

Что за причина такой аномалии? Специалисты винят высокие приливы. Морская соленая вода проникает далеко вверх по течению реки, тигры пьют ее и... портят себе обмен веществ и характер — становятся злыми, возбуждаемыми. А возможно и другое: во время приливов вода в устье реки поднимается и смывает тигриные метки. Кошачий бедлам! Границы упраздняются дважды в день! Тигры поневоле забредают в чужие владения — драки, ранения, злоба!

Администрация заповедника пробует «лечить» хищников. В местах, недостижимых для соленой воды, вырыты прудики, чтобы тигры пили исключительно пресную воду. Всех местных жителей обязали во время плавания по дельте надевать на затылок белую глиняную маску. Благодаря маске человек постоянно как бы повернут лицом в сторону возможного нападения — тигр может таиться и на берегу, и на ветке, нависшей над водой. По округе расставлены манекены в ношеной крестьянской одежде. Тигр, который посягнет на такую фигуру, получит крепчайший удар током. Такой сюрприз не скоро забывается. Тигры поддались на обман, и манекены время от времени требуют замены. Смотреть на чучела после атаки жутковато.

Прудики, маски и «шоковая терапия» дали неплохой результат. Но что именно отпугнуло людоедов — загадка, ибо все методы применили одновременно: работники заповедника торопились отвести угрозу от людей...

Нападение тигра не всегда кончается самым печальным образом. Сотни людей отделались только испугом и шрамами. Возле Дадхвы живет своего рода мировой чемпион по выживанию — крестьянин Шив Шанкар, которого тигр «мял» дважды. В первый раз дело было в хижине, и тигра спугнула упавшая керосиновая лампа. Через пару дней людоед вернулся — и в последний момент испугался вопящих соседей Шанкара, которые с колыма спешили на помощь. На вопрос, почему ему так повезло, Шанкар, поглаживая широченный шрам через всю лысину, отвечает загадочно: «Потому что я всю жизнь пил много молока». По местному поверью, того, кто пьет много молока, сама судьба бережет.

В прежние времена опытные индийские охотники срывали по 10 тысяч долларов за то, что подводили зверя под выстрел богатому иностранцу. Некоторые из них и по сей день точат зуб на решение правительства. И норовят узаконить свои преступные проделки последних лет: получив приказ на выбраковку тигра-людоеда, такие ловкачи дают телеграммуграничному клиенту и ждут его иногда по многу дней. А зверь-убийца разгуливает близ крестьянских хижин.

— Набегами на поселки и на

скот, — поясняет Р. А. Сингх, руководитель общенациональной программы по спасению тигров, — грешат животные, обитающие на краю леса. А что, если изымать провинившегося зверя, усыплять и увозить от соблазна подальше — в глубину другого заповедника, куда забредают только ответные браконьеры? Пробовали. Все равно имеется в результате тигриный труп. Джунгли строго поделены между тиграми, новичок обязан убить одного из законных хозяев, иначе сам будет убит или, всего хуже, оттеснен опять-таки к краю леса, к жилью.

За убитого тигром быка крестьянин получает от государства по деревенским масштабам сумму немалую — две тысячи рупий (примерно сто пятьдесят долларов). Но только тогда, когда тигр нашкодил вне заповедника. В других случаях арифметика закона простая. За убитого на территории заповедника тигра взимается штраф в пять тысяч рупий. Кроме того, браконьер получает шесть месяцев тюремного заключения. Если же тигр убьет человека — пять тысяч рупий получает семья погибшего, а тигра отстреливают.

Но не унять штрафами ненависть к полосатым соседям. За последний год, например, в Дадхве и окрестностях погибли тринадцать тигров. Одному оторвало голову взрывом бомбы, заложеной в кусок мяса. Другого нашли мертвым в окружении ста пятидесяти дохлых стервятников: они отравились ядом, который проглотил хищник! Смерти остальных зверей тоже не похожи на естественные. Но поди найди виновных! И еще один штрих. Сингх однажды застал охранника, своего подручного, за неожиданным занятием: тот жжигал труп кем-то убитого тигра. Зачем, дескать, отвечать за недосмотр, если количество тигров неизвестно и проще замести следы чужого преступления.

— За два года мы теряем по площади целую Бельгию леса, — говорит Аджан Сингх. — Будут тигры — будет среда их обитания. Будут джунгли — скажут спасибо потомки. Но воевать с крестьянами — это не решение проблемы. Надо повернуть жизнь так, чтобы соседство с заповедником было им экономически выгодно. Чтобы они сами упрашивали власти, чтобы не превращали умирающие джунгли в заказники! Надо обеспечивать крестьян топливом, чтобы они не воровали его в лесу. Надо научить их строить дома не из лесных материалов. Надо давать кредиты тем, кто не вредит лесу. Надо силами заповедника снабжать фуражом крестьянский скот. Надо... А, всего не перечислить... Надо прежде всего покончить с сахарным тростником вокруг Дадхвы, а сам заповедник обнести проволокой под током.

Для всех этих «надо» нужно время, от этого и горечь в голосе Сингха. А пока... пока надо помнить добрый совет: «Не кланяйтесь при тигре!»

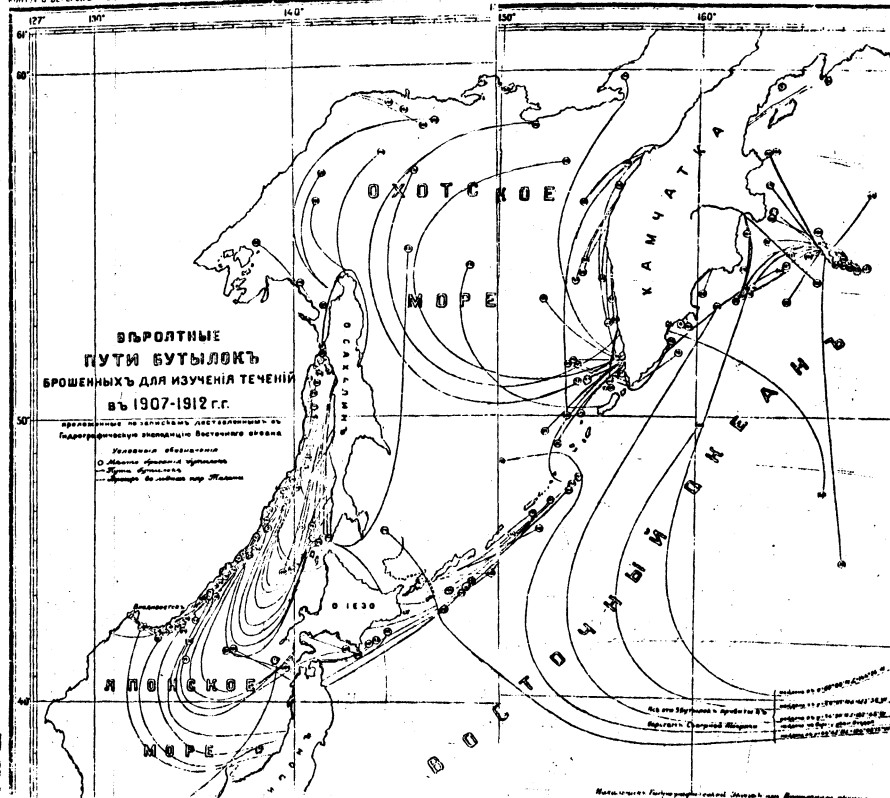
По материалам зарубежной печати

Забывтые истории бутылочной почты

письмо найденное

в дер. Инаситори, пров. Аомори

КОПИЯ БЕРЕГОВ И СВЯТА СНИТЫ СЪ АМЕРИКАНСКОЙ КАРТЫ № 2453

Работая с материалами Государственного океанографического института (ГОИНа), я столкнулся не с дневниками великих мореплавателей и капитанов, как вправде был ожидать, а с многочисленными документами, написанными сухим канцелярским слогом, пестрящими статистикой и специальными терминами. Моя мечта — самому найти уникальные исторические документы — таила с каждым днем.

И вдруг на стол легло объемное дело под интригующим названием: «Тихий океан. Записки из бутылок. 1910—1914 гг.». Сразу вспомнилась завязка романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» — три документа из бутылки, найденной лордом Гленарваном в желудке акулы... С некоторым трепетом открываю папку и вижу, что дело полностью состоит из записок в половину обычного листа. Просматривая их, я стал выписывать наименования кораблей, с бортов которых были брошены бутылки: крейсер «Командир Беринг», заградитель «Усури», миноносец «Властный», парусная шхуна «Нептун»...

Сдерживая нетерпение, разбираю записки. Оказалось, что дело охватывает более длительный период — с 1907 по 1920 год. Все бутылочные записки, как напечатанные типографским способом, так и написанные от руки, содержат просьбу отвечать по адресу: «Владивосток, Гидрографическая экспедиция Восточного океана».

Дело начинается рапортом от 4 января 1912 года в Главное гидрографическое управление начальника экспедиции М. Е. Жданко: «При сем представляю... 46 записок из бутылок, брошенных с транспорта «Охотск» и найденных на берегах Приморской и Камчатской областей. Генерал-майор Жданко». К слову сказать, в деле содержится шесть автографов генерала.

Пытаюсь разузнать о Жданко подробнее. Справочники сообщают, что Михаил Ефимович Жданко (1855—1921) — известный русский гидрограф, геодезист. В 1898 году подполковник корпуса флотских штурманов Жданко был назначен начальником Гидрографической экспедиции для точной описи наших берегов в Тихом океане. С 1913 года Жданко четыре года руководил Главным гидрографическим управлением в Петербурге. Его именем назван мыс в заливе Шуберта, на восточном берегу Южного острова Новой Земли, хребет на острове Сахалин.

Узнать дату и цели образования Гидрографической экспедиции удалось из сообщения самого Жданко, сделанного в музее Общества изуче-

ния Амурского края 8 марта 1903 года. Он говорил о расширении программы исследований в Тихом океане и углублении характера гидрографических работ, в связи с чем «15 декабря 1897 года последовало Высочайшее повеление о преобразовании отдельной съемки Восточного океана в Гидрографическую экспедицию Восточного океана».

Будучи начальником экспедиции, М. Е. Жданко предложил воспользоваться — как одним из методов исследований — бутылочной почтой. В книге «К вопросу об исследовании морских течений», изданной в 1913 году, Михаил Ефимович пишет: «Шесть лет тому назад, после войны, приступая вновь к работам на поприще гидрографии, которые во время военных действий были совершенно прекращены, я обратился ко всем морякам, плавающим в водах Дальнего Востока, с коротеньким воззванием, приглашая их приложить немного труда для изучения морских течений с помощью бросания бутылок с записками. Многие откликнулись; иные отказались». Была составлена карта плавания этих бутылок. На судах велся специальный гидрографический журнал, в котором отмечали место, где брошена бутылка, широту, долготу и порядковый номер. В сообщении, посвященном 14-летию деятельности Гидрографической экспедиции, Жданко отмечает, что «за последние 4 года всех бутылок было брошено около 10 000. Из них 219, т. е. 2 проц., най-

¹ Фамилию М. Е. Жданко читатель «Вокруг света» встречал в связи с рассказом об экспедиции Г. Брусилова: в этой экспедиции принимала участие его племянница — Ерминия Жданко.

дены и записки из них доставлены в экспедицию. Такой большой процент найденных бутылок совершенно неожиданный. Ведь берега Приморской и Камчатской областей населены весьма слабо...»

Бутылочная почта имеет давнюю историю. Видимо, этот способ определения направлений течений был подсказан людям самой природой. Ю. М. Шокальский, знаменитый океанограф, предполагает, что с научными целями впервые бутылочную почту применил в 1763 году француз Лагранже. Он жил на одном из Антильских островов, вел метеорологические наблюдения, а когда возвращался во Францию, бросал по пути за борт бутылки с записками.

В 1837 году Г. Берггауз составил первую карту путей плавания бутылок. В скором времени бутылочная почта получает широкое распространение. Вот, к примеру, лишь некоторые факты из многих, которые я разыскал в старых книгах по океанографии.

...Принц Монакский Альберт I во второй половине прошлого века изучает с помощью бутылочной почты Гольфстрим. Шотландское рыболовное управление исследует немецкое (Северное) море.

Гидрографическое управление Северо-Американских Соединенных Штатов составляет лоцманские карты на севере Атлантического океана, воссоздавая благодаря бутылочной почте картину течений. Капитан I ранга А. Н. Скаловский проверяет и подтверждает свою теорию «образования временных течений на Черном море под влиянием Босфора». На Каспийском море впервые бутылочную почту применяет А. А. Лебединцев. Регулярная работа с бутылочными записками Гидрографической экспедиции Восточного (Тихого) океана подтверждает существование течения вдоль западного берега Камчатки с севера на юг и кругооборот вод Охотского и Японского морей против часовой стрелки, что находит отражение в отчетах Главного гидрографического управления за эти годы.

Как же готовили бутылки к дальнему плаванию? В 1852 году гидрографический департамент морского министерства России опубликовал перевод инструкции контр-адмирала Фредрика Виллиама Бичи. Бичи так описывает порядок «оформления» бутылки: «Запечатанные бутылки должны вмещать небольшое количество сухого песка, утвержденного на дне их влитым воском или смолою, для той цели, чтобы они стояли в воде прямо и не слишком бы легко плавали». Тех же правил придерживался А. Н. Скаловский. Уравновешенные песком бутылки с записками он несколько раз окунал горлышком в расплавленную смолу, а потом привязывал флажок — кусочек белой материи. С. И. Араповский, изучавший течения Каспийско-

го моря в советское время, точно так же готовил бутылки к плаванию, только заливал дно раствором цемента. Вложив перевязанную открытку, бутылку закупоривал, трижды просмаливая.

Ю. М. Шокальский в книге «Океанография», изданной в 1917 году, рассказывает: «Иногда с той же целью употребляют две бутылки, связанные короткою проволокой, нижняя загружается настолько, чтобы верхняя поднималась над водою только горлышком. Такая пара бутылок уже совершенно не подвержена влиянию ветра, а движется со слоем поверхностного течения. Верхняя бутылка несет в себе записку...»

Дело «Тихий океан. Записки из бутылки. 1910—1914 гг.» содержит более 520 хорошо сохранившихся записок. Читая их, я словно слышу голоса охотников, рыбаков, священников, учителей — людей, которые невольно соприкоснулись с тайной бутылочной почты. И откликнулись. Каждый по-своему. «Бутылка сия найдена не доходя реки Косогацкой в верстах 5-и от селения Явина. Найдена 25-го октября 1908 года. Ходил на охоту, нашел казак Уссурийский Инакентий Меновщиков, проживающий на реке устье Озерной...» Смотритель Николаевского маяка А. Майданов, отвечая на записку с крейсера «Командир Беринг», пишет: «8 октября 1909 года в 10 часов утра, в Бухте «фальшивая» около Императорской Гавани (ныне Советская.— С. Д.), мной была поймана плавущая бутылка, с этой запиской за № 286». Особые подробности содержатся в сообщении Михаила Басиева от ноября 1916 года: «Я проживаю на Ос. Сахалине Рыбновской волости сел. Северо-Астрахановское. На этом месте есть еще несколько таких же (записок.— С. Д.), но кто-то из русских наболтал глупкам, что за эти записки дают награды, за каждый листок 25 руб., и когда я их просил для отправки листов во Владивосток, то они от меня потребовали половины т. е. 12 р. 50 к., что и Вам сообщаю».

Интерес представляет записка от 22 сентября 1909 года, на обратной стороне которой рукой М. Е. Жданко сделана приписка, что найдена она 17 ноября 1909 года на острове Хоккайдо. Вообще писем из Японии, привлекающих внимание пестротой иероглифов, очень много. С просьбой об установлении контактов обратилась к М. Е. Жданко рыболовная экспериментальная станция с острова Хоккайдо: «Сэр, посылаем Вам записку, вложенную в бутылку, брошенную за борт с вашего крейсера «Аскольд». Бутылка была найдена на взморье — деревни Хамамасу, Айслейкари, Хоккайдо... Мы также выполняем гидрографические наблюдения и много тысяч бутылок с открытками ежегодно бросаем за борт с нашего парового дрейфтера «Фанкай».

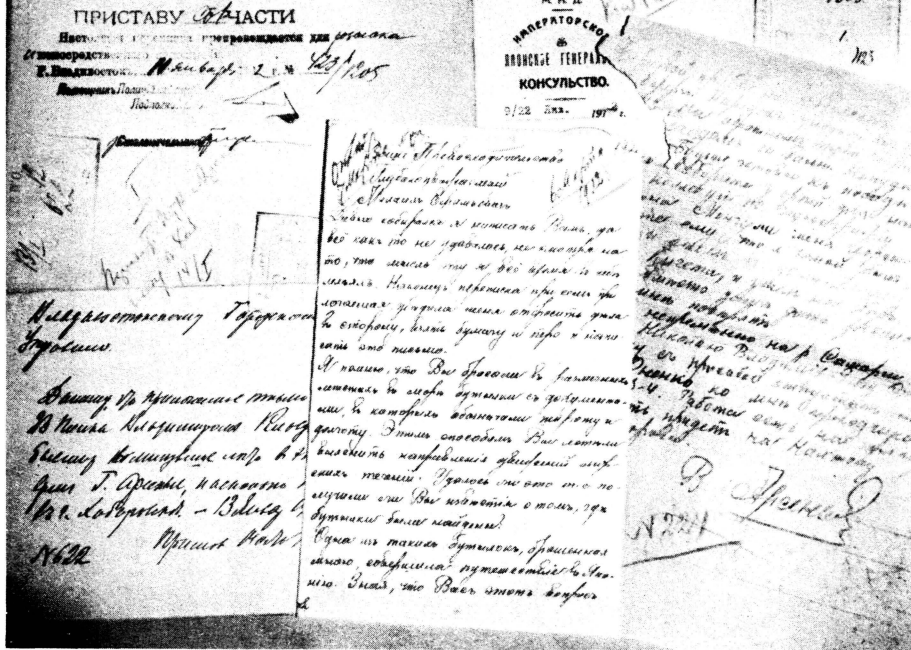
В деле сохранилась и бутылочная записка Гидрографического управления Северо-Американских Соединенных Штатов, брошенная с борта судна «Императрица Японии» 24 марта 1908 года. Записка, размером сто на двести миллиметров с печатью Военно-Морского министерства САСШ, напечатана на плотной бумаге типографским способом и содержит просьбу: «Обнаружившего это просить послать в любое консульство Соединенных Штатов или отправить по адресу: Гидрографическое управление, Военно-Морское министерство, Вашингтон». Текст на разных языках. На обратной стороне указано — «найдена 8 июня 1909 г. на о-ве Старичкова».

Сенсацию в свое время вызвала записка с «Охотска», найденная в Соединенных Штатах. В газете «Astoria Daily budget» за 16 июня 1910 года была опубликована заметка «Интересные новости. Информация с русского обзорного корабля о направлении течений». В ней сообщалось, что «Русское гидрографическое общество, основанное во Владивостоке, старается получать информацию испытанным методом — герметически запечатанной запиской в бутылке, брошенной в течение... Информация, запечатанная в бутылке, была найдена около Сансет-пляжа, 6 миль к югу в устье реки Колумбия». Координаты: 46°51' северной широты; 123°56' западной долготы. Далее описывалось, как носило бутылку по океану более 10 000 миль, пока ее не нашла Эдна Л. Паттерсон из города Афины, штат Теннесси, одышавшая на Сансет-пляже с друзьями. Дальше письмо попало в редакцию газеты. Вырезку статьи из газеты, бутылочную записку и письмо от Нани Велч на имя начальника Гидрографической экспедиции время сохранило до наших дней в деле Океанографического института.

Но, пожалуй, самой неожиданной и интересной находкой среди архивных материалов стали документы Владимира Клавдиевича Арсеньева, русского путешественника, ученого и писателя. Связаны они с экспедицией 1911 года, предпринятой по распоряжению приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти для борьбы с хунхузами и браконьерами.

Небольшое, всего на несколько листах, дело начинается письмом японского генерального консула во Владивостоке Отори полицмейстеру этого города. Он пишет: «Имею честь при сем препроводить письмо Русского мореходца, найденное в бутылке на берегу деревни Хигаситори, провинции Аомори на Ваше распоряжение».

Далее идут два главных документа — бутылочная записка и письмо В. К. Арсеньева к М. Е. Жданко. Край бутылочной записки оборван, но текст, написанный четким, изящным почерком Арсеньева, читается хорошо:

ка сплавала в Японию и там была найдена около деревни Хигаситори. Таким образом путь ее известен. Представляю переписку как документы в Ваше полное распоряжение.

Пользуюсь случаем и сообщу Вам несколько слов о себе. Я из полка ушел, был в Переселенческом Управлении, а теперь состою чиновником особых поручений VI класса при Приамурском Генерал-Губернаторе с окладом в 4800 руб. в год. Государь Император 26 марта 1911 г. приказали в изъятие из закона за прежнюю заслугу при переходе моем с военной на гражданскую службу сохранить мне военное чиновничество. В Петербурге я представился Государю и получил Царский подарок. В настоящее время Генерал-Губернатор Гондатти окладывает мне очень широкое содействие и дает полную свободу работать научно.

В Апреле я опять ухожу в экспедицию. Все время при содействии ученых обрабатываю свои материалы литературно; думаю кончить в 1913 году.

Прошу передать мой низкий поклон Вере Александровне. С искренним и глубоким уважением

В. АРСЕНЬЕВ

Ранее эти документы — бутылочная записка и письмо — не были известны. По мнению А. И. Тарасовой, автора монографии о деятельности В. К. Арсеньева, они представляют большой интерес.

Как уже говорилось, дело ГОИНа кончается 1920 годом. Но бутылочная почта и в последующие годы продолжала верно служить науке. Например, в Северном Ледовитом океане. Однако из-за своей «стеклянной ненадежности» это средство связи несколько трансформировалось. «Бутылку труднее найти, чем деревянный буй, имеющий гораздо большие размеры и закругленную яйцевидную форму. Такой обрубок дерева невольно бросается в глаза человеку, и он, обнаружив необыкновенную находку, осматривает ее, в результате чего извлекает из высверленного в буге гнезда, заткнутого пробкой, стеклянную пробирку с запаянной в ней почтовой открыткой», — отмечает известный полярный исследователь Я. Я. Гаккель в книге «За четверть века». Он же свидетельствует, что всего советскими экспедициями, преимущественно Арктического института, с 1927 по 1943 год было выброшено для изучения течений около 1200 бугей и 700 бутылок. И многие из них поступили в Арктический институт с Новой Земли и других островов советской Арктики, а также из Норвегии, Исландии, Гренландии и с Фарерских островов.

Береговой прибор не позволяет высидеться [на] бере[г]. Пароход уходит в Императорскую [Гавань]. На обратном пути в Пятницу или в [] зайдем за вами. Никуда не отлучайтесь. Будьте готовы к посадке. Если [мо]жно соберите у орочей для нашей экспедиции коллекции по этнографии. [С]таршина Монгули меня хорошо знает. [Н]апомните ему, что я зимой был на Са[м]арги и стоял в доме Дендибу около [] Кичета, и ушел на Хор. Можно вместо денег дать расписки — орочи мне поверят. Пошлите непременно на р. Самарги одного ороча к Николаю Владимировичу Степанову записку с просьбой отпустить молодого [г]ольда Оненко ко мне переводчиком [] на 3—4. Работа есть на три года [О]ненко пусть приедет на Нахтоху. [Б]удьте здоровы.

Документы из архивного дела «Тихий океан. Записки из бутылок 1910—1914 гг.»

[] 1911. В. АРСЕНЬЕВ

Эта записка адресована членам экспедиции. В письме к М. Е. Жданко В. К. Арсеньев возвращается к этой бутылочной записке:

Ваше Превосходительство!
Глубокоуважаемый
Михаил Ефимьевич

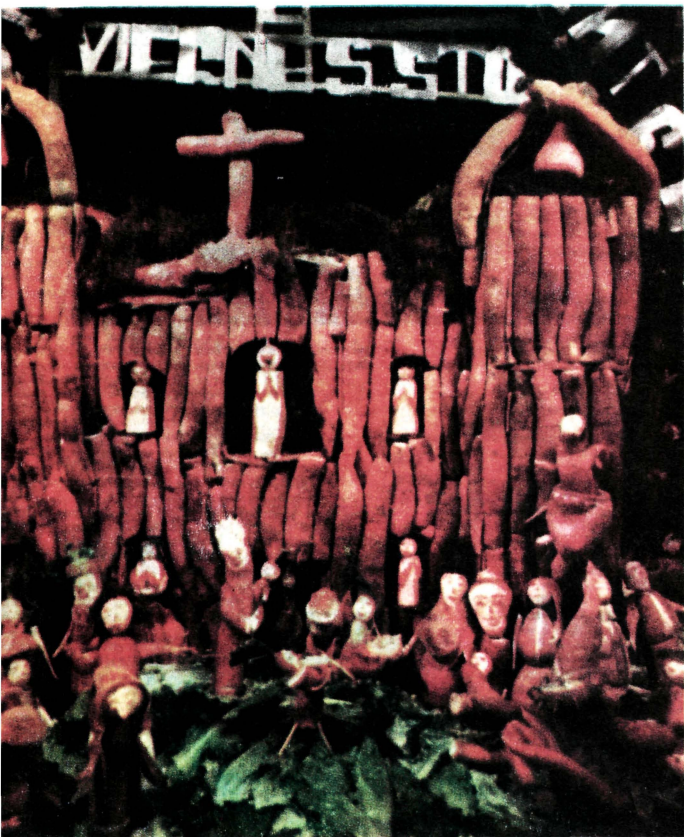
Давно собирался я написать Вам, да все как-то не удавалось, несмотря на то, что мысль эту я все время в себе лелеял. Наконец, переписка при сем прилагаемая, убедила меня отбросить дела в сторону, взять бумагу и перо и написать это письмо. Я помню, что Вы бросали в различных местах в море бутылки с документами, в которых обозначали широту и долготу. Этим способом Вы хотели выяснять направления движений морских течений. Удалось ли это, т. е. получили ли Вы известия о том, где бутылки были найдены? Одна из таких бутылок, брошенная мною, совершила путешествие в Японию. Зная, что Вас этот вопрос может заинтересовать, я решил сообщить Вам подробности. Дело в том, что 9 Июля 1911 года я поехал на па-

роходе «Георгий» в надежде высидеться около мыса «Гиляк» при устье р. Нахтоху. Там были члены моей экспедиции: Г-н Десулави (ботаник) и агроном Г. Бутлеров. Сильное волнение в море и резкий ветер со стороны S не позволили мне этого сделать. Так как ветер дул к берегу и волнение шло в том же направлении, я решил написать записку, закупорить ее в бутылку и бросить в море. Так мы и поступили, а затем ушли в Императорскую Гавань и только 14 Июля на обратном пути командир парохода Георгий высадил меня на р. Нахтоху к моим товарищам. Бутылку к берегу не прибило и я забыл об ней. От р. Нахтоху я походным порядком пошел к югу и дошел до р. Тютихэ, два раза вновь побывал на Сихотэ Алине, в верховьях Бикина и Имана. Дня три тому назад я получил переписку через Японского Консула и Военного Губернатора. Оказалось, что моя бутыл-

Номидор, картофель, табак, кукуруза — не шесть зеленых переселенцев из Нового Света в Старый. Немало и растений-путешественников с «обратным билетом». Занятная история получилась с европейской редиской. Той самой, что украшает бело-розовыми ломтиками весенний и летний салаты, той самой, которой отдают должное народы разных стран за свежий и острый вкус.

Обширное плато Оахака на юго-востоке Мексики населяли индейцы-сапотекы. Плато стало личной собственностью самого маркиза дель Валье де Оахака — Эрнана Кортеса, победившего в кровавой войне вождя Монтесуму. Оно-то и стало опытным полем для редиски. Щепень, комья земли, неглубокие лунки и едва различимые борозды — так выглядели обработанные по-индейски угodyа огородников Оахаки.

Редис проявил в новых условиях свою жизнестойкость. Крошечные семена, провалившись меж камнями или комьями почвы, жадно искали влагу и жизненное пространство и приобретали удивительное обличье. Надо сказать, что коренные жители видели в занятных изделиях природы определенный смысл: земля, мол, просто так причудами заниматься не будет. Крестьяне принялись отбирать наиболее занятные корнеплоды и делать их рекламой своего умения. У кого редиска почуднее, тот и победитель на шутовском состязании, которое устраивалось по пятницам на базарах в городке Оахаке. Скупщики да-

Ночи редисок

вали за особо занятые корнеплоды повышенную цену.

В 1889 году редиска впервые была удостоена особой чести: самые забавные из корнеплодов отобрали из обильного урожая, украсили цветами, мохом, хвойными и лавровыми ветками и выставили под рождество в патио губернаторского дома. Этот год и считают годом рождения праздника «Ночес де Рабанос» — «Ночей Редисок».

К тому времени огороды и сады, вытесненные домами, оставили о себе память лишь в названиях улиц — Лимонная, Апельсиновая, Маслиновая, Лавровая, Цветочная... Воды речки Атояк оскудели, леса были сведены.

Трудолюбивые огородники возделали почвы в округе до такого состояния, что корнеплоды стали получаться ровные, один к одному — ешь да радуйся. Но из ровненькой одинаковой редиски исчез дух игры, развлечения, юмора. А это ни огородников, ни зеленщиков, ни покупателей не устраивало. И земледельцы вернулись к прежней забаве. Снова пошли в дело комья земли, щебень. Но теперь все зависело от умения земледельца предвидеть облик будущего корнеплода.

Долгие годы на конкурс в Ночь Редисок допускались лишь созданные самой природой экспонаты. Теперь же корнеплоды стали подрезать, подкабливать, соединять, делать аппликации из кожуры. Ценителей натуральной красоты это, конечно, поначалу шокировало. Но и огородников, и зеленщиков понять можно: кушать-то надо. За пять веков новой жизни редиски в Новом Свете население прочно включило ее в меню, и любимое, доступное всем блюдо «гаспачо», салат из овощей, зелени и рыбы, без нее не обходится. Да и по сочности, насыщенности йодом ничего равного редису в горных районах не найти. Лекарки тоже на редис надеются: малокалориен, но при респираторных заболеваниях полезен.

Прошлой зимой под Новый год на хитроумно подсвеченных стендах выстроились перед домом губернатора скульптурные композиции. Библейские сюжеты — ад, потоп, рождество, — решенные в оригинальном, прямо скажем, материале, неудержимо насыщены крестьянским юмором. Не уступают им по оригинальности и затейливости исполнения и мифологические индейские композиции.

Некоторые семьи воспитали не одно поколение скульпторов, и, пусть даже если за скульптуру придется отдать недельный заработок, настоящие ценители не упустят возможность приобрести ценный экспонат. Он, правда, недолговечен: как ни спрыскивай водой, ни береги от света и сквозняка — жить ему не более недели. Но еще целый год, до следующих Ночес де Рабанос — будут судачить горожане о решениях жюри, искать новые сюжеты, придумывать композиции, заключать пари и назначать призы.

По материалам зарубежной печати

I

Вечерняя планерка заканчивалась. Скоро должен был начаться главковский селектор, а начальник строительно-монтажного управления Строков сидел как на иголках. Виною тому было неожиданное появление в его кабинете опоясанного портупеей коренастого черноусого человека.

— Капитан Баранов, новый заместитель начальника районного управления внутренних дел. Не возражаете, если поприсутствую? — сказав это, он сел в угол и безмятежно уставился блестящими глазами на древний плакат по технике безопасности.

— Заканчиваем... Что там у нас осталось? — еще до селектора Строков хотел узнать причину появления милиции в своем кабинете.

— Мы так и не решили, как заполучить у соседей два трубоукладчика. Поймите, Андрей Николаевич, без них нам просто не обойтись: последние денечки остались... — Левченко, главный инженер управления, бросил косою взгляд на Баранова, который занялся так некстати.

— Это — ваши проблемы. Все, все, товарищи. — Строков вытащил из пачки сигарету и пытался поймать взгляд капитана: мол, какой разговор — конфиденциальный или нет, но Баранов по-прежнему внимательно изучал плакат.

— Нет, не все! — сказал вдруг молчавший всю планерку заместитель по снабжению Пузырев.

— Анчоусы, что ли, в столовую привезли? — начальник изолировочной колонны толкнул локтем соседа и подмигнул всем сразу. — Люди нужны на разгрузку?

— Ты хоть знаешь, что такое анчоусы? — Пузырев расправил усы. — К поварихам прошлым вечером опять кто-то заглядывал в окошко.

О том, что к поварихам временами заглядывают в окошко, Пузырев говорил уже не раз. Но мало ли шутников среди молодых неженатых водителей трубоукладчиков? И потому новое сообщение было встречено сдержанным смехом.

— Кто-то не только заглядывал, но и стучался в окошко, — Пузырев постарался придать своему голосу тревожное звучание.

Тут капитан Баранов впервые отвел взгляд от плаката, уставился на Пузырева и заинтересованно стал вглядываться в его лицо.

— Поварихи на этот раз смогли рассмотреть его в свете луны, — заметив негласную поддержку капитана, заместитель начальника почувствовал себя бодрее. — Блондин, голубоглазый, лицо такое заостренное. И он был, был... голый он был. По пояс, во всяком случае. Понимаете?

Строков сломал сигарету, а начальник изолировочной колонны, грохоча басом, так затопал ногами, что казался, проломит ножищами пол кабинета.

Однако капитан даже не улыбнулся. Он расстегнул полевую сумку, вынул из нее пакет, из пакета — два листа бумаги, несколько фотографий и углубился в их изучение.

— Михаил Аркадьевич! — Левченко отсмеялся первым. — На дворе — до двадцати пяти мороза...

Пузырев обиделся.

— Как знаете! — сказал он, ни на кого не глядя. — Как знаете! Мое дело — поставить в известность. На прошлой неделе со склада утащили две упаковки изоляции, каждая по двадцать кило, и бросили на лежневке. Третьего дня здоровенный кусок трубы укатали почти до сопок. А кто на сварочном стенде с подстанции колеса сорвал? И где теперь они, эти колеса?

Пока перечислялись все происшедшие за последнее время непонятные события, капитан с невозмутимым видом что-то записывал в аккуратную записную книжечку.

— Какая связь, Михаил Аркадьевич, между колесами, куском трубы и поварихами? — спросил Строков после короткого раздумья. — Валишь все в одну кучу!..

— В городке что-то происходит, — угрюмо мотнул головой Пузырев. — И что-то нехорошее! Вот и мой Трезор пропал...

— Да волки... — неуверенно протянул кто-то.

— Нет здесь волков! Повебили с вертолетов, а оставшиеся очоурились с голоду лет десять назад. Позавчера, когда я в трест ехал, через дорогу оленей перегоняли. Вышел я поразмяться, с погонщиком поговорить. Он человека в тундре видел...

— Голого, что ли? — спросил с ехидцей начальник изолировочной колонны, но теперь никто даже не улыбнулся.

— Просто сказал: видел в тундре человека. Человек этот бежал быстрее «Бурана»... Я понимаю, чушь какая-то, но...

Рация пискнула, и все, кроме главного инженера, поднялись.

— Извините, товарищ капитан, — обратился Строков к Баранову, — но сейчас у нас селектор.

— Ничего-ничего, — капитан улыбнулся, показав белые зубы. — Я пока подышу воздухом. Через полчаса освободитесь?

Строков почесал затылок, вздохнул:

— Надеюсь...

Капитан удовлетворенно кивнул и вышел на крыльцо конторы управления вслед за Пузыревым. Ярко светила луна, в городке светились окна, от вагончика-клуба доносился голос хоккейного комментатора. Пузырев откашлялся, нахлобучил шапку и неторопливо застегнул «молнию» подбитой мехом куртки.

— Что-нибудь произошло, капитан? — спросил он. — С водителями?

— С водителями вашими все в порядке, Михаил Аркадьевич, — в руках Баранова вдруг откуда-то оказалась фотография. — Тут только это... Вот, взгляните... — Баранов взял Пузырева под локоть и собрался было уже подвести к фонарю, как раздался тяжелый грохот и со стороны сварочного стенда послышались истошные крики.

Распахнулась дверь конторы, и Строков вместе с Левченко выскочили на крыльцо.

— Что случилось? — рявкнул Строков.

— Вероятно, «пирамида» поехала, — удивляясь собственному спокойствию, предположил Пузырев.

— Это невозможно! — возразил главный инженер, как вдруг донесся отчетливый вопль: «Задавило, задавило!» — и все четверо бросились на голос кричавшего.

Многотонные трубы, сложенные наподобие бревен в огромную пирамиду, ни с того ни с сего вдруг действительно раскатились в разные стороны, смяв по пути бытовку сварщиков и пошибав столбы.

— Задавило кого? — перекрывая общий гам, прокричал Строков.

— Там, вон там лежит, — бригадир сварщиков указал на откатившиеся дальше других четыре трубы.

Строков собрался уже было бежать туда, как капитан Баранов остановил его.

— Позвольте мне! — сказал он тоном, не терпящим возражения.

Подойдя к трубам, он увидел, что из-под ближайшей из них торчит рука. И что-то в ней сразу не понравилось капитану.

II

Шофер никак не мог поверить тому, что говорил ему Максим.

— Автостопом? Из Москвы? Быть не может! — восхищенно крутил он круглой головой. — Шутить, да? Смешься, да?

И Максим терпеливо, с теми же самыми подробностями, вновь принялся описывать шоферу наш путь из Москвы до последней остановки — маленького поселка, где в чайхане на окраине мы и познакомимся с этим недоверчивым шофером.

— А зачем? Зачем поехали? — все выпрашивал он.

— Зачем? — переспросил Максим. — В горы...

— За мумиё? — догадался шофер.

— Ну, почему — за мумиё! Просто в горы... — Максим даже не улыбнулся.

Шофер недоверчиво покачал головой.

После перевала, у реки, Максим вслух прочитал табличку: «Кзыл-Суу» — и повернулся к шоферу:

— Нам здесь.

Шофер тормознул, машина остановилась, и мы быстро выгрузились.

— Ну, давайте, — крикнул шофер. — Только осторожней. Стемнеет скоро! — он захлопнул дверцу.

Мы двинулись вдоль реки, которая, отчаянно сопротивляясь, втягивалась в ущелье. Скалы в этом ущелье с одной стороны были нежно-песочного цвета, а с другой — почти фиолетового. Такие же фиолетовые скалы словно напоздали на нежную зелень долины, где яркими пятнами выделялись скопления тюльпанов.

— Максим! — крикнул я. — Ты посмотри — как здесь здорово!

Максим не ответил. Я обернулся и не увидел своего друга. Пройдя по тропинке немного назад, наткнулся на него за ближайшим поворотом. Максим стоял, прислонившись к валуну.

— Ты что? — спросил я, подойдя к нему и положив руку на его плечо. — Плохо себя чувствуешь?

— Нет... Вспомнил тут... вдруг...

Максим явно что-то скрывал от меня, однако я ничем не показал, что почувствовал фальшь в его словах.

— Пойдем дальше? — я поправил лямки своего рюкзака.

Наконец мы дошли до удобной котловины, поставили палатку, вскипятили чай и сварили кашу. Свою кашу Максим не доел, а примерно половину оставил в котелке.

— Больше не будешь? — удивился я.

— Я... потом, — в голосе Максима прозвучали какие-то несвойственные ему неопределенные нотки.

— Потом? — переспросил я. — Потом она в камень превратится...

— Ничего, — он почему-то отвернулся от меня и поглядел в ту сторону, откуда мы пришли.

Поведение Максима показалось мне странным.

Тут он словно очнулся от воспоминаний, достал свою неизменную свирель и спросил:

— Ты готов?

— Да.

— Тогда начнем?

Устроившись поудобнее на плоском камне, я взял тамбурин и колокольчики, и мы немного поиграли вместе.

Когда Максим отнял от рта свирель, он вдруг запел:

— Да-чжи-та бу лой-ни мань-ну-ла-ти духу оду-ху-ду-ху...

Тут я удивился. Мы должны были исполнять «Силу, которую трудно победить», Дхарни¹ третьей ступени, а Максим почему-то запел Дхарни первой — «Опору на силу добродетели», но все же стал ему подпевать.

Горы, нависшие над нами, словно вдруг расступились, и я начал ощущать, что скоро весь мир запоет с нами. Мы запели Дхарни еще раз, и тут к звону колокольчиков примешался какой-то посторонний звук.

Не знаю, что со мной произошло, но я замолчал и прислушался. В палатке кто-то отчетливо звякал котелком. Максим тоже замолчал и сидел теперь с неподвижно остановившимся взглядом, губы его были сжаты, а пальцы, державшие свирель, так побелели, что казались прозрачными.

— Не оборачивайся! — вдруг резко бросил он.

III

Началось все с того, что компания «Хортер энд Лоун» предложила Тони место складского рабочего. Место это, по мнению всех его друзей, было окончательным падением, но Тони все же надел рабочий комбинезон. С неделю он принаравливался к новым ритмам жизни, но тут — это случилось во вторник — заведующий складом вышел из своей стеклянной будки и крикнул: «Эй, Стюарт! Нет, не Барри, а новенький!» При этом он выглядел весьма

¹ Д х а р н и (санскр.) — набор слогов или слов, составляющих формулы культовой практики некоторых школ буддизма, которым приписывается сверхъестественная сила при многократном безошибочном повторении. (Поют по-китайски).

похожим на глубоководную рыбу, которую вытаскивали на поверхность. И менее чем через час Тони уже сидел в кабинете председателя совета директоров, самого Клейтона Т. Риггса.

— Мы внимательно ознакомились с вашим личным делом, мистер Стюарт,— начал Риггс с лучезарной улыбкой,— и поняли, что наша кадровая служба еще весьма далека от совершенства. Вы, как и все вновь принимаемые работники, прошли проверку. Однако наши кадровики не обратили внимания на то, что вы можете принести значительную пользу, много бóльшую, нежели простой складской рабочий. Вы ведь учились в Институте кино при Колумбийском университете, и ваш дипломный фильм был премирован. Вы, правда, недолго и всего лишь в качестве ассистента работали в рекламном бюро Эйлза. Мы просмотрели ваш фильм, поговорили с Эйлзом и решили предложить вам...— Риггс протянул Тони несколько листов бумаги.— Думаю, вам не придется сожалеть...

...Он собирался было сделать еще круг по лужайке перед домом, но передумал: Риггс — хозяин огромного ранчо, пригласивший его на этот прием,— вновь поймает его за плечо, будет подводить к гостям и говорить: «Вот тот парень, который сделает для нас такой фильм, что заставит вздрогнуть самого Эйлза».

Вбив кулаки в карманы пиджака, Тони плечом толкнул дверь, прошел дом насквозь и оказался на задней веранде. Здесь его внимание привлекла укрепленная на мольберте картина, и, подойдя, он остановился возле нее.

— Это подлинник, между прочим! Когда-то он был в Италии! — раздался голос из кресла с высокой спинкой, что стояло слева от мольберта.— Дышите осторожно: каждый квадратный дюйм сего творения стоит пятьдесят шесть тысяч двести сорок три доллара семнадцать центов! — Тони увидел девушку в вечернем платье. Перед ее креслом, на столике, стояла бутылка сухого мартини и маленькая рюмка.

— Вы, стало быть, и есть тот самый Стюарт,— девушка наполнила рюмку.— Очень приятно... А я — наследница всего этого... Вот видите — сторожу...— девушка хмыкнула и подошла к Тони.— Меня зовут Дебора. Но, пожалуйста, только не называйте меня Деби.

— О'кэй, мисс Дебора.

— Хотите, покажу вам главное сокровище моего папочки?

Они подошли к стене, на которой висела картина с какими-то страшно знакомыми Тони фигурками.

— Не узнаете? — спросила Дебора.

— Все это напоминает мне рисунки из Наски.

— Напоминает? Это и есть пустыня Наска с высоты птичьего полета. Вот только загадка, кто же сделал это за много веков до того, как на благословенной земле Америки появились первые европейцы. Для чего это сделано? И для кого? Впрочем, чего это я? Хотите посмотреть коллекцию восточных редкостей? Как вы относитесь, например, к мумиям?

— Прекрасно, мисс Дебора, я их очень люблю.— Тони невольно улыбнулся.

— А вы, в свою очередь, покажете мне то, что наснимали под руководством председателя совета директоров. Идет?

— Если вас это интересует... Кассета в машине.

— Отлично. Я буду ждать вас на втором этаже, в холле.— Дебора двинулась по лестнице.

«Боже! — подумал Тони.— Теперь в меня впишут и дочка!»

Когда он открыл машину и просунул голову внутрь, рядом заскрипел гравий.

— Вам чем-нибудь помочь, сэр? — услышал Тони громкий голос и, распрямившись, увидел плечистого человека в расстегнутом пиджаке. «Ты смотри,— подумал Тони,— у Риггса здесь целая служба безопасности».

— Где вы ходили столько времени? — полюбопытствовала Дебора, когда Тони принес кассету.— Вас не было целую вечность.

— Простите, но я не сразу разыскал свою машину. Ее почему-то отогнали на самый край стоянки.

— Папочкины ребята дело знают туго,— грустно улыбнулась Дебора,— но не сердитесь на них. Предосторож-

ности. Кое-кто уже пытался преуменьшить папину коллекцию на пару-тройку экспонатов. Так что подозревают всех. Вас, меня... А главное — опять кто-то ухитрился проникнуть на ранчо, и его не засекли папины стрелки. Правда, фотоавтомат сработал, и мы теперь знаем, как он выглядит. Шикарный мужчина! Ладно, хватит об этом. Давайте лучше посмотрим ваши красоты...

Материал оказался даже лучше, чем ожидал Тони. Особенно хороши были кадры, снятые с вертолета, летящего по узкому и извилистому ущелью, поросшему густым лесом.

— Ой, что это? — воскликнула Дебора.

— Камень, должно быть...

— Какой там камень! Это человек! Прокрутите еще раз!

Тони отмотал пленку, нажимая и отпуская на дистанционном пульте кнопку паузы, стал внимательно вглядываться в экран и наконец увидел...

— Тот самый, с фотоавтомата...— прошептала Дебора.

IV

Гриновский сошел на платформу, вытряхнул из пачки мятую папироску и закурил. В этот поздний октябрьский вечер вместе с ним сошло немного людей — теперь они поднимались на мост. Он же — по старой памяти — подождал, когда электричка тронется с места, а как только мимо него проскочил последний вагон, спрыгнул с платформы, перешел через пути и пошел вдоль полотна. Знакомая ему тропинка начиналась от переезда и кратчайшим путем, через орешник и низкорослые посадки, выводила к цели: к бывшей его даче, проданной в самом начале лета.

...Если бы он не ершился, не отстаивал свою тему, а защищался бы, как и все остальные аспиранты профессора Тимофеева, по заданной теме, не было бы необходимости влезать в долги. И был бы он сейчас наверняка в штате института, и занимался бы спокойно своими «табличками» на досуге. Так нет — попер против всех, доказывая с пеной у рта, что «таблички» — не мистификация. Вот и получил то, что заслуживал: три года прошли, диссертации нет, а потому — иди на все четыре стороны. Тут еще вопрос с квартирой, рождение второго ребенка, болезнь жены... Он так торопился с продажей дачи, что даже не успел вывезти все книги, а кладовку не трогал вообще. И договорился, что заберет книги и вещи из кладовки в удобное для себя время.

Но после того как Витюша растолковал ему смысл всей «простыни» — машинной расшифровки «табличек», Гриновский сразу примчался сюда. Если эта огромная Витюшина машина не ошиблась, то по сравнению с его, Гриновского, открытием Шлиман со всей своей Троей — никто, нуль без палочки...

Подметая сегодня утром на своем дворничком участке, он услышал хлопок дверцы машины и увидел Витюшу, издав уже что-то возбужденно кричащего. Сначала ему пришло в голову, что его «таблички» зациклили Витюшину машину и теперь тот будет зол на него до конца своих дней. Ан, нет! Витюша прямо-таки налетел на него,

выбил из рук метлу и заорал, вкладывая в крик всю свою душу: «Знаешь, что ты мне подсунил? Знаешь? Это — программа, то есть часть программы для ЭВМ!» Нет, явных признаков сумасшествия у Витюши не было заметно, покраснел только, но тем не менее пришлось осторожно спросить: «Витюш, а какое сегодня число?» — «Болван! — наконец-то разрядился Витюша. — Об этом меня уже сегодня спрашивали! Это — часть, говорят тебе, часть программы. В этом нет никаких сомнений. Что-нибудь еще относящееся к «табличкам» сохранилось?» — «Сохранилось, — отступая на шаг, сказал он. — На даче, в кладовке. Целый ларь... Постой-постой, какая программа?»

... «Таблички», как и все остальное, что лежало в кладовке, отец Гриновского привез из своей первой, оказавшейся и последней, экспедиции в труднодоступный район Каракумов. Здесь, судя по персидским источникам V века до нашей эры, находились развалины крепости древнего народа, чье имя не помнили даже персы.

Отец нашел крепость, начал раскопки. Он потом рассказывал сыну и, судя по всему, вполне серьезно, что аксакалы отговаривали его от раскопок; говорили, что если он откроет развалины дневному свету, то произойдет что-то страшное на земле. Саркофаг, из которого были извлечены «таблички», откопали двадцать первого июня сорок первого. В октябре отец ушел в ополчение и вернулся без ноги. Материалы экспедиции в те тревожные дни не были сданы в институт и остались у него на руках. А после войны от отца все начали буквально шарахаться: седой, пожелтевший, с дергающейся шеей, на костылях, он убеждал коллег хотя бы взглянуть на привезенные находки, но даже старые друзья — в лучшем случае — лишь вежливо его выслушивали. Перед смертью было составлено нечто вроде завещания, но похоже было, что отец все-таки действительно нездоров: он просил быть предельно осторожным при работе с какими-то металлическими пенальчиками.

...Сзади слышались чьи-то шаги. Гриновский подождал немного, потом обернулся и увидел, как в кусты вдруг порскнула какая-то сутулая фигура. Необычность ситуации сначала позабавила Гриновского, но потом ему стало как-то не по себе: не понравилась ему эта чрезмерная сутулость. Ну, да осталось всего ничего до дачи.

На улице было уже совсем темно, и Гриновский немало удивился тому, что на даче не увидел ни единого огонька,

а ведь он по телефону договорился, когда придет за вещами. Осторожно открыв калитку, Гриновский тихо, почти крадучись, стал пробираться к дому. Неожиданно где-то в глубине дачи прозвенел звонок, потом громыхнула дверь, и на крыльце возникла чья-то тень. В лицо Гриновскому ударил луч света, раздался щелчок, и кто-то крикнул:

— Убирайся, гадина!

Гриновский сначала едва не рассмеялся, но, приглядевшись, понял, что на него наставили двустволку.

— Э-э, поосторожней! Уберите ружье! Я — бывший хозяин дачи!

Когда ружье опустилось, он с обидой сказал:

— Я — Гриновский Алексей Аполлинарьевич. А кто вы?

— Я? — человек на крыльце даже растерялся. — Я... сторож. Михаил Кузьмич меня нанял до весны, когда начались все эти безобразия. — Сторож нервно хихикнул. — Кто-то все время шарит по даче и в кладовке...

Не слушая больше сторожа, Гриновский выхватил у него фонарь и бросился к кладовке. Замок был сорван. Коробка с пенальчиками лежала почему-то на виду. Гриновский приподнял крышку, и ему стало не по себе: чetyрех пенальчиков на месте не было...

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Под первыми главами романа «Запоздалая встреча» нет столь привычного «Продолжение следует». Это не случайно. Будет ли продолжение и каким оно будет — зависит теперь от вас.

Есть такая литературная игра — буриме, придуманная в XVII веке французом Дюло. Она дает возможность составлять стихи на заранее заданные рифмы. В XIX веке эту игру восстановил Александр Дюма и даже опубликовал стихи для «изощрения талантов особых любителей этой забавы», составленные 350 (!) соавторами.

Мы тоже решили предложить читателям испытать свои силы и стать соавторами будущего произведения. Вам предоставляется возможность проявить себя в разных жанрах: фантастике, «милицейском» детективе, вестерне, романе путешествий и романе-гипотезе...

И в нашей игре есть своего рода «заданные рифмы». Это сюжетные линии, намеченные в опубликованных главах, которые впоследствии могут переплетаться самым причудливым образом. Каждый соавтор вправе развивать один или несколько намеченных автором сюжетных ходов. Разумеется, необходимо учитывать особенность характеров героев, использовать введенные в оборот детали, факты, эпизоды. И еще одно. Хотя роман и обещает быть вполне фантастическим и приключенческим, не отрываясь, пожалуйста, слишком далеко от земли, от известных научных данных.

Автор Дмитрий Стахов и сотрудники редакции рассмотрят присланные соавторами варианты продолжения, отберут как целые тексты, так и сюжетные ходы, смелые идеи.

Но в любом случае в журнале будут названы фамилии всех, кто участвовал в той или иной степени в написании романа. Когда же наступит «развязка», мы подведем итоги, и наиболее активные участники игры получат дипломы «Вокруг света» и книги с автографами авторов.

Присим присылать тексты отпечатанными на машинке. На конверте необходимо сделать пометку «Буриме». Рукописи соавторов «Запоздалой встречи» мы не будем рецензировать и возвращать.

И последнее. Редакция предполагает продолжить публикацию романа с первого номера 1989 года. Чтобы успеть к этому сроку, мы должны получить ваши варианты не позднее 30 сентября.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Мне пока неясно, как будет выглядеть таинственное существо, о котором пойдет речь в романе. И я решил предложить всем, кто любит рисовать, прислать в редакцию свой вариант образа незнакомца. Вашу художественную фантазию ничто не ограничивает, кроме размера рисунка: его формат не должен превышать 10×10 см.

Лучшие работы будут опубликованы.

Художник
В. ШВАРЦ

ТИМ СЕВЕРИН

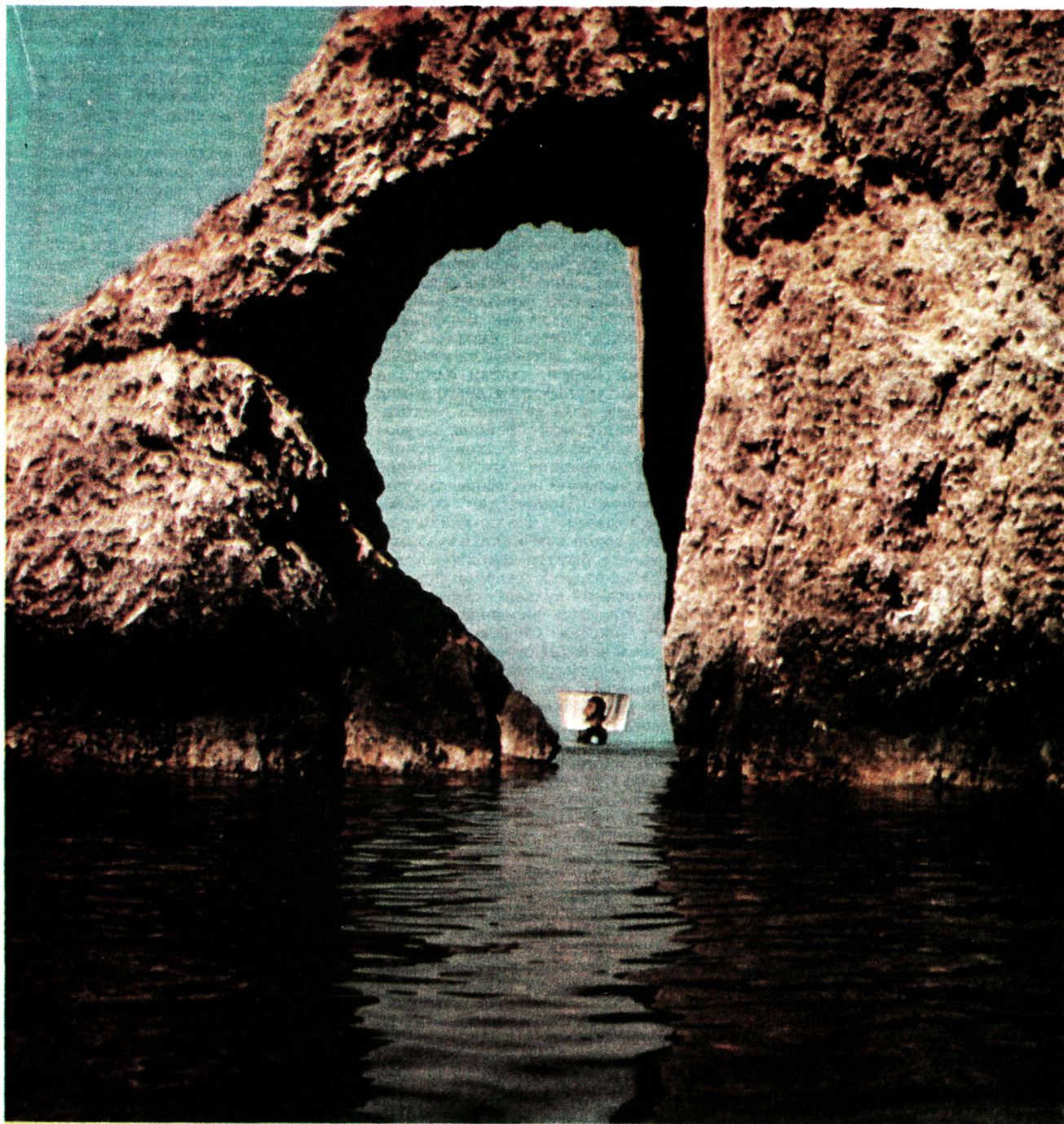
за УЛИССОМ на ИТАКУ

Мне довелось читать, что греческая мифология иногда связывает между собой Кирку и Скилла. Согласно мифу Скилла некогда была прекрасной девой, но Кирка, влюбленная в морского бога Главка, увидела в Скилле свою соперницу и превратила ее в отвратительное чудовище с шестью головами на шести длинных шеях и с уродливым

Мы заканчиваем публикацию глав из книги Тима Северина, которую готовит к выходу в свет издательство «Физкультура и спорт» (начало в № 6 и 7, 1988 г.).

шестиногим телом. И я подумал: если Скилла оказалась помехой для влюбленной Кирки, то их мифические обители, возможно, помещались недалеко друг от друга, а тогда Скилле следует искать где-то в районе острова Эя — Пакси и устья Ахерона. Чувствуя сомнения, я все же обратился к соответствующему тому «Лоции Адмиралтейства». Однако неуверенность сменилась великим удивлением, когда я обнаружил, что между устьем реки Ахерон и родным островом Улисса есть мыс Скилла!

Ошеломляющее открытие. Мыс Скилла — как раз на естественном для галеры прибрежном маршруте. Но, может быть, кто-то уже обнаружил этот факт и рассматривал его значение в связи с «Одиссеей»? Нет, ни в одном из множества ученых трудов, посвященных географическому фону «Одиссеи», я не нашел ничего похожего. В древности одноименный мыс был известен к востоку от Пелопоннеса, в Эгейском море, — слишком далеко от интересующей меня области. Возможно, продолжал я рассуждать, «Скилла» в «Лоции

Адмиралтейства» — новое название, не имеющее никакого отношения к Гомерову шестиглавному чудовищу? Карта, где оно значилось, была первым подробным чертежом этого района, и составили ее в прошлом веке те самые усердные картографы британских ВМС, труд которых сыграл столь важную роль для открытия Шлиманом Трои и для археологических изысканий на Крите. По данным Гидрографической службы, сами греки в середине прошлого столетия называли этот мыс «Скилла».

Почему раньше никто не искал Скиллу вблизи Ахерона? Ответ: пото-

му что больше двух тысяч лет практически ни один ученый-классик не подвергал сомнению давнюю гипотезу, что Скилла и Харибда находились в Мессинском проливе между «носом» италийского сапога и Сицилией. Дескать, перед нами тот самый тесный пролив, о котором говорила Кирка. На итальянской стороне находилась скала Скиллы; по другую сторону, у берегов Сицилии, водовороты, известные под названием т а л ь и, дали повод сочинить легенду об извергающей черную влагу Харибде.

С точки зрения мореплавателя, Мессинский пролив не только черес-

чур широк: трудно представить себе, чтобы он вообще был чем-то опасен для проходящей через него галеры. Как и многие другие современные яхтсмены, я преодолевал его безо всякого риска. Здесь совсем нет природных опасностей и преград. С обеих сторон до берега так далеко, что мысль об «узкостях» даже не приходит в голову. Мессинский пролив вдвое шире «узкостей» Дарданелл, которые Гомер вовсе не считает препятствием для мореплавания. И малым судам нет нужды, как советовала Улиссу Кирка, прижиматься к противоположному от Харибды берегу,

сторонясь водоворотов. Упомянутые выше талии даже не приурочены к наиболее узким участкам Мессинского пролива, и обойти их не составляет труда. Да хоть бы вы и попали в талии, ничего страшного не случится, разве что ваше суденышко покрутит медленно вращающееся течение.

Словом, когда я 31 июля взял курс на загадочный мыс Скилла в Западной Греции, давно уже пришла пора оспорить древнюю версию. Я совершенно не представлял себе, что мы там найдем, но за два месяца практического исследования «логического маршрута» древних галер мы уже обнаружили последовательный ряд приморских пунктов, где нам являлись параллели мифических сюжетов «Одиссеи». В пользу поиска Скиллы и Харибды там, куда теперь направлялся «Арго», говорил еще и тот неоспоримый факт, что Мессинский пролив находится в 250 с лишним милях от места, которое современная археология признает «Областью Аида». Зато до мыса Скилла от места предыдущего захода Улисса всего 15 миль.

«Арго» взял курс на дразнящую цель — обозначенный на карте Адмиралтейства мыс Скилла. Идя вдоль западного побережья острова Лэфкас, мы очутились между ним и маленьким островком Сесола, единственным клочком суши к западу от Лэфкаса. Название ему дали венецианцы, и означает оно «черпак». Мое внимание привлекла вертикальная полоса яркого света в южной оконечности Сесола. Я отдал команду изменить курс и добавил:

— Давайте-ка посмотрим поближе на эту странную пещеру!

Приблизившись к островку, мы увидели, что свет исходит не из пещеры, а из пронизывающей Сесола насквозь причудливой расщелины, вследствие чего казалось, что островок состоит из двух частей — северной, побольше размерами, и южной, поменьше. Над просветом трехметровой ширины обе части соединились, образуя подобие природного моста на высоте примерно двенадцати метров над поверхностью моря. Словно некая сила столкнула вместе две скалы и прочно соединила их друг с другом. Глядя на эту примечательную формацию, я сказал себе, что Сесола в точности отвечает описанию «бродящих утесов» в мифе о Ясоне.

«Бродящими» в греческой мифологии назывались две скалы, плававшие на поверхности моря. Когда кто-то пытался проплыть между ними, они смыкались и разбивали корабль в щепки. Отсюда их второе название — «сталкивающиеся утесы», но и по преданию первым благополучно прошел между ними Ясон со своими аргонAUTами. После того скалы вросли в морское дно. Кирка рассказала Улиссе про коварные утесы потому, что они находились на одном из путей, ведущих от Эи к Итаке. И вот теперь остров Сесола предстал вдру

пред нами как совершенное воплощение мифического образа.

Впоследствии мне удалось убедить себя, что и другие детали описания «бродящих утесов», сделанного Киркой, подходят к Сесоле. Она предупредила Улисса, что владычица морей Амфитрита «страшно все море под тою скалою тревожит», так что «ни один мореходец не мог невредимо с легким пройти кораблем». Древние авторы отмечали, что район к западу от Лэфкаса печально известен дурной погодой. Из-за внезапных шквалов особенно следовало опасаться большого белого мыса Дукато в восьми милях от Сесола. Вергилий в «Энеиде» называет этот мыс буревым — там является воитель Аполлон. Что до «пламенных вихрей», уносивших, по словам Кирки, «доски одни... и бездушные трупы», то я долго ломал себе голову, пока не увидел геологическую карту этого района. Остров Лэфкас лежит близ тектонического разлома на границе плит, смещения которых вызывает подземные толчки, сотрясающие Ионические острова. Вполне возможно, что по линии разлома под водой извергались вулканы. На Лэфкасе бытует неподтвержденная версия, будто к северу от острова есть подводный вулкан: если это верно, он мог быть виновником «пламенных вихрей». Обратясь к более серьезным источникам, видим, что та же «Лоция Адмиралтейства», в которой упомянут мыс Скилла, говорит о двух вулканических извержениях в 30 милях от Лэфкаса, в восточной части залива Амвракисос. При этом погибло много рыбы и поверхность моря была покрыта серой. «До сих пор,— заключает «Лоция»,— выбрасываются небольшие количества серы, отчего вода в заливе часто фосфоресцирует».

Тот факт, что остров Сесола подходил к описанию «бродящих утесов», снабдил меня еще одним фрагментом для мозаики наставлений, которыми Кирка проводила плывшего домой Улисса. К северо-востоку от нас на материке находился мыс Скилла, к северу — лежащий против устья реки Ахерон остров Пакси, он же, судя по всему, Эя — обитель Кирки. «Бродящие утесы» Сесола выселись у западного берега Лэфкаса; к югу от него помещался родной остров Улисса — Итака. Сам Лэфкас расположился примерно посередине получившейся ромбовидной фигуры. Словом, карта ответила на мои вопросы. Сошлись все части наставления Кирки.

Кирка объяснила Улиссе, что, плывя от ее обители на юг, мореходу предстоит сделать выбор между двумя маршрутами в обход Лэфкаса. Либо идти открытым морем вдоль западного берега острова — тогда на его пути будет Сесола, в точности похожий на «бродящие утесы» из мифа о Ясоне и аргонAUTах. Либо следовать через извилистый узкий пролив между Лэфкасом и материком; теперь этот пролив сильно заилен, но на старой карте Адмиралтейства

обозначен достаточно четко. Именно в этом проливе, который местами сужается до пятидесяти метров, нам надлежало искать недостающие фрагменты — Скиллу и Харибду. Вся картина представлялась мне теперь настолько отчетливо, что я не сомневался в успехе.

Словно в подтверждение этой догадки, мой взор привлекло название крутого холма у восточного берега пролива. На карте было написано «Маунт-Ламия».

— Костас,— обратился я к нашему греку,— что означает слово «Ламия»?

— Ламия? Ну как же.— Он помолчал, собираясь с мыслями.— Ламия — это такое чудовище из древней мифологии. С длинной шеей. Оно пожирало детей и пользовалось очень дурной славой. Даже теперь, когда две женщины ссорятся и одна из них хочет уязвить другую тем, что у той-де мерзкий голос и противная внешность, она кричит ей: «Ламия!»

В разговор вступил болгарин Теодор.

— У нас во фракийской мифологии есть чудовище по имени Ламия, вероятно, заимствованное из греческих легенд. У нашей Ламии тоже длинная шея, как у дракона, и она сражается с героем.

Я ликовал.

— Что и требовалось доказать! Мы ищем узкий пролив, на берегу которого живет Скилла — хватающее людей чудовище с шестью длинными шеями, и что же находим здесь, возле узкого пролива, отделяющего Лэфкас от материка? Крутой холм, названный по имени древнего длинношеего чудовища, пожирающего людей. Чем не Скилла? Пойдем туда и проверим.

Когда идешь на юг по пути, которым должен был следовать Улисс после Эи и Ахерона, на горизонте вскоре возникает высокий северный берег Лэфкаса. Кажется, прямо из моря вздымаются крутые скалы. Но когда до острова остается около мили, мореплаватель видит, что ошибся. Скалы отступают, отделенные от воды смутно различимой, чуть выступающей над уровнем моря береговой полосой.

Виндмилл-Рок — так гидрографы прошлого века называли единственное незначительное препятствие для судоходства, отмель в десяти метрах перед мысом. Сам же мыс на карте поименован греческим словом «Ираптра», в переводе — «Поворотная скала». Вероятно, гидрографы услышали это название от местных жителей, современные потомки которых объясняют, что люди, идущие с Лэфкаса на материк, круто поворачивали возле мыса. Однако, чтобы попасть на материк, вовсе не требовалось выбирать такой окольный путь; даже во времена турецкого владычества пролив можно было пересечь напрямик по гати. Так что скорее всего название «Поворотная скала» — древнего происхождения, и дали его мысу моряки.

В этом месте мореплавателю, следующий вдоль побережья, должен был решать — огибать ли Лефкас по морю с запада, или входить в разделяющий остров и материк узкий пролив. В обоих случаях надлежало изменить курс, так что мыс оправдывал свое имя. В описании Кирки луг сирен помещался недалеко от того места, где Улиссу надо было выбрать один из двух путей; исходя из этого, я заключил, что на роль обителю сладкоголосых чародеек лучше всего подходит низкий песчаный берег Ирапетыры.

На карте Адмиралтейства у крайней оконечности мыса Ирапетра обозначены «Три кургана». Три древних могильных холма! Нужно ли что-нибудь еще, чтобы опознать луг, где «человечий белеет много костей»? Существует ли более подходящее место для привязки мифа о сиренах? И все же я боялся поверить, что загадка решена.

Сирены бросились в море с высокой белой скалы. Эту скалу исследователи помещали на одном из островов возле Крита, однако куда более похож на приведенное описание высокий белый утес бурового мыса Дуато на юго-западе Лефкаса. Согласно преданию здесь поэсса Сапфо покончила жизнь самоубийством, бросившись в море с обрыва, по сей день носящего название «Прыжок Сапфо». Перед нами очевидная параллель между самоубийством поэтессы и мифической гибелью сладкоголосых сирен.

В «Одиссее» Улисса и его людей подстерегают только две сирены. Позднейшие авторы увеличивают их число до трех и изображают как прекрасных дев с птичьими ногами. Все источники сходятся в том, что их волшебное пение, иногда сопровождаемое сладостными звуками лиры и флейты, заставляло людей забывать родной дом, жен и детей, и мореплаватели до самой смерти оставались пленниками чаровниц.

Однако хитроумная уловка, придуманная Киркой, защитила Улисса. Провожая его в путь с Эи на Итаку, Кирка даровала мореходу попутный ветер, но тот внезапно стих, когда вдали показался остров сирен. Моряки убрали парус, Улисс залепил им уши воском, и они привязали его к мачте, затем взялись за весла.

Улисс и его товарищи повернули налево, остановив свой выбор на втором пути, предложенном Киркой: извилистым узком проливе, отделявшем Лефкас от области Арканья на материке. Тем самым они избежали опасностей плавания в открытом море у «бродячих утесов» Сесолы и бурового мыса Дукаато. Последуем же в воображении за Улиссом вдоль берега к востоку от мыса Ирапетра, где в наши дни любители виндсерфинга носятся по волнам. Всего через каких-нибудь две мили с четвертью нас подстерегает впечатляющее препятствие. Речь идет о бушующей полосе прибоя на рифе Плака-Спит. Все тот же ве-

тер, друг виндсерферов, гонит с запада накат, который разбивается о двухмильную преграду рифа, протянувшуюся от берега как раз на его пути. Совершенно прямой, так что его можно принять за искусственное сооружение, вроде пирса, риф выступает всего сантиметров на тридцать над поверхностью моря. Когда ветер стихает, накат все равно продолжается, и в полный штиль особенно странно видеть бурлящий барьер Плака-Спит. За этим препятствием находится искомый Улиссом вход в древний пролив.

Тремя месяцами раньше, у Трои, я обещал Кевину, что ему представится случай сфотографировать, как «Арго» обходит рифы, и вот час настал. В «Одиссее» Улисс, именно стремясь избежать столкновения с рифом, велел своим людям «судно отвести от волнения и дыма». Мы притормозили на безопасном расстоянии, а Кевин подошел к рифу на шлюпке, вылез и встал по пояс в беспокойной воде. Приготовив камеру, он помахал нам рукой, и я отдал команду ставить парус. С запада дул ровный предвечерний бриз. «Арго» развил скорость курсом на самый конец каменного бара. Я задумал пройти возможно ближе к рифу, но так, чтобы миновать буруны и, обогнув препятствие, выйти на тихую воду за ним. Дух захватывало от скорости, с какой скользил по волнам тонкий корпус галеры. Впереди, возле Кевина, рыбацкий челн то взмывал на гребень, то исчезал в ложбине между волнами. Стоя в челне, два рыбака, заслонив ладонью глаза от солнца, с удивлением смотрели на внезапно вынырнувшую с запада галеру бронзового века. Просвет между нами и рифом быстро сокращался. Кевин наклонился над видеоискателем. Питер Уилер стоял на носу «Арго», высматривая подводные камни; Джонатан и Дерри приготовились маневрировать шкотами. В ту самую минуту, когда галера развила предельный ход, я прямо по курсу увидел на воде поплавки поставленной рыбаками сети. Она преграждала нам путь, дотягиваясь почти до самого рифа. Наскочи мы на сеть при такой скорости, торчащий ниже корпуса двойной руль запутается, как в ловушке, галеру дернет в сторону и бросит на риф. Прервать стремительный бег галеры не было никакой возможности, оставалось лишь молить бога, чтобы между сетью и баром оказался спасительный промежуток, — если «Арго» вообще достаточно быстро изменит курс. Я до предела переложил рули, и галера сильно рыскнула. Обирая от страха, я навалился всем телом на румпель. Мои товарищи замерли в ожидании сокрушительного удара. Покатая волна подняла «Арго» на своем гребне, и галера пронеслась мимо стоящего в бурунах на рифе Кевина, который был настолько поражен всем увиденным, что даже не успел щелкнуть заключительный кадр. Тень «Арго» скользнула по темному фону баров,

и мы очутились в тылу Плака-Спит.

— Трави шкоты!!

Никогда еще моя команда не выполнялась так быстро. Парус заполоскался.

— Бери на гитовы!

Сильные руки vybrали бык-гордени, подтягивая парус к рею. Питер покинул пост впередсмотрящего на носу.

— По моим расчетам, концы рулей прошли в пятнадцати сантиметрах над камнями, — спокойно доложил он.

Кевин вернулся на борт со своими камерами. Он был потрясен.

— Господи, вот уж не думал, что вы пройдете так близко. Сколько занимаюсь фотографией, впервые язык не повернулся бы сказать: «Давайте еще раз!»

Я был настолько уверен, что мы стоим на пороге решения загадки тесного пролива Скиллы и Харибды, что, отправляясь на берег искать пещеру Скиллы, не сомневался в успехе. Сопоставив описание в «Одиссее» с крупномасштабной картой, я точно знал, где начинать поиск. Вспомним слова Кирки о скале, на которой жила Скилла: «До широкого неба острой вершиной восходит... облака окружают темносущенные ту высоту, никогда не редая. Там никогда не бывает ни летом, ни осенью светел воздух...»

Разумеется, Гомер преувеличил высоту вечно окутанной облаками скалы, как утрировал он характеристики обители Эола — «медностенной» Грамвусы и размеры «грозного Илиона». Тем не менее передо мной над бухтой возвышалась гора Ламия.

Склоны Ламии были достаточно крутыми, но неприступными я бы их не назвал, хоть Гомер и уверяет нас, что: «...туда не взойдет и отгол не сойдет ни единый смертный, хотя б с двадцатью был руками и двадцать ног бы имел, — столь ужасно, как будто обтесанный, гладок камень скалы...»

Самый крутой участок помещался над современной дорогой; здесь и впрямь моим глазам предстала многообещающая, почти вертикальная скала. Более отлогую нижнюю часть горы покрывал укоренившийся на осыпи кустарник. Что до скалы, то ее склон смотрел как раз в нужную сторону, на запад, туда, где в тылу у Плака-Спит стоял на якоре «Арго». И ведь Кирка говорила Улиссу: «...на самой ее середине пещера, темным жерлом обращенная к мраку Эреба на запад; мимо нее ты пройдеши с кораблем, Одиссей многославный...»

Эребом называлась лежащая на западе страна вечного мрака; и пещера Скиллы должна была находиться достаточно высоко, коль скоро, по словам Кирки: «...даже и сильный стрелок не достигнет направленной с моря выстрелющейся стрелкою до входа высокой пещеры».

Идя по дороге между Канали-Стретти и скалой, я заметил внизу челн с двумя рыбаками. Они высмат-

ривали угрей на мелководье, держа в руках остроги с длиннейшими рукоятками.

— Пещера! — крикнул я им. — Где пещера?

Рыбаки озадаченно уставились на меня. Наверно, естественнее было спросить: «Есть здесь какая-нибудь пещера?» — но я был слишком уверен в ее существовании.

— Пещера! Где? — повторил я.

Рыбаки отвернулись, явно недовольные тем, что их отвлекают от дела. Я не сдавался, хоть и сознавал изъяны своего греческого произношения.

— Пещера! Пожалуйста, пещера?

Она должна быть где-то здесь! Рыбаки посоветовались между собой, один из них раздраженно пожал плечами. Не иначе, принял меня за чокнутого туриста. До моего слуха донеслось слово «Антоний». Наконец один рыбак досадливым жестом руки указал на скалу за моей спиной и снова взялся за острогу. Я повернулся и за ветвями старого оливкового дерева высоко на склоне разглядел угол какого-то балкона с железными перилами. Волнуясь, стремительно зашагал по дороге и обнаружил ведущую вверх извилистую тропу. Судя по обилию паутины между кустами, ею не часто пользовались. Здоровенные пауки напомнили мне притаившуюся в своем логове Скиллу: я знал, что нахожусь на верном пути.

Тропа уперлась в ступеньки, которые вывели меня на замеченный снизу бетонный балкон, явно часть какого-то святилища, судя по тому, что часть перил составлял сваренный из двух железных прутьев грубый крест и в раме из труб висел колокол. Сверху балкон защищала черепичная крышка, а в глубине я увидел два маленьких окошка и коричневую дверь. Приглядевшись, обнаружил, что дверь вставлена в подпирающую скальный выступ каменную кладку. Над дверью висел на гвозде большой железный ключ. Я отпер замок и вошел, чувствуя себя Алисой, вступающей в Зазеркалье.

Я очутился в пещере. Превращенная в часовню, она тем не менее сохранила свой первоначальный облик. Расписанные копотью от свечей стены с буграми и бороздами казались вылепленными из воска. Наибольшая высота свода составляла примерно четыре с половиной метра, длина достигала трех с половиной метров, ширина — неполных три метра. Эта мрачная полость в скале отлично подходила на роль логова Скиллы. То, что теперь она служила часовней, меня ничуть не удивило: новая религия освоила древнее языческое святилище. Пещера Скиллы стала часовней Святого Антония, и я невольно улыбнулся, заметив маленькую икону с грубым изображением Святого Георгия, убивающего дракона. Очень точная метафора, рисующая противоборство двух религий, и некоторые фольклористы усматривают связь битвы Святого Георгия с языческим

представлением о конном витязе, сражающемся с длинношеим чудовищем Ламия.

Выйдя снова на балкон, я остановился спиной к пещере. Открывшаяся мне картина точно соответствовала описанию Кирки. Внизу к подножию скалы подступала излучина древнего пролива. С высоты я видел, как скользят по дну мелководного Канали-Стретти угри расписывают светложелтый ил извилистыми узорами. Прямо передо мной белела линия бурунов на Плака-Спит, хотя с приходом вечера ветер уже прекратился. Вдали за стрелкой просматривалась оконечность мыса Ирапетра с его загадочными курганами и берегом, подходящим на роль луга сладкогласных сирен. Я стоял у входа в пещеру, расположенную, как говорила Кирка, «на самой середине» скалы над проливом, лицом к западному горизонту. Рыбаки внизу решили, что на сегодня хватит трудиться, и удалялись по древнему водному пути, отталкиваясь шестью. Я нашел искомое.

Но если пещера Скиллы помещается на горе Ламия на арканском берегу, где надлежит искать поглощающий корабли водоворот Харибды? По словам Кирки, он находился под скалой, отстоявшей «на выстрел из лука» от обители Скиллы. В современном судоходном канале, пересекающем основание Плака-Спит, наблюдается идущее с юга на север приливо-отливное течение. Скорость его невелика, всего полтора узла, но оно показывает, что течение такого рода могло быть частью механизма, образующего могучий водоворот. Однако еще важнее расположенные примерно в миле к северу от пещеры Скиллы два залива — Св. Николая и Хелодиваро, играющие роль водосборников. Во второй половине дня ветер нагоняет в них воду, которая сбрасывается через бары и отмели «Порта Св. Николая». В «Лоции Адмиралтейства» говорится: «Морской бриз гонит в залив Св. Николая значительное количество воды, с силой вытекающей обратно на закате, когда стихает ветер». Ветровое течение — вот специфическое явление, могущее объяснить странные особенности Харибды, озадачивавшие всех комментаторов. В «Одиссее» читаем: «Страшно все море под тою скалою тревожит Харибда, три раза в день поглощая и три раза в день извергая черную влагу».

Троекратный водоворот представлялся всем невозможным. Такие комментаторы, как Страбон, относили его к разряду утрирующих вымыслов, потому что обычно приливы чередуются с отливами только два раза в сутки. Однако здесь, к югу от мыса Скиллы, у входа в узкий проток между Лэфкасом и материком, не исключена возможность третьего прилива. В конце бронзового века, до того, как залив Хелодиваро был заилен, он мог накапливать гораздо больше воды, да еще сюда можно добавит воду из лагуны Вулкарки, по-прежнему соединенной с Хелодиваро узким про-

ходом на месте древнего канала. Внезапный поток воды из этого резервуара следом за обычным приливо-отливным течением вполне мог дать водителям малых судов бронзового века пищу для легенд.

Так где же именно наблюдается троекратный водоворот? Предлагаемый мной вариант — не больше, чем логичное предположение, основанное на сравнении с примерно такой же обстановкой в шести милях севернее, где воды залива Амвракиос сбрасываются через узкий проток у Превезы. Здесь во время приливов сброс вызывает мощную циркуляцию воды у мыса Акшен. По словам рыбаков, течение порой достигает такой силы, что не дает выбирать сети. В Канали-Стретти между Лэфкасом и материком наиболее вероятное место для возникновения такого водоворота следует искать в узкостях, где происходит ускорение и отражение водного потока, то есть либо у маленького островка посреди пролива, либо у одного из просветов между каменными глыбами рифа Плака, на выходе из которых возникало завихрение приливо-отливного потока. Пробирающейся через тесный пролив галере это явление сулило большие неприятности. Конечно, не такие, как в «Одиссее», где водоворот поглощает корабли, но достаточные, чтобы мог родиться миф о Харибде.

Кирка строго-настрого наказала Улиссу держаться подальше от острова Гелиоса. Страшная участь ожидала всякого, кто посмел бы «руку поднять» на пасущихся там священных животных.

Уступая требованиям команды, Улисс неохотно согласился остановиться на Тринакрии, но заставил своих товарищей поклясться, что они ни в коем случае не покусятся на священных быков бога солнца Гелиоса, иначе не миновать им беды. Дав клятву, команда повернула галеру к острову и высадила на берег. Однако ночью подул такой сильный южный ветер, что пришлось вытаскивать корабль из воды. Съестные припасы, полученные от Кирки, кончились, и люди Улисса начали жаловаться на голод. В это самое время Улисс неосмотрительно удался один внутрь острова, чтобы молить богов о помощи. Воспользовавшись его отсутствием, интриган Еврилох стал уговаривать остальных нарушить клятву. Моряки бездумно поддались его уговорам, отделили от стада лучших быков, зарезали их и принялись жарить себе трапезу на вертелах.

Шесть дней бесчинствовал непокорные спутники Улисса. Они продолжали резать быков и есть мясо, пока на седьмое утро ветер не стих и оказалось возможным снова спустить корабль на воду. Подняв мачту и расправив паруса, итакцы вышли в море, и тут Зевс обрушил на них свой гнев.

Один Улисс остался жив. Барахтаясь среди обломков, он поймал обвиняемый вокруг мачты кожаный ремень,

связал им вместе мачту и киль и обхватил это подобие плота...

Направление ветра подсказывает нам, где искать Тринакрию — остров солнечного бога Гелиоса. Сперва дувший целый месяц южный ветер не давал галере идти в Итаку и вынудил команду ждать на острове. Стало быть, место Тринакрии — к северу от Итаки. После того как судно было разбито бурей, слабый ветер, опять-таки южный, отнес уцелевшего Улисса с его подобием плота обратно к водовороту Харибды. Зная позицию Итаки — с одной стороны и местоположение пролива у Лефкаса — с другой, можно примерно определить, где находилась Тринакрия, а именно — на естественном пути, по которому капитан галеры бронзового века повел бы свое судно от южного выхода из пролива на Итаку. Дистанция невелика, всего каких-нибудь 20 миль, но мы снова должны считаться с мелкими масштабами гомеровской географии.

Дополнительно, хоть и не очень надежной, путевой нитью может служить приводимое у Гомера название Тринакрия.

Я решил провести эксперимент: обратиться к человеку, знающему воды вокруг Лефкаса, и проверить, говорит ли имя «Тринакрия» что-нибудь опытному мореходу. Результат был весьма показательным.

Я познакомился с Герасимосом Роботисом, когда он, сидя около рубки своей моторной лодки, пришвартованной у пристани в мутной лагуне Лефкаса, терпеливо наживлял креветок на крючки длинного перемета, укладывая его петлями в стоящей рядом корзине. Через переводчика я осведомился, не найдется ли у него времени, чтобы ответить на некоторые вопросы, касающиеся моря у Лефкаса. Герасимос деловито ответил, что сейчас времени не найдется, он слишком занят и ему еще надо отдохнуть, прежде чем он отправится на ночной лов. Дескать, как только приготовит снасти и наведет чистоту на лодке, отправится домой, чтобы поесть и вздремнуть. Может быть, мне прийти вечером? Пожалуйста! В шесть часов вечера встретимся на главной площади селения.

В назначенный час я пришел на площадь вместе с превосходным переводчиком, уроженцем Лефкаса, аспирантом Лондонского университета. За стаканчиком анисовки Роботис постепенно преодолел начальную робость, а услышав, что я капитан «Арго», и вовсе оттаял. Рассказал, что впервые вышел в море десятилетним мальчуганом и уже пятьдесят пять лет занимается рыбной ловлей в Ионическом море, больше всего в водах вокруг Лефкаса, который служит ему базой.

— Вам приходилось когда-нибудь слышать об острове, который называется Тринакия, или Тринакрия, или еще как-то в этом роде? — спрашиваю я.

— Нет, никогда не слышал.

— И это название не напоминает вам какой-нибудь остров или другое место в этой области?

Он отрицательно покачал головой. — Ну а вообще какое-нибудь место, где играет роль цифра три, — скажем, треугольный или трехзубый остров?

Роботис задумался, силясь уловить смысл странного вопроса.

— Хорошо, — продолжал я, — представьте себе остров, в описании которого вы бы выделили три черты — скажем, три вершины. Три утеса. Характерные природные особенности, которые бросаются в глаза, когда подходишь к острову, и которые вы бы назвали, рассказывая другому рыбаку, чтобы он сразу понял, о каком острове идет речь?

— А, я понял, что вы подразумеваете! Вы говорите про три мыса острова Меганиси.

— Я никогда не бывал на Меганиси. Три мыса — как это понимать?

— Это на пути от Лефкаса на юг, когда идешь мимо Спарты в сторону Итаки. Их сразу видно — три мыса на Меганиси. Один за другим, ошибиться нельзя. Между ними бухты с хорошими якорными стоянками. Лучше всего у мыса Ильи, там удобно остановиться на ночь после того, как поставишь сети.

Герасимос Роботис не мог знать, что Меганиси — своего рода археологическая загадка. Занимаясь изысканиями на Ионических островах, Сильвия Бентон, археолог из Британского института в Афинах, отметила на Меганиси «участки, изобилующие черепками пифосов конца бронзового века и микенских кубков». Незначительный вроде бы остров Меганиси явно играл важную роль в древности. Но почему — археологам было невдомек. Мне подумалось, что на Меганиси могло находиться святилище, связанное с поклонением солнцу. В древнейших греческих мифах говорится, что быки бога Солнца были похищены гигантом Алкионеом на острове Эритея (Красный остров), который согласно тем же мифам находился где-то в районе залива Амвракикос, к северу от Лефкаса. Позднее мифы перенесли быков Гелиоса гораздо дальше на запад, до самой Испании. Но мы сейчас говорим о микенских мифах, созданных до того, как греческие мореплаватели дошли до Иберийского полуострова. Так, может быть, Тринакрия и Эритея — два прежних названия острова Меганиси?

И я отправился на Меганиси, чтобы проверить описание Роботиса, уделив особое внимание последнему мысу, с лучшей якорной стоянкой.

Поднявшись на гору около главного селения Меганиси — Вати, я стал лицом к выходу из пролива, по которому в бронзовом веке шли корабли с Лефкаса. С вершины хорошо различались причудливые очертания Меганиси. Больше половины острова занимает напоминающий крысиный хвост скалистый гребень, где никто не

живет. Расширяясь, он смыкается с округлым центральным массивом; в свою очередь, тот оканчивается на северо-востоке растопыренными пальцами полуостровов, разделенных глубокими бухтами. Три крайних мыса, по словам Роботиса, могли служить отчетливыми ориентирами. С того места, где я стоял, не было видно, что «хвост» Меганиси изогнут под углом к центральному массиву. Скорее он воспринимался как «ручка», а разделенные бухтами мысы напоминали зубцы остроги, нацеленные на горловину пролива между Лефкасом и материком. Короче, Меганиси напрашивался на сравнение с тринаксом — трехзубцем.

Поскольку Улисс потерял свою последнюю галеру, наш уникальный метод исследования с борта «Арго» пришел к естественному финалу. После кораблекрушения возле Тринакрии Улисс уже не мог плыть дальше на обычной галере, оттого и мы не могли больше использовать «Арго» в своем эксперименте — плавании по вероятному маршруту знаменитого капитана бронзового века, сравнивая наш опыт с его приключениями. А потому в конце августа мы вытащили «Арго» на берег нового судоходного канала у Лефкаса и оставили там зимовать. Галера хорошо послужила нам, пронесла без происшествий по «логическому пути» от одного открытия к другому. Дальнейший маршрут Улисса далек от логики, ибо он уже был мало властен над своими передвижениями, беспомощно дрейфуя на связанных вместе обломках, плывя затем на самодельном плоту и, наконец, являясь домой крепко спящим на борту волшебной пятидесятивесельной галеры, не нуждающейся в кормчем. На последнем этапе великого странствия Улисс становится для нас все более неуловимым, пока не оказывается на своем родном острове Итаке; эта привязка не вызывает сомнений.

Почему же «Одиссея» так долго оставалась географической головоломкой? Ответ следует искать отчасти в истоках повествования Гомера, отчасти в том, как это повествование трактовал человек, заслуживающий, так сказать, звания главного злоумышленника. Он спугнул зайца, за которым с тех пор безуспешно гонялись по кругу.

«Одиссея» — морская повесть, сочиненная людьми, несомненно, знакомыми с особенностями вождения галеры. Знание моря, мореплавания, кораблей видно на каждом шагу. Аэды могли использовать устные предания об одном или нескольких морских скитаниях, рассказы о реальных событиях, моряцкие байки, могли дать волю собственному воображению, творя искусный сплав исторических сведений и морского фольклора. Вот из чего следует нам исходить, строя предположения о путях Улисса от одного необычного места

к другому. В трехмесячном плавании по «логическому маршруту» на копии галеры бронзового века мы выявили уникальную серию отожествляемых пунктов, подчас там, где меньше всего ожидали этого.

Первый факт, который мы смогли удостоверить, — правильная передача «Одиссеей» особенностей плавания галеры под парусом и на веслах в Средиземном море. Подлинность всего, что касается трудностей и ограниченных возможностей мореходства бронзового века, подтверждается нашим опытом. «Одиссея» повествует о каботажном плавании сравнительно короткими отрезками от одного мыса до другого, от захода к заходу. И разве могли большие команды на открытых судах плавать, не подходя частенько к берегу, чтобы пополнить запасы пресной воды, подкормиться и отдохнуть? Нет никаких оснований видеть в «Одиссее» рассказ о дальнем плавании — до Гебридских островов, Скандинавии, даже до залива Фанди в Канаде, — как это делают иные энтузиасты.

Будем помнить, что половину пути Улисс прошел не один, а в сопровождении еще одиннадцати кораблей, тяжело нагруженных добычей и изрядно обветшалых после долгого плавания и десятилетнего стояния на берегу, пока согласно «Одиссее» шла война. Скорость продвижения флотилии определялась возможностями наиболее тихоходной галеры; то и дело надо было останавливаться, дожидаясь отстающих. Корабли шли медленно, осторожно, тяжело.

Не следует забывать и про ограниченные мореходные возможности галеры. На «Арго» мы убедились, что невозможно грести против встречного ветра и нужны немалые усилия, чтобы продвигаться вперед при штиле. Сопутники Улисса не раз проявляют недостаток рвения, и, конечно же, они предпочитали идти под парусом, нежели на веслах, ждать попутного ветра, чем ползти черепашьим ходом при штиле. И они старались держаться подальше от берегов, если намечался шторм. Отсюда общий неспешный характер плавания, с остановками в ожидании благоприятной погоды перед очередным этапом. Такого порядка придерживались мудрые капитаны, и все говорит за то, что Улисс был достаточно осторожен, кроме тех случаев, когда верх брали любопытство или вспышка бравады.

Мы проложили курс «Арго» с таким расчетом, чтобы уложиться в один период навигации в Средиземном море. Это соответствует чистому времени, отведенному «Одиссеей» для плавания Улисса. При внимательном рассмотрении из знаменитых девятнадцати лет скитаний Улисса лишь несколько недель приходится на море, все остальное время он проводит на войне и в гостях у приятных особ женского пола. Мы доказали, что нескольких благоприятных для плавания недель — с июня по август

или сентябрь — было достаточно для перехода от Трои до Итаки, даже если флотилию Улисса относило к берегам Северной Африки.

Сразу после избиения людей Улисса лестригонами «Одиссея» вдруг перебрасывает нас с логической трассы на остров Кирки, лежащий по другую сторону Итаки. Если Улисс возвращался домой с юга, держась естественного маршрута, почему он теперь оказывается к северу от родного острова, словно намеренно миновал его?

Ответ: перед нами новый сюжет. От Трои до Месапо мы прослеживаем путь возвращающейся домой флотилии. Эта часть поэмы повествует о том, что приключилось с двенадцатью итакскими кораблями, когда кончилась война, и гибель флотилии — заключительный эпизод этой части повествования.

Что до приключений на острове Кирки и последующих эпизодов, с печальным финалом у острова быков Гелиоса, то они образуют отдельный цикл, повествующий об одном корабле, и место действия ограничивается Ионическими островами. Переход от одной сюжетной линии к другой бросается в глаза. Повествователь даже не пытается объяснить, каким курсом плыл единственный уцелевший корабль Улисса и какое расстояние прошел; от бухты Месапо герой сразу переносится к острову Кирки, вдруг оказываясь в совершенно незнакомом месте. «Нам неизвестно, где запад лежит, где является Эос; где светносный под землю спускается Гелиос, где он на небо восходит...» Перед нами новое начало. Дальше нас ждет знакомство с ионическим циклом преданий.

Заглядывая своим «везучим» любопытствующим оком во все заливы и бухты между Ахероном и Итакой, «Арго» теперь сделал свое самое неожиданное открытие: исходный материал для вошедшего в «Одиссею» фольклора существует по сей день. Нас поразило, что многие фольклорные мотивы даже запечатлены на карте. Только надо уметь их прочесть. География подтвердила тождество сохранившихся народных названий с теми, что приводит Гомер.

Естественно спросить, каким же образом приключения Улисса, сперва на логическом каботажном маршруте из Трои на юг, затем в родном архипелаге героя, оказываются перенесенными на сотни миль в западную часть Средиземноморья, чаще всего — в Тирренское море между Сицилией и побережьем Италии? Ответ на это может дать обширная миграция греков в те времена, когда Гомер составлял свою композицию сказов об Улиссе. Греки продвигались на запад, учреждая колонии, и родной фольклор был их спутником. Обосновываясь в новых областях Великой Греции, они оснащали свои сказы деталями местной топографии, пренебрегая возникающими несоответствиями, поскольку в их представле-

нии Улисс был непревзойденным путешественником и, следовательно, побывал здесь до них. Истина за восемь веков до начала миграции выглядела совсем иначе. Возвращаясь домой, маленькая флотилия микенских боевых галер должна была следовать возможно более коротким маршрутом, благоразумно держась поближе к берегу. Перенос действия «Одиссеи» в Сицилию и Италию, толкователи лишь превращали все плавание в головоломку.

Главного злоумышленника нетрудно опознать. По иронии судьбы речь идет о том самом блестящем географе, чье толкование похода Ясона за золотым руном привело мой «Арго» в Грузию за год до нашего плавания по следам Улисса. Страбон был самым проникновенным географом своего времени. Он правильно угадал, что понятие «золотое руно» было связано с практикой улавливания крупинок золота овечьими шкурами в горных реках Кавказа. Тут он мог основываться на собственных наблюдениях. Уроженец Малой Азии, Страбон был лично знаком с регионом Черного моря. Позже он переселился в Рим, одно время жил в Александрии и столько путешествовал, что мог говорить о себе: «...я странствовал с востока на запад, от Армении до Тосканы, что напротив Сардинии, и с севера на юг от Черного моря до рубежей Эфиопии». Однако совершенно ясно, что Страбон никогда не бывал в Итаке, Микенах и на северо-западе Греции. Здесь его писания пестрят ошибками.

И все же он заслуживает снисхождения. Пусть Страбон ошибочно указывал на Монте-Цирцео, Мессинский пролив и различные пункты Великой Греции, однако в спорах с критиками он твердо стоял на том, что «Одиссея» основана на географических и исторических реалиях. Изюм всех крупных трудов древних географов до нас дошла только «География» Страбона со всеми ее ошибками, и влияние этого труда было огромно. Не зная местности, он вовсе без злого умысла отравил колодезь информации об «Одиссее». Уверен — побывав Страбон на северо-западе Греции и ознакомься сам с ее топографией, он пересмотрел бы свои выводы.

Мы в нашем плавании на «Арго» не расставались с образами гомеровских чудовищ — и были вознаграждены. Галера потому и привела нас к местобитаниям киклопов, лестригонов, Кирки и сирен, Скиллы и Харибды и всех прочих, что, как выяснилось, фольклорная география переплеталась с мореходной. Вот такой урок извлекали мы из нашей собственной одиссеи по мере того, как «Арго» освобождал повесть об Улиссе от наноса гипербола, туманных мест и противоречий. В конечном счете все оказалось очень просто. «Арго» вернулся «Одиссею» домой, в Грецию.

Перевел с английского
Л. ЖДАНОВ

«ГОРОД ВЕТЕРАНОВ»

...331 год до нашей эры. По древней караванной дороге, соединяющей Египет с Междуречьем и Аравией, вздымая пыль, движется огромная армия. Позади—три года изнурительных переходов, кровопролитных битв под стенами древних цитаделей Тира и Газы с войсками могучего Дария; покоренные Малая Азия, Сирия, Египет. Впереди — битва при Гавгамелах, завоевание Междуречья и Восточного Ирана, гибель многих храбрых воинов и бессмертие их полководца — македонского царя Александра.

Каменистая дорога медленно поднимается в горы, изредка попадают оазисы с двумя-тремя пыльными пальмами. Но вот передовой отряд преодолевает очередной перевал и вдруг останавливается, пораженный открывшейся внизу цветущей долиной с полноводной и чистой рекой, по берегам которой раскинулись плодовые деревья и кустарники; в сочной траве алеют тюльпаны, приветливо кивают ярко-желтыми шапками мимозы.

Здесь и расположилось усталое войско на кратковременный отдых. Когда же на следующий день армия продолжила свой путь, часть израненных, уставших от бивачной жизни ветеранов персидского похода осталась в цветущей долине. Вскоре тут вырос город, который они назвали Герас — «поселение ветеранов».

Эту историю рассказал мне в Иордании молодой симпатичный араб по имени Аднан. Он и привел меня на центральную площадь Джераша, как впоследствии стали называть Герас, где мое внимание привлек человек, одетый в офицерскую форму. На его левой руке была красная повязка с надписью арабской вязью — «Туристская полиция». Заметив мое недоумение, Аднан рассмеялся:

— Этот человек охраняет город от разрушения. Ведь после своего расцвета в III—II веках до нашей эры Джераш пережил многое. В 747 году он сильно пострадал от землетрясения, а в XII веке здесь пролегли пути крестоносцев, которые и довершили разгром. После этого местные жители-арабы стали использовать остатки крепостных стен, храмов и дворцов для строительства жилищ. Да и сегодня многие не прочь воспользоваться трудом своих предков,— Аднан указывает на несколько новых домов недалеко от развалин. Здания покоятся на фундаменте из плит, явно вывороченных из древней мостовой, а в кладке стен — камни с полуистертыми изображениями людей, зверей и птиц.

Окончание см. на 4-й стр. обложки.

фот. Б. Подольский/ЭССЕ

ПОСЫЛАЕМ
ФОТОГРАФИЮ...

С волнением прочитали в вашем журнале заметку Д. Гиндина из Ленинграда «Путевой лист пожарного Панкратова» (№ 11 за 1987 год). Вся наша семья — а мы родственники Панкратова — была тронута тем, что люди помнят человека, которому впервые в истории удалось замкнуть кольцо велосипедного пробега вокруг планеты. Одна неточность — его правильное имя Онисим. Посылаем фотографию из нашего семейного архива и сообщаем кое-какие дополнительные подробности о его путешествии.

...Работая пожарным и получая небольшую зарплату, откладывая с каждой полочки чуть ли не половину, Онисим, будучи членом ХОС (Харбинского общества спортсменов), при его содействии и небольшой материальной помощи сумел осуществить свою дерзкую мечту. 2 года и 18 дней затратил он на прохождение маршрута в 48 тысяч верст! Много трудностей пришлось претерпеть в дороге упорному спортсмену. Побывал он несколько раз и в больницах, то лечась от побоев турецких жандармов, принявших его

за шпиона, то от мучившей его лихорадки. В Японии Панкратов подвергся непрерывной слежке. Но в родном городе Панкратова встретили тепло и торжественно. Международный союз велосипедистов удостоил его высшей награды — Бриллиантовой звезды.

В годы первой мировой войны он был летчиком, сбил лично пять самолетов противника и погиб в воздушном бою.

Обращаюсь с предложением к Госкомспорту и Федерации велоспорта СССР о проведении в нашей стране ежегодных многодневных соревнований велосипедистов из разных стран под названием «Бриллиантовая звезда» памяти Онисима Панкратова.

Думаю, что читатели меня поддержат. Проводятся же у нас соревнования по другим видам спорта, например, мемориал братьев Знаменских, шахматный турнир памяти Алехина и многие другие.

А. БЕЛАН
г. Нижний Тагил

ВАЯНГ-КУЛИТ- ТЕАТР ТЕНЕЙ

В моей небольшой коллекции кукол есть одна, упрямо непохожая на остальных — лоб ее скошен, нос навис над подбородком, тонко прорисованы миндалевидные глаза, губы плотно сжаты. Это — ваянг, персонаж теневого театра. Я привезла его из Индонезии. Одета кукла в батиковую коричневую юбку-саронг, в ушах серьги. Судя по белому лицу, это благородный принц, а его высокая прическа, загнутая вперед как хвост скорпиона, говорит о постоянной готовности вступить в схватку со злом. Чуть приподнимешь бамбуковыми палочками гибкие руки, и он оживет, покоря пластикой.

Ваянг — это и куклы, и театр, и представление, и еще — тени предков. Когда-то спектакли были не развлечением, а ритуалом общения с духами, у которых просили защиты. Различают ваянг-кулит — театр теней; ваянг-голек — театр деревянных кукол; ваянг-топенг — театр актеров в масках; ваянг-оранг — драматический театр. Хотя чаще всего ваянгом называют именно теневого театр.

Герои ваянга — боги и духи, принцы и принцессы, но это подлинно народный театр. Его персонажи носят яванскую одежду и поступают как яванцы. Паузы между актами занимают шуты и слуги. Они смешны, неуклюжи, часто попадают впросак. Но зрители любят их, понимая, что они лишь прикидываются глуповатыми, чтобы говорить правду. Эти простакки не прочь посмеяться над богачом, пажом, неверной женой, а порой — обсудить и дела государственные. Но до недавнего времени большинство сюжетов были взяты из великих индийских поэм «Рамаяна» и «Махабхарата».

Куклы ваянг-кулит плоские, они вырезаны из буйволовой кожи и прикреплены к бамбуковому стержню. Головой куклы и торсом управляют, держа за стержень, а руками ее водят с помощью палочек-чемпуристов.

Ислам, запрещавший изображать все живое, сказался и на облике кукол. Они лишь приблизительно напоминают людей, каждый их жест — символ. Сжатые губы — острога ума, оскаленный в улыбку рот — глупость или хитрость, глаза навывкате — коварство. Особое значение придается

цвету: белое лицо может принадлежать только благородному герою, черное — отважному воину, зеленое — трусу и завистнику, красное — злодею.

Экран, на котором происходит действие, матовый, непрозрачный. И зритель видит на экране лишь тени от кукол, подсвеченные кокосовой лампой-бленчонг. Но кукол все же тщательно раскрашивают и перед представлением вывешивают для обозрения.

В Джакарте раз в месяц устраивают «ваянг-шоу» для туристов. Но самый трогательный театр ваянг я видела в горной деревушке Тугу. Сюда наша группа советских специалистов приехала на неделю из знойной, загазованной и гремящей Джакарты.

День в деревне обычно начинался с того, что сторож, он же садовник, Картоби включал косилку и объезжал двор гостиницы, срезая выросшую за ночь траву. Но в то утро привычного тархатенья мотора мы не услышали. Мэритэн, жена Картоби, — миловидная, маленькая, проворная и неслышная, как тень, объяснила: в деревне ждут труппу ваянг и непоседливый супруг умчался ее встречать...

Актеры въехали в Тугу на велосипедах, на багажниках которых были привязаны корзины с реквизитом. Они остановились у придорожной лавки глотнуть холодного лимонада. Завязался разговор о погоде, урожае, житье-бытье и главное — где лучше устроить представление? По традиции, ваянг разыгрывается подальше от жилья, ибо считается, что духи, посещающие спектакль, не всегда благосклонны к людям. Больше всех суетился Картоби. Он не только выбрал подходящее место на окраине деревни, у кокосовой плантации, но и вызвался безвозмездно помочь актерам.

Общими силами расчистили лужайку — будущий зал; соорудили ширму из банановых листьев; повесили на нее экран. Извлекли из коробок кукол. Тех, что не будут сегодня участвовать в представлении, воткнули в ствол банана перед экраном: слева от зрителей — положительных героев, справа — отрицательных. Пусть любуются... Остальных унесли за экран. К вечеру все было готово к спектаклю. Билетов обычно не продают — каждый платит сколько может.

А вот и первые зрители. Идут целыми семьями, прихватив циновки, термосы с кофе. Рассаживаются удобно, основательно — ведь сидеть предстоит всю ночь. В первых рядах — дети и старики. За ними расположились степенные супружеские пары с малышами, которые тут же засыпают на

руках у матерей. На «галерке» шумит молодежь. До начала спектакля еще целый час. Лоточники предлагают соки, кунжутные лепешки, бананы. Кое-где развели мангалы, потянуло дымком куриного сатэ.

Во время спектакля зрители едят, пьют, обмениваются репликами, прогуливаются, чтобы размять ноги. Лишь актеры не покидают своих мест — спектакль идет без перерыва; единственно, что они могут себе позволить, — выпить чашечку кофе или перекурить.

Для пожилых людей ночное представление — праздник, сюжеты давно знают наизусть, но все равно с напряжением следят за действием. Молодые не так терпеливы — они дети своего времени: дискотек, рок-музыки. Но им тоже интересно. Звенят цикады, кричат птицы, почти касаясь лица, проносятся летучие мыши, прямо пахнут цветы. Но вот оркестранты заняли свои места сбоку от сцены; погасли керосиновые факелы: за сценой вспыхнул свет бленчонга.

Ведущий обращается к духам предков, прося у них благословения и успеха. Ставит перед экраном чашу с рисом, три яйца и одну монету — видно, местные духи не так привередливы. Закончив с «прологом», он удаляется за экран...

Вступает оркестр-гамелан. Раскатилась барабанная дробь, зазвучали гонги, ксилофоны, колокольчики, им вторит флейта. Словами музыку не стоит описывать. Впрочем, Бальмонт верно написал:

Гамелан — как море — без начала,
Гамелан — как ветер — без конца.

В гамелане звучит само время и под звуки его оживают маленькие кожаные фигурки, становятся героями. О каждом новом персонаже — а их около ста — возвещает новая мелодия.

Заглянем за кулисы. Кукловод, поджав ноги, сидит перед экраном, над ним горит лампа; в пространстве между экраном и лампой будут двигаться куклы.

Я сказала «кукловод» и почувствовала неточность: уместнее сказать поиндонезийски «даланг» — ведущий спектакля. Он актер, певец, режиссер, дирижер оркестра. Его мозг, руки, ноги, голосовые связки — все находится в непрерывной работе. Он сочиняет текст, импровизирует, произносит на разные голоса монологи, поет, двигает кукол. И не просто двигает, а в «образе» — здесь и грациозные движения Сити Деви, и воинственные прыжки царя обезьян Ханумана, и вкрадчивые шаги коварного Раваны, и разболтанная походочка шутов. Даланг изображает все шумы — рев водопада, раскаты грозы, цокот копыт буйвола... Но и это не все. Чуткий психолог, он слушает аудиторию: веселит ее шуткой, когда она приустиала; говорит с ней о высоком, когда она готова к восприимчивости вековой мудрости...

Трудно поверить, что все это продельывает всего один человек. Кажет-

ся, что у него не две руки, а по крайней мере шесть, как у Шивы. Далангом может стать только одаренный и, что не менее важно, — физически выносливый человек. Ведь спектакль длится всю ночь.

Но вот приблизился рассвет, тени на экране теряют свою четкость. Усталый даланг благодарит зрителей, по-

мощники собирают плату и реквизит. Кукловод аккуратно, в порядке их появления на экране, укладывает в корзины. В соседней деревне зрителям не придется долго ждать начала. Труппа рассаживается на велосипеды и отправляется в путь.

Д ж а к а р т а

Жизнь и судьба писателя Б. Травена в течение почти полувека были одной из загадочнейших литературных тайн нашего столетия. Он как бы нарочно бежит от любопытствующих читателей и журналистов, скрываясь под множеством псевдонимов, и ни один из издателей не мог похвастать тем, что лично беседовал с писателем. И потому подозревали даже, что под этим именем выступает не кто иной... как Джек Лондон, по неизвестным причинам избравший судьбу отшельника.

А Травен все продолжал работать, и работать много. Рукописи его произведений, приходившие в Германию и Швейцарию, переводились на многие языки, но сама личность автора полтора десятков романов, лучшие из которых «Сборщики хлопка», «Корабль смерти», «Мексиканская арба», «Проклятье золота», «Сокровища Сьерра-Мадре» и другие, оставалась по-прежнему тайной. Сам он впоследствии скажет своему близкому другу: «У пи-

сателя и не должно быть иной биографии, кроме его произведений».

В Советский Союз книги Б. Травена пришли в конце тридцатых годов. Предлагаемый читателю «Вокруг света» роман «Сокровища Сьерра-Мадре», который публикуется в журнальном варианте, был написан в 1927 году.

А что же легенда о Б. Травене? Благодаря усилиям многих людей, и главным образом самоотверженному поиску литературоведа из ГДР Рольфа Рекнагеля, удалось установить, что настоящее имя писателя — Травен-Торсван-Кровс, родился он в 1890 году в Чикаго, в семье выходцев из Скандинавии, жил в Германии, где начал писать на немецком языке под псевдонимом Рет Мерут. За участие в революционных событиях 1919 года в Германии был приговорен к расстрелу, однако ему удалось бежать. Он попал в Мексику, жил среди индейцев, был сборщиком хлопка, искал золото, нефть, плавал матросом на кораблях. И писал об этом замечательнейшие книги, которые и стали его настоящей судьбой. Б. Травен умер в 1966 году.

Б. ТРАВЕН,
немецкий писатель

СОКРОВИЩА СЬЕРРА-МАДРЕ

РОМАН

— Почему вы живете в «Кливленде», дружище? — спросил Доббс Куртина. — Ведь там вы платите не меньше трех песо за ночь.

— Четыре, — ответил Куртин.

— Так перебирайтесь ко мне, в «Осо негро», больше пятидесяти сентаво с вас не возьмут.

— Чересчур там грязно, полно разных прохиндеев и бичкомберов.

— Ваше дело. Когда деньги кончатся, очутитесь в «Осо негро», как мы все. Думаете, мне там сладко? Но я хочу попридержаться кой-какую мелочь. Кто знает, когда удастся опять подработать. Я и есть хожу, как прежде, к Чинку — за полста сентаво...

Они подошли к самому углу площади, к большому ювелирному магазину «Ла перла». Остановились, залюбовавшись выставленными в витрине драгоценностями. Золото и бриллианты так и сверкали на солнце. Возможно, именно эти драгоценности и отвлекли их от привычных мыслей о нефти. Ибо все, кто здесь жил, думали только о нефти, все мерили нефтью и мечтали о тех удобствах в жизни, которые каким-то образом связаны с нефтью. Работал ли кто или занимался биржевыми спекуляциями — все было завязано на нефти.

— Что вы вообще-то собираетесь делать, Куртин? — спросил Доббс по некотором размышлении. — Стоять тут да ждать, не перепадет ли тебе случайно что-нибудь, — тоска смертная. Ждать, ждать, и конца этому нет. А денежки-то упрямо уходят и в один прекрасный день кончатся вовсе. Тогда начинай снова дуть в старую дуду, знай выклянчивай деньги у тех, кто на день или на ночь вернется сюда с нефтяных полей. Нет, серьезно, я подумываю, как бы на сей раз не опросто-волоситься. Сейчас, когда есть еще деньжата, самое время взяться за ум. Когда их не будет, станешь как пришибленный — и ни с места.

— Этот же вопрос мучает и меня, — ответил Куртин. —

Я знаю, что здесь к чему и как оно бывает. Но никакой идеи у меня нет. Разве что отправиться копать золотишко, другого выхода я не вижу.

— Вы всерьез так считаете? — перебил его Доббс. — А ведь вы вроде мои мысли отгадали! Риска в этом не больше, чем ждать удачи на нефтяных полях. Вряд ли есть другая страна, где столько золота и столько серебра лежат себе и ждут, что их откопают!

— Давайте-ка пройдемте вон туда, посидим на скамейке, — предложил Куртин. — Я вам вот что хотел сказать: я сюда подался не из-за нефти, а из-за золота, — начал он, когда они сели. — Решил поработать немного на нефтяных полях, поднакопить денег, чтобы отправиться на охоту за золотом. Станет это не в ломаный грош. И на проезд надо, и за лопаты выложу, и за кирки, и за сковороду, и за другой инструмент. И потом на жизнь надо, от четырех до восьми месяцев пройдет, пока что-нибудь заработаешь. А может быть и так, что подсчитаешь — прослезись. Все в минусе: и деньги, и труд, потому что ничего не нашел.

Доббс ждал, что Куртин скажет еще, но тот умолк, будто говорить было больше не о чем.

— Риск не так и велик, — начал, в свою очередь, Доббс. — Шляться здесь и ждать работу — риск не меньший. Кому повезет, заработает в месяц долларов триста, а то еще больше, и так шесть, десять, восемнадцать месяцев подряд. А нет счастья, не подвернется работа, останешься без гроша. Золото, оно тоже кучами не валяется и здоровенными кусками тоже, так что только давай поддевай лопатой и вали в мешок. Это и мне известно. Но если не золото подвернется, может быть, серебро, а не серебро, так, может, медь, или свинец, или камни какие хорошие.

Ни у кого из нас мысли не рождаются только для того, чтобы в одной голове и остаться, ни одна оригинальная идея не рождалась для того, чтобы остаться невысказанной. Любая новая идея — продукт кристаллизации тысячи разных идей, появившихся у людей. Вдруг один из них находит нужное слово или подходящее выражение для новой идеи. И как только слово отыскивается, сотни людей припоминают, что подобная мысль им уже давно приходила в голову.

Когда Доббс вернулся в «Осо негро», то застал в ночлежке троих американцев. Остальные постели были в эту ночь не за-

няты. Один из вновь прибывших был человеком пожилым, с начавшими седеть волосами.

Когда Доббс появился в комнате, все трое умолкли. Но некоторое время спустя разговорились вновь. Сначала Доббс не понимал, о чем они ведут речь. Потом вдруг сообразил: старик рассказывает о том, как в молодости искал золото. А оба парня приехали сюда, чтобы найти золото; в Штатах они слышались разных небылиц о том, что в Мексике золото валяется под ногами.

— Золото — вещь проклятая, — говорил старик Говард. — Оно корежит характер. Сколько бы у тебя его ни было, сколько бы ты его ни нашел, пусть даже столько, что и унести не в силах, всегда думаешь, как бы собрать еще больше. И ради того, чтобы прибавить, перестаешь различать, где ты прав, а где нет. Собираясь в путь и говоришь себе, что тридцати тысяч долларов с тебя хватит. Если ничего подходящего не находишь, скостишь потолок до двадцати, потом до десяти, заявляешь даже, что тебя и пять тысяч вполне устроили бы, лишь бы заполнить их, хоть и тяжелым трудом. Зато если найдешь, то никакие тридцать тысяч, которые ты себе за предел положил, тебя не устроят, и ты все завышаешь и завышаешь ставку: сперва до пятидесяти, потом до ста и двухсот тысяч. А там и начинаются неприятности, там тебя так и начинает мотать туда-сюда, пока всю душу не вытрясет.

— Со мной такого не случится, — сказал один из парней. — Со мной — нет, готов поклясться. Десять тысяч — и точка. И точка, даже если этого добра там останется на полмиллиона.

— Кто сам не бывал в деле, — рассудительно продолжал Говард, — тот не поверит. От игорного стола отойти легко, а вот пооди отойди от кучи золота, которую только возьми — и она твоя. Никто не отойдет! Я копал на Аляске и находил его, я копал в Британской Колумбии, в Австралии, в Монтане, в Колорадо. И, бывало, сколачивал деньжищу. Ну а теперь сижу с вами в «Осо негро» на нуле. Последние пятьдесят тысяч просадил на нефти.

И старик принялся рассказывать разные истории о золотоискателях, которые случайными гостями «Осо негро» и ей подобных ноцлежек выслушиваются с куда более острым вождением, нежели похвальба о любовных похождениях.

— Слышали вы историю о шахте «Зеленая вода» в Нью-Мехико? — спросил Говард. — Наверняка нет. Зато я знаком с Гарри Тилтоном, а он был там, и от него-то я ее и знаю. Отправившись, значит, компания человек в пятнадцать счастье искать. Шли они не наобум. Давным-давно ходили слухи, что где-то в долине есть богатейший золотой рудник, который в старину открыли мексиканцы. Они там добывали золото, а потом на их место явились испанцы — после того, конечно, как подвергли их страшным пыткам: вырывали языки, мозжили черепа, ну, и вообще по-всякому проявляли свою христианскую любовь к ближнему, пока, в конце концов, мексиканцы не выдали им местонахождение шахты.

Совсем неподалеку от шахты, в окантовке из гранитных глыб, плескалось крохотное озеро. Вода в нем была зеленая, как смарагд. Поэтому шахту и прозвали «Зеленая вода», Ла Мина дель Аква Верде. Богатейшая шахта! Золото в ней залегалось толстенными жилами. Бери, не намучаешься!

Однако мексиканцы прокляли шахту, так, по крайней мере, утверждали испанцы, потому-то все имевшие отношение к шахте и отдали богу душу. Кого ядовитая змея укусила, кто от лихорадки помер, а кто от других кожных заболеваний или болезней, причины которых никто установить был не в силах. А в один прекрасный день шахта исчезла. И не нашлось ни единого человека, указавшего бы, где она только что находилась.

Ну, раз не приходили больше ни сообщения с шахты, ни золото оттуда, испанцы снарядили экспедицию. И хотя шахта была точно обозначена на картах и дорога к ней не заросла, обнаружить ее никому не удалось. А ведь как будто найти ее проще простого. Там, значит, есть три крутые горные вершины, причём все они как бы выстроились в затылок одна к другой, по прямой. И если ты идешь по травке вдоль дороги, увидишь еще четвертую горную вершину, вид у нее какой-то чудной, и к тем трем она стоит под углом; ты совсем рядом с шахтой и пройди стороной — не пройдешь. Но хотя искали несколько месяцев напролет, не нашли ни шахты, ни горного озера. Было это в 1762 году. Но из памяти всех тех, кто интересовался золотоносными шахтами, богатейшую «Зеленую воду» время не вычеркнуло.

Когда американцы аннексировали Нью-Мехико, нашлось немало желающих отыскать эту шахту. И многие из них не вернулись. А те, что вернулись, свихнулись от напрасных поисков и галлюцинаций, которые преследовали их во время блужданий по скалистому ущелью.

А еще позже, в середине восьмидесятых годов, мне кажется, это было в 1886 году, несколько человек опять решили попытаться счастья, как раз те самые пятнадцать. У них были при себе списки со старых донесений и копии старых испанских карт.

Четыре горные вершины — чего уж проще! Но сколько раз они ни брали за направление движения этот ориентир, с какой точностью ни следовали по избранному маршруту, шахты не было и в помине. Они разделились на «колонны» по три человека в каждой, чтобы идти по дугам бóльших окружностей. Запа-сы пиши истощались, но мужчины не падали духом.

Уже вечерело, когда одна из колонн собралась подкрепить-ся ужином. Костер горел, но кофе никак не вскипал, потому что слишком сильный ветер охлаждал кофейник. Тогда один из них решил переложить костерок пониже. Начал копать, и, когда дошел до глубины фута в полтора, наткнулся на кость. Он отбросил кость в сторону, не разглядывая ее, и перенес горящие сучья в яму, предварительно позаботившись и о канавках для тяги.

Когда колонна сидела за ужином, кто-то случайно взял кость в руку и принялся что-то рисовать ею на песке. А тут его сосед и скажи: «Дай-ка я взгляну на эту кость». И немного погодя сказал: «Да ведь это плечевая кость человека. Откуда она у тебя?»

Тот, что выкопал яму для костра, объяснил, что наткнулся на нее в песке.

— Тогда и весь скелет здесь лежит, — раздумчиво проговорил другой.

Тем временем совсем стемнело. Все укутались в свои одеяла и легли спать.

На другое утро тот, что нашел плечевой сустав, — назову его Биллом, потому что не знаю, как его звали, — так вот этот самый Билл и говорит:

— Там, где была эта кость, лежит и весь скелет. А ночью мне в голову одна мысль пришла... Откуда бы этому скелету тут взяться, вот что меня интересует.

— Очень просто. Убили тут кого-то. Или умер кто с голоду, — сказал один из троих.

— Это, конечно, возможно, — ответил Билл. — Мало ли кого сюда заносило. Не верится мне только, что убили кого-то именно здесь или что именно здесь кто-то с голоду помер. И вот я о чем подумал: а что, если шахту засыпало песком во время песчаной бури, или завалило камнепадом, или землетрясение тут было, или еще что-то — короче, накрыло ее. Из испанцев никто не вернулся; надо думать, их тоже засыпало. Где-то поблизости от шахты. Хотя с таким же успехом эта плечевая кость вполне могла принадлежать и человеку, который появился сюда немного раньше нас и погиб, и с таким же успехом — засыпанному испанцу. Если мы здесь обнаружили одну кость, значит, найдем и остальные, которые, может быть, выведут нас на шахту. Думаю, нам стоит покопать вокруг костровой ямы.

Они принялись копать и в самом деле нашли все остальные кости скелета. Начали копать вокруг и нашли второй. А потом и третий и разобрались, в каком направлении шел камнепад. Следуя ему, они раскопали разный горный инструмент и наткнулись наконец на слитки золота, явно засыпанные породой.

— Теперь мы знаем, где была шахта. А дальше что? — спросил Билл.

— Позовем остальных, — ответил другой.

— Я давно понял, что ты осел, — сказал третий, — но не гадавался, что ты еще и олух царя небесного. Держать язык за зубами — вот что нам надо! Через несколько дней вернемся в город вместе с остальными. А недельки через две прибудем сюда втроем и раскопаем шахту.

На том все трое и порешили. Подобрал несколько самородков, они спрятали их, чтобы купить на них в городе хорошее снаряжение. А там, где копали, все снова засыпали землей и тщательно разровняли. Но прежде чем они успели все закончить, появилась другая колонна. Вновь пришедшие с недоверием поглядели на кучки свежесвернутой земли, и один из них поинтересовался:

— Эй, парни, вы, никак, нечистую игру затеяли? Хотите не допустить нас к святому причастию?

Те трое божилась, что ничего не нашли и что о крапленых картах и думать не думали. Началась перебранка. И тут появились еще две колонны, будто слова первой троицы по воздуху донесли и до них. Первая колонна и вторая были уже близки к тому, чтобы сговориться и заключить союз, по которому три остальные колонны остались бы с носом, но тут, почти одновременно, две из них и появились.

Теперь вторая колонна отказалась от заключенного почти сговора и обвинила первую в измене. Одного из золотоискателей послали за последней группой. И когда та подоспела, стали держать совет. Сошлись на том, чтобы повесить всех троих из первой колонны — за намеренное сокрытие найденного.

И повесили их. Никто возражать не стал: как-никак отпадали три пая, которые теперь полагалось разделить между оставшимися.

Взялись за кирки и лопаты и вскоре шахту вскрыли. Это действительно был источник неиссякаемый. Но некоторое время спустя начались такие трудности с продовольствием, что пятерых пришлось послать за продуктами.

Гарри Тилтон, от которого я узнал эту историю, сказал тогда, что доволен тем, что пришлось на его долю на тот день, и потому хочет уйти вместе с пятеркой, отправлявшейся за съестными припасами. Гарри взял свою долю и ушел. В банке ему за это золото выложили двадцать восемь тысяч долларов. Он себе на эти деньги купил ферму, где и осел навсегда.

Пятеро, которых послали за продовольствием, купили выючных лошадей, самый лучший инструмент, вдоволь съестного и застолбили участок.

Однако, вернувшись к шахте, они нашли лагерь сожженным, а товарищей своих убитых или, точнее говоря, пораженныхми стрелами индейцев. К золоту индейцы даже не прикаснулись. Похоронив мертвых товарищей, пятеро вновь приступили к работе в шахте.

Но прошли какие-то три или четыре дня, и индейцы появились вновь. Их было больше шестидесяти человек. Не раздумывая долго, они бросились в атаку и убили всех пятерых. Правда, одного они убили не до смерти, а только покалечили. Когда сознание вернулось к нему, он пополз. Полз дни, недели. Он сам не помнил, как долго полз. Его нашел и привез в свой дом какой-то фермер. И тот рассказал ему обо всем, что пережил. Но потом умер от ран, так и не успев объяснить точно, где все это произошло.

Фермеры из тех мест, где умер этот человек, собрались в путь, на поиски золотой шахты. Много недель искали, но не нашли ее. Гарри Тилтон, обосновавшийся в одном из северных штатов, ничего о происшедших здесь событиях не знал. Да он и не думал о прошлом, жил в свое удовольствие на ферме и считал, что все его товарищи, вместе с которыми он искал золото, стали богатыми и благополучными людьми, которые заполучили достаточно золота и ушли на Запад. Сам по себе человек молчаливый, в присутствии других он как-то упоминать, что деньги свои заработал на золотых приисках. Но в этом не было ничего удивительного. И поскольку он ничего не приукрашивал, а, если уж речь заходила о временах, когда он искал золото, говорил очень просто и без затей, то об этой богатой шахте вскорости совсем забыли.

Однако впоследствии стали поговаривать, будто Тилтон скотил свои деньги за какие-то несколько дней. Он этого и не отрицал. И люди сделали вывод, что то место, где он нашел золото, должно быть невероятно богатым. Бесчисленные искатели счастья упрямили Тилтона нарисовать план, по которому можно было бы найти шахту. Что он в конце концов и сделал. Но ведь минуло не меньше тридцати лет с тех самых пор, и на память свою он уже полагался не во всем. Я был в одной из групп, которые вышли в путь с его картой в руках.

Мы обошли все те места, что обозначил Тилтон. Только самой шахты не нашли. Может, ее снова завалило камнепадом, или засыпало после землетрясения, или индейцы замели все следы, да так ловко, что ничего не углядишь.

— Да, если бы найти такую шахту, — подытожил Говард, — больше никаких забот не знать. Но кто-то, может быть, всю жизнь искать будет, а ничего не найдет. Это уж как водится. Но если ты занялся подходящим делом и тебе повезло, значит, ты вышел на свою «золотую шахту». Я, к примеру, хоть и состарился уже, всегда рад стараться, если речь пойдет о золотике. Но тут, как и в любом другом деле, нужен капитал.

История, которую рассказал Говард, ничем не отпугивала и ничем не воодушевляла. Обычная золотоискательская история, безусловно правдивая, но звучащая как сказка. Надо сказать, все истории, в которых повествуется о быстром обогащении, звучат сказочно. Но чтобы победить, нужно рискнуть. Кто хочет иметь золото, должен добыть его. И в ту ночь Доббс решил, что пойдет искать золото, даже если у него в кармане будет всего-навсего перочинный нож.

И только один вопрос, один-единственный, оставался в его планах неясным. Одному ему пойти, или с Куртином, или со стариком Говардом, или же с Куртином и Говардом?

На другое утро Доббс пересказал Куртину историю, услышанную от Говарда. Куртин выслушал ее с благоговейным вниманием. После долгого раздумья он сказал:

— Я считаю, это правдивая история.

— Ну, конечно, правдивая. Отчего бы ей быть лживой?

— Лживой? — переспросил Куртин. — Я ничего такого не говорил. Сама по себе история не выдумана. Я читал целые горы подобных историй в журналах, где о таких штуковинах пишут. И даже если в этой все и выдумано, то в одной части она правдива — это там, где трое парней пытаются обвести всех остальных вокруг пальца и оставить их на мели.

— Точно! — Доббс кивнул. — Где золото, там и это его проклятье.

Едва успев сказать это, он сразу понял, что еще час назад ни за что не произнес бы таких слов — ему и в голову не приходила мысль о проклятье золота.

Куртин не испытал подобной перемены воззрений. Может быть, только потому, что сомнения не посетили его столь неожиданно, как Доббса.

Это внутреннее переживание, эта минута в жизни Доббса провела невидимую черту между двумя мужчинами, хотя они этого и не осознавали. Это была та линия, которая разделяла мир их чувств. И отныне каждый из них преследовал в жизни иную цель.

— Проклятье золота? — возразил Куртин. — Не вижу, в чем оно, это проклятье? С тем же правом можно говорить и о счастье, благословении. Все зависит лишь от того, в чьих оно руках. Проклятье или счастье зависит от характера человека, обладающего золотом. Дай негодю в руки камни-голыши или высохшую губку, он и их использует для какой-нибудь подлости.

— Алчность — единственная черта характера, которую золото развивает в своем хозяине. — Доббса удивило высказанное им самим суждение. Оно показалось ему чужим. Но он внушил себе, что произнес эти слова только из чувства противоречия Куртину.

— Весь вопрос сводится к одному, — сказал Куртин. — В самом золоте никто не нуждается. Если я смогу убедить кого-то, будто у меня полно золота, я добьюсь того же, как если бы оно у меня было. Ведь не столько золото изменяет людей, сколько власть, которую они с помощью золота обретают, — вот почему люди так возбуждаются, едва завидев золото или даже услышав о нем.

— А стал бы ты предавать друзей, чтобы самому завладеть всем золотом, как попытались эти трое?

— Сейчас я этого сказать не могу, — ответил Куртин. — Я не верю, что найдется хоть один человек, который точно знает, как бы он поступил, если бы ему выпал случай завладеть одному всем золотом, оставив всех остальных. Я совершенно уверен, что почти каждый поступил бы иначе, чем мысленно представлял себе это, когда на его долю действительно выпало бы много золота или он увидел возможность завладеть им с помощью одного мновения руки.

Глядя на дымок только что закуренной сигареты, Куртин немного помолчал, а потом проговорил:

— А я сделал бы как Тилтон. Это дело верное, и после этого незачем ни вкалывать до седьмого пота, ни шляться с бурчащим от голода желудком. Меня устроила бы малая толика — я тут же отправился бы восвояси. А другие, по мне, пусть колошмятат друг друга.

Когда прошло три дня, а никаких шансов получить работу не появилось и все очень даже смахивало на то, что ее не появится и в ближайшие три месяца, Доббс сказал Куртину:

— Пойду за золотом. Даже если придется идти одному, пойду. Тут ли подыхать, или в серре у индейцев — для меня что в лоб, что по лбу. Пойду — и все.

— Я только что то же самое хотел предложить тебе, —

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

сказал Куртин.— Я теперь на все готов, хоть в конокрады пойду!

— Значит, у тебя и впрямь нет другого выбора?

— Мы можем отправиться в путь хоть завтра.

Доббс задумался ненадолго, потом сказал:

— Я считаю, что стоит взять с собой старика Говарда. Спросим его вечером, какого он обо всем этом мнения.

— Говарда? На кой черт? Он слишком стар. Как бы не пришлось тащить его на спине.

— Стар-то он стар,— согласился Доббс.— Но вынослив и тягуч, как вареная подошва от сапог. Случись что, он потянет больше, чем мы с тобой, вместе взятые. Сразу признаюсь, я почти ничего не смыслю в золотоискательстве и даже не представляю толком, как выглядит это самое золото, когда оно лежит перед тобой. А у Говарда опыт, он и сам копал, и состояние себе на этом сделал. Даром что прогорел на нефти. Иметь рядом такого опытного волка — это наполовину залог успеха. Да и как знать: может, он и не согласится идти с нами.

— Спросим — и все тут! — закончил Куртин.

Они отправились в «Осо negro». Говард лежал на постели и читал разбойничьи истории в «Вестерн стори мэгэзине».

— Я? — встрепенулся он.— Что за вопрос? Конечно, пойду. Когда идут по золото, без меня дело не обойдется. У меня в банке есть еще триста долларов. Двести я вложу в наше предприятие. Это мои последние!.. Когда они кончатся — я гол как сокол. Но рисковать-то надо!

Ночным поездом они выехали в Сент-Луис. А оттуда следующим поездом поехали в горы, в Дуранго.

Здесь они принялись изучать карты и примеряться к местности.

— Там, где ходят поезда, нам незачем даром терять время,— деловито проговорил Говард.— Где есть железная дорога, где проложены хорошие шоссе, любой уголок в округе вылизан. Найти что-нибудь можно только в глухомани. Там, где ни одной тропки нет, куда не отважились заглянуть геологи,

где ни один человек не знает, что такое автомобиль,— вот куда нам надо пробираться. Именно такое местечко мы и должны отыскать.— Он пошарил глазами по карте и проговорил наконец:— Примерно вот здесь. Не обязательно, чтобы мы сразу попали в самую точку. Но когда придем на место, всем разуть глаза. Только это и требуется. Я знал когда-то одного парня, тот просто чуял золото, как жаждущий осел чуёт воду и тянет к ней.

— Все верно,— сказал Доббс.— Я как раз вспомнил, что мы собирались спуститься в ближайшую деревеньку, чтобы купить ослов и навьючить их.

Куртин и Доббс очень скоро сообразили, что без старика Говарда они были бы как без рук. Золото на поверхность не выпрыгивает и глыбами не валется, о него не споткнешься. Нужно научиться видеть его. Можно пройти мимо и ничего не заметить. Но Говард — тот видел, даже если обнаруживал поблизости чуть заметный его след. Стоило ему приглядеться к местности, и он уже знал, может тут оказаться золото или нет, стоит ли отвязывать заступы, лопаты и лоток, взять пару лопат песка и промыть. Когда Говард начинал тыкать в землю заступом, копаться в ней, а тем более промывать на сквородке, значит, это благодатная почва и в ней почти наверняка отыщется золото. Четыре раза они уже находили его. Но количество, которое удавалось намыть, оказывалось совсем незначительным.

Как-то утром тропка, по которой они двигались, сузилась до предела. Тяжело дыша, прижимаясь к самым скалам, они с огромным трудом заставляли ослов делать шаг за шагом. Все они были чертовски плохо настроены. И при этой общей озлобленности Говард возьми и скажи:

— Да, ну и хороших же хлебников я себе подыскал, выбрав вас, ничего не скажешь. Черт побери!

— Заткни пасть! — в ярости крикнул Доббс.

— Хлебники что надо,— холодно, с издевкой повторил Говард.

У Куртина на языке вертелось злобное ругательство. Но прежде чем он успел дать залп, Говард сказал:

— Вы оба такие дураки, такие дураки набитые, что вам не дано увидеть миллионы, даже если вы будете топтаться на них обеими ногами.

Оба молодых, шедших впереди, остановились. Они не могли взять в толк, издевается над ними Говард или это у него после тягот последних дней припадок слабоумия.

А Говард глядел на них с улыбкой и совершенно спокойно, без видимого волнения, проговорил:

— Вы прогуливаетесь себе по живому, чистому, сияющему золоту и даже не замечаете этого. Я до конца моих дней буду ломать голову, с чего это мне вздумалось пойти на поиски золота с такими вонючими недоносками, как вы. Хотел бы я знать, за какие такие мои прегрешения должен терпеть вас рядом.

Доббс и Куртин в явном недоумении устались себе под ноги, потом поглядели друг на друга, а потом на Говарда; по выражению их лиц нельзя было сказать точно, они ли начинают понемногу трогаться умом или считают, что это Говард свихнулся.

Старик нагнулся и поднял пригоршню песка.

— Известно ли вам, что у меня в руке? — спросил он. И, не дожидаясь ответа, добавил:— Это платажное дерьмо, или, если вы меня не поняли, золотая пыль. И ее здесь столько, что нам всем троим не утащить ее на наших спинах.

— Дай посмотреть,— закричали оба сразу и заторопились к нему.

— Вам незачем идти ко мне! Вам стоит только нагнуться и поднять, вы увидите ее и почувствуете у себя на ладони. Не веря ему, они тоже подняли по пригоршне песка.

— Ну, увидеть вы, положим, ничего не увидите, гляделки у вас не те! Но по весу, наверное, осятете, что к чему...

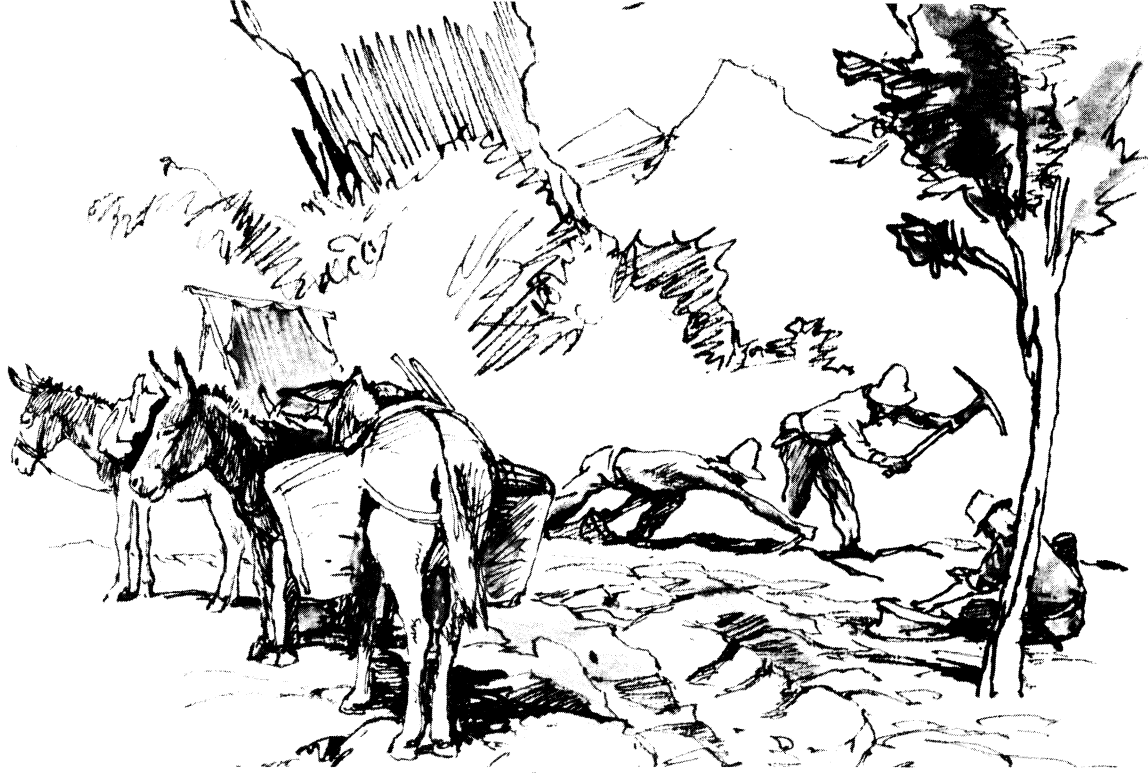
— Твоя правда! — воскликнул Доббс.— Теперь и я вижу! Можем прямо сейчас набить мешки и возвращаться восвояси.

— Это мы, конечно, можем,— сказал Говард и кивнул.— Но это для нас дело пока невыгодное.

Усевшись на землю, Говард сказал:

— Сходите-ка, принесите для начала два ведра воды. Сделаем пробу на процентное содержание.

Тут-то и началась настоящая работа. Сперва поиски воды. А когда ее нашли, оказалось, что источник метров на сто

пятьдесят ниже по склону и подтаскивать ее действительно придется ведрами. Стаскивать песок вниз и мыть прямо у воды — много труднее да и времени займет больше.

Они оборудовали лагерь, соорудили качающиеся лотки для стока песка и слепили резервуар для воды, который тщательно уплотнили известью и глиной, и потеря воды сделалась незначительной. Две недели спустя они смогли перейти к производительному труду.

Да, это был труд! Тут ни убавить, ни прибавить. Они надрывались, как обезумевшие от страха каторжники. Днем было страшно жарко, а ночью ужасно холодно.

— Так я не надсаживался никогда в жизни, — сказал Куртин однажды утром, когда Говард растолкал его еще до восхода солнца.

Но все-таки он поднялся, оседлал осла и приволок столько воды, сколько требовалось на целый день, хотя до семи утра у него и маковой росинки во рту не было. Когда они потом все трое сидели и завтракали, Говард сказал:

— Иногда я всерьез задумываюсь вот над чем: что вы, вообще-то говоря, представляли себе под поисками и добычей золота, а? Я уверен, вы думали, что достаточно будет нагнаться и поднимать золотые самородки, которые валяются под ногами, как камни, потом набить ими свои мешки и разойтись по домам. Будь оно все так просто, золото и стоило бы не дороже гравия.

Добс что-то пробурчал себе под нос, а несколько погодя сказал:

— Но должны же быть места, где оно погуще, где не надо столько надрываться, чтобы сбить унцию?

— Эти места есть, но встречаются так же редко, как и главный выгрыш в лотерее, — ответил старик. — Я бывал в таких местах, где жилы выходили прямо на поверхность и где парни выковыривали или выбивали киркой куски золота с орех величиной. Я видел, как кому-то удалось за день добыть три, четыре, восемь фунтов. А потом я видел, как на том же месте четверо мужчин из-за каких-то пяти фунтов мордовались до смерти три месяца подряд. Вы уж мне поверьте на слово: промывать богатый песок — самое верное дело. Работа тяжелая, но, отбыв на ней свои восемь-десять месяцев, можно потом положить в карман вполне приличную сумму. А если выдержишь лет пять, не будешь знать забот до конца дней своих. Чаще всего поле совершенно истощается уже через несколько месяцев, и приходится снова отправляться в путь на поиски другого, «молодого» поля.

Оба молодых представляли себе золотоискательство делом куда более легким. С этой мыслью им предстояло прощаться ежедневно и ежечасно. Копаи и копаи с восхода и до захода солнца на дьявольской жаре. Потом насыпай и насыпай, наклонный стол и тряси, и просеивай. И повторяй все это по три, по

четыре, по пять раз. И снова все — на наклонные сковороды-лотки, потому что песок вышел недостаточной чистым.

И так день за днем, без перерыва. Они не могли уже ни выпрямиться, ни лечь и ни сесть — так болела спина. Руки их превратились в когтистые лапы, пальцы больше не разгибались. Они не брились и не подстригали волосы. Для этого они слишком уставали да и не придавали больше значения таким вещам. Когда рвались рубашки, они зашивали их лишь в том случае, если иначе они просто свалились бы с тела.

Воскресных дней не было; день отдыха, который они себе позволяли, требовался для того, чтобы кое-как подправить примитивные механизмы, искупаться, подстрелить птицу или горного козла, подыскать новое пастбище для ослов, спуститься в индейскую деревушку и купить там яйца, растертую кукурузу, кофейные зерна, табак, рис и бобы. Если удавалось получить все это, они были довольны. О муке, сале, сахаре и молоке в банках упоминалось, только когда один из них уезжал на целый день в ближайшую деревню, где иногда, но отнюдь не всегда, можно было достать столь редкостные яства. А если во время такой экспедиции удавалось разжиться бутылкой «текилы», это приравнивалось к триумфальной победе.

Обсуждался еще один важный вопрос: как быть с лицензией. Искать золото без лицензии позволено, но копать и промывать песок — нет. Заполучить лицензию стоит нешуточных трудов. Одному из них придется обратиться в правительстве, он обязан точно указать, где находится открытый им участок, и уплатить при этом приличную сумму. Да еще придется уплатить определенный процент со всего намытого. Мало того: оформление лицензии может затянуться на много недель.

И это еще не самое страшное. Самое страшное то, что, подав заявку на лицензию, они, даже будучи сверхосторожными, привлекают к себе внимание бандитов. Тех самых бандитов, которые сеять не сеют, а урожай собирают. Они сидят в засаде неделями и месяцами, позволяя другим надрываться до смерти, а потом, когда те со своим грузом соберутся в путь, нападут на них и отнимут все золото. И не только золото у них отнимут, но и ослов, и последнюю рубашку с тела. Выбраться из таких диких мест без ослов, без рубах, брюк и башмаков дьявольски трудно. Нередко бандиты признавали это и, чтобы не оставлять ограбленных в столь стесненном положении, отнимали у них напоследок и жизнь — души бандитов были исполнены сочувствия. И кто узнает, куда подевались эти бедолаги? Леса велики, глубины их неизведанны, а опасности, в них таящиеся, неисчислимы. Пойди отыщи пропавшего человека: прежде чем сами поиски начнутся, лес ничего, кроме жалких костей, от своей жертвы не оставит. Попробуй определи по такой косточке, кто был тот человек, которому она принадлежала. А банди-

ты? Они могут предстать перед военно-полевым судом. Но чтобы это произошло, их надо сначала поймать. А так как им известно, что никто им ничего не сделает, если не поймает с поличным, то для них самое милое дело пойти в банду вместо того, чтобы, не жалея сил, добывать золото, хотя его может добыть каждый, кто согласен приложить для этого свои руки.

Когда кому-то выдается лицензия, это вызывает всеобщие разговоры. Довольно часто случалось, между прочим, что не бандиты, а дельцы из больших и солидных горнорудных компаний убрали с дороги работяг-первооткрывателей. Участок несколько месяцев не разрабатывался, лицензия устаревала, компания делала заявку на новую лицензию, которая ей и выдавалась, поскольку прежние заявители утерли свои права ввиду неактивности на месте разработки.

Поэтому очень даже разумно махнуть рукой на лицензию. Если некоторое время спустя они решат оставить участок, ибо намелы золота довольно, добытое можно будет переправить в город беззаметно. Никто ни в чем этих оборванцев не заподозрит, они с чистым сердцем могут кланяться табачку у любого встречного, который покажется им бандитом или который при случае способен им стать.

Эти трое мужчин, которые сошлись здесь, никогда не были друзьями. И вряд ли они думали когда-нибудь стать таковыми. Они, если подобрать самые добрые слова, деловые друзья и сплотившись исключительно с целью наживы.

Совместный труд, общие заботы, общие надежды, общие разочарования, связывавшие троих мужчин в течение месяцев, прожитых вместе, должны были — если верить премудростям социологии — сделать их друзьями. Ведь они стали товарищами по оружию, а это более тесная «фронтальная» дружба, чем та, что возникает на войне. Сколько уже раз случалось, что Говард спасал жизнь Доббсу, Куртин — Говарду, а Доббс — Куртину; вдобавок Доббс спас сперва Говарда, а потом и Куртина от удущья. Чего только не случилось! И каждый был в любую секунду готов помочь другому, жертвуя своими костями и даже собственной жизнью, лишь бы вытащить свалившегося в пропасть. Да, каких только случаев не было! Однажды подпиленное дерево повалилось слишком рано, и Доббс принял его на свое плечо, изменив направление падения, не то оно разможило бы голову Куртина. Ну и вид был потом у этого плеча!

— Это у тебя здорово получилось, Доббс, — сказал Куртин. И только. А что еще говорить?

Две недели спустя обрушилась штольня. И Куртин вытащил Доббса оттуда, хотя над ним самим нависла тяжелая укосина каменистого грунта, которая в любой момент могла рухнуть и погребсти под собой Куртина; и тогда Говард, пробивавшийся в штольню с другой стороны, в любом случае опоздал бы с помощью, он даже не догадался бы, куда они оба подевались.

Когда он вытащил Доббса на поверхность и тот пришел в сознание и отдышался, то сказал:

— Если бы вы лишний раз поплевали на руки, мне не пришлось бы уже сплевывать на этот холм.

Он отплеывался: весь рот был забит землей.

В подобных случаях лишние слова не произносились. Это стало как бы негласной службой, которую каждый взялся отслужить другому. Но служба эта и взаимопомощь не сблизили их. Другими они не стали. И не стали бы друзьями, доведись им хоть десять лет спасать жизнь друг другу.

Каждый вечер, еще при свете дня, дневная добыча тщательно оценивалась, делилась на три части, и каждый забирал себе свою. Так оно сложилось с самого начала как бы само собой.

— Лучше всего, если мы будем делиться вечером, после работы, и каждый возьмет свою пайку себе, — это предложил Куртин, когда работа начала приносить плоды.

— Тогда, по крайней мере, мне не придется быть вашим казначеем, — сказал Говард.

Оба молодых сразу вскинулись:

— Мы не договаривались, что все добро будет на твоём попечении, ни словом об этом не упоминали. Это еще большой вопрос, доверили бы мы его тебе.

— Вы, случайно, не свихнулись? — рассмеялся Говард.

Обиженным он себя не чувствовал. К таким перепадам в настроении он привык и не нервничал по пустякам. Потому добродушно и сказал им:

— Просто я подумал, что из нас троих самое большое доверие вызываю я.

— Ты? — вскричал Доббс. — А мы кто такие? Беглые карторжники, что ли?

А Куртин добавил:

— Откуда мы знаем, какую жизнь ты прожил?

Но хорошее настроение не покидало Говарда.

— Конечно, вы этого не знаете. Только я думаю, что здесь, в горах, среди нас все прошлое не считается. Я никого из вас не спрашиваю, откуда он родом и где провел в кротости и невинности свои годочки. Это было бы в высшей степени невежливо. Зачем понуждать людей ко лжи. Здесь, на дикой природе, ни одной твари дела нет до твоего прошлого, и никакой обман не спасет. Наверем ли мы друг другу с три короба или повинимся в запятнанном кровью прошлом, все это ни цента не стоит. Но среди нас троих я здесь единственный, кто вызывает доверие.

Куртин с Доббсом ухмыльнулись. Но прежде чем они успели обложить его отборнейшей бранью, Говард продолжил:

— И нечего трепыхаться. Я вам правду говорю. Здесь только голая правда в цене. Мы могли бы дать наше добро на сохранение тебе, — он поглядел на Доббса. — Но когда я иду в лес тесать подпоры, а Куртин верхом отправится в деревню за провизией, ты соберешь вещички и отчалишь.

— Это подлость — говорить такие вещи, — набылчился Доббс.

— Пожалуй, — спокойно согласился Говард. — Но думать об этом — та же подлость. Ты был бы первым человеком, которого я встретил на своем пути и который не стал бы об этом думать. Смыться, прихватив добро остальных, — это, я вам сразу скажу, не подлость, а по здешним понятиям — самая обыкновенная вещь. И дурак, кто этого не делает. У вас просто кишка тонка признать это. Но давайте погодим, пока у нас на круг не наберется фунтов пятьдесят, тогда я погляжу, о чем вы будете думать. Вы не хуже и не лучше других парней. Вы совершенно нормальные люди. И если вы меня однажды привяжете к дереву и дадите околет, чтобы завладеть моим добром, вы поступите так же, как поступил бы всякий, если ему вовремя не пришла в голову мысль: а вдруг эта игра, в конце концов, не окупит свеч? Мне с вашим добром далеко не уйти. Мои ноги не держат меня как следует. Вы догнали бы меня через какие-то часов двенадцать и без угрызений совести повесили на первом попавшемся дереве. Мне одному некуда деться, я с вами повязан.

— Если хорошенько поразмыслить, — сказал Куртин, — ты прав. Но в любом случае будет лучше, если мы начнем рассчитывать каждый день вечером, и пусть каждый сам сторожит свою долю. Тогда каждый сможет уйти, когда пожелает.

— Не имею ничего против, — сказал Говард. — Очень даже недурная затея. Каждый из нас будет думать только о том, не пронюхал ли кто о его тайнике.

— Что за мерзкий характер у тебя, Говард! — сказал Доббс. — Вечно ты подозреваешь всех в разных подлостях.

— Тебе не обидеть меня, парень, — ответил Говард. — Я в людях разбираюсь и знаю, на какие милые поступки они способны и о чем они думают, когда запахнет золотом. По сути дела, все люди становятся одинаковыми, когда в игру вступает золото. Все подличают одинаково. Разве что опасаются, что их схватят за воротник — тогда начинают осторожничать, изворачиваться и лгать. Здесь, на природе, им ни к чему прикидываться, здесь дело всегда выглядит и проще и понятнее. Простым донельзя. В городах люди подвержены сотням соблазнов, но видят и тысячи барьеров на пути к ним. А здесь есть лишь один барьер — жизнь другого человека. Остается решить для себя всего один вопрос.

— Какой? — спросил Доббс.

— И мне интересно было бы узнать, какой? — одновременно с ним проговорил Куртин.

— Остается один-единственный вопрос: не станет ли в один прекрасный день воспоминание слишком тяжелой ношей, которая способна замучить человека. Сами поступки человеку не в тягость. Душу его пожирают одни воспоминания. Да, но давайте подобьем итог. Делиться будем каждый вечер, каждый подыщет себе тайник по вкусу. Потому что когда мы намоем для начала фунтов двадцать, никто из нас все равно не сможет таскать его в кожаном мешочке на груди.

Большие усилия, вся их хитрость и изворотливость потребовались для того, чтобы хорошенько замаскировать место промывки. Лагерь, где они спали и готовили пищу, пришлось перенести на полкилометра от штольни. Сама она была так удачно

загорожена кустарником и большими валунами от того единственного места, где можно было в нее войти, что никто забредший сюда по ошибке или случайно их рабочего места не обнаружил бы. А еще неделю спустя холмы, промоины и каменные глыбы настолько поросли быстро поднявшейся вверх травой и расцветшими кустами, что даже индейцы, вышедшие на охоту, не обнаружили бы ничего подозрительного, что привело бы их к штольне.

Скрывать местонахождение лагеря они не собирались и все здесь оставляли на виду. Чтобы как-то оправдать свое в нем пребывание, расставили повсюду рамы и натянули на них необработанные шкуры убитых горных козлов и нанизали на шесть птички тушки. Любой путник принял бы их за охотников за шкурами и коллекционеров редких птиц. Это не вызвало бы ни малейшего подозрения: сотни людей занимаются этим необычным ремеслом.

Из лагеря к штольне вела потайная тропка. Чтобы ступить на нее, первые десять метров требовалось проползти на брюхе. Когда все трое оказывались на тропке, начало ее закладывали и прикрывали срезанным терновником. Когда они возвращались в лагерь, сначала долго и внимательно наблюдали, нет ли кого поблизости. Окажись там кто-нибудь, они сделали бы большой крюк и вышли бы к лагерю с другой стороны, будто возвращались с охоты.

За все время, что они тут прожили, им на глаза не попала ни одна живая душа — ни белый, ни индеец. И вообще маловероятно, что кого-нибудь занесет в эту глухомань. Но троица была слишком умной и осторожной, чтобы на одно это полагаться: того гляди станешь жертвой случая. А ведь даже дикий зверь, преследуемый охотником, не стал бы искать убежища там, где они жили или работали. Запах потного человеческого тела погнало бы его в другую сторону. А собаки в таких лесах пугливы, они стараются держаться у ноги хозяина и к чужим следам не принимают.

Каждый последующий день, проведенный тут, делал жизнь все более невыносимой. Однообразная изо дня в день еда, немудро приготовленная неловкими руками, всем опротивела. Однако приходилось ею давиться. Тоскливая монотонность труда делала его еще тяжелее: копать, просеивать, сыпать, разбирать, приносить воду, сливать и прочищать сток. Один час похож на другой, как день на день и неделя на неделю. И так шли месяц за месяцем.

С тяготами труда еще кое-как примириться можно. Сотни тысяч людей всю жизнь делают работу ничуть не менее однообразную и чувствуют себя при этом сравнительно неплохо. Но здесь действовали и другие силы.

Первые недели они провели, не осознавая толком, сколь тягостным станет их существование. Им и на мгновение не приходило на ум, что скоро их начнут терзать и пожирать силы, о происхождении которых они до сих пор даже не догадывались. На первых порах каждый день случалось что-нибудь необычное. Каждый день планировалось и приводилось в исполнение что-то новое. У каждого из них еще оставались в запасе анекдоты или истории, неизвестные двум другим. Каждый из них изучал остальных, в каждом было что-то особенное, какое-то качество, привлекательное или отталкивающее, но заслуживающее, по крайней мере, внимания.

Теперь им нечего было рассказывать друг другу. Ни у одного из них не осталось про запас хоть словечка, не надоевшего бы остальным. Они знали все слова друг друга наизусть, даже интонации и жесты, которыми эти слова сопровождались.

У Доббса была привычка во время разговора прикрывать веком левый глаз. Поначалу Говард с Куртином находили ее до предела забавной и то и дело подшучивали над ним. Но наступил один достопамятный вечер, когда Куртин сказал:

— Если ты, пес проклятый, не перестанешь все время прижимать левый глаз, я всажу тебе в брюхо унцию свинца. Тебе, каторжному отродью, очень хорошо известно, что меня это бесит!

Доббс мгновенно вскочил на ноги и выхватил револьвер. Окажись другой в руке Куртина, началась бы самая раскрепасная перестрелка. Но Куртин знал, что получит шесть пуль в живот, как только опустит руку к кобуре.

— Мне хорошо известно, откуда ты взялся, — кричал Доббс, размахивая револьвером. — Ведь это тебя отстегали плетью в Джорджи за то, что ты напал на девушку и изнасиловал ее. Ты ведь не на школьные каникулы в Мексику приехал, собачий хвост!

Побывал ли Доббс на каторге, было так же неизвестно Куртину, как Доббсу — приходилось ли Куртину побывать в Джорджи. Это они высосали из курительных трубок или вытащили из свиной поджарки, а сейчас орали друг другу в лицо, лишь бы привести в неопишемую ярость.

А Говарда это как будто не касалось, он сидел у костра и пускал на ветер густые облачка табачного дыма. Зато когда оба умолкли, исчерпав до времени запас ругательств, он проговорил:

— Парни, бросьте и думать о стрельбе. У нас нет времени возиться с ранеными.

Прошло совсем немного времени, и однажды утром Куртин толкнул ствол револьвера в бок Доббса:

— Пронеси хоть слово, и я найду, жаба ты ядовитая!

А случилось вот что. Доббс сказал Куртину:

— Да не чавкай ты без конца как хряк, которого откармливают на убой! В какой это исправительной тюрьме ты вырос?

— Чавкаю я или нет, не твое собачье дело. Я, по крайней мере, не свищу дырчавым зубом, как крыса.

На что Доббс ответил:

— Разве у крыс в Синг-Синге дырявые зубы?

Вряд ли найдется человек, который не понял бы смысла вопроса: Синг-Синг — принудительное место жительства тех граждан Нью-Йорка, которые попались с полицием. А те, кто не попались, пооткрывали свои конторы на Уолл-стрите.

Такого дружеского намека Куртин спокойно не перенес и сунул ему свой снятый с предохранителя револьвер между ребер.

— Черт бы вас побрал, — крикнул обоблившийся Говард, — вы ведете себя как недавние молодожены. Спрячь свою железку, Куртин.

— А ты чего? — взбесился Куртин.

Опустив руку с револьвером, набросился на старика:

— Ты чего тут раскомандовался, калека?

— Раскомандовался? — удивился Говард. — Я и не думал командовать. Я пришел сюда затем, чтобы намыть или добыть золото, сделать свое дело, а вовсе не для того, чтобы выслушивать брань ополумевших парней. Мы друг без друга не обойдемся, и если одного подстрелят, двое других уйдут отсюда несолоно хлебавши, двоим этого дела не поднять, а если кто и удастся спасти, то хватит только, чтобы выручить приличную поденную оплату.

Куртин спрятал револьвер в кобуру и сел.

— А я? Насчет себя я вам вот что скажу, — продолжал Говард. — Мне все это до смерти надоело. У меня нет никакого желания остаться здесь с одним из вас, я ухожу. Того, что у меня есть, мне хватит.

— Зато нам не хватит! — злобно проговорил Доббс. — Тебе, старой развалине, может, и хватит на те полгода, что тебе осталось жить. А мне — нет. И если ты надумал отсюда смыться, прежде чем мы все промоем, — мы как-нибудь сыщем такое средство, чтобы ты не смотался.

— Да прекрати этот детский лепет, старикан, — вмешался Куртин. — Если ты надумаешь бежать, мы настигнем тебя не позднее чем часа через четыре. Знаешь, что мы тогда с тобой сделаем?

— Представляю себе, тварь ты эдакая, — поддел его Говард.

— Нет, не представляешь, — оборвал его на полуслове Куртин и ухмыльнулся. — Стащим с тебя твою рухлядь и привяжем к дереву, прочно и надежно, и уйдем вдвоем, без тебя. Ты никак подумал, мы тебя уьем? Нет, не дождешься.

— Еще бы, — кивнул Говард, — от вас чего хорошего дождешься. Слишком уж вы богобоязненный народ. Моя смерть легла бы тенью на ваши по-детски невинные души. Привязать и оставить. Одного. Нет, ты подумай... Вы действительно не стоите того, чтобы в вашу сторону плонуть. А какими славными парнями вы были, когда я вас встретил там, в городе.

Некоторое время все трое сидели молча.

— А как ты думаешь, Говард, как ты думаешь, сколько мы на сегодняшний день имеем? — неожиданно спросил Куртин.

Старик задумался. Потом проговорил:

— Сразу точно не определишь. Точно сказать невозможно. Всегда остается какая-то часть нечистого металла. Но я думаю, на долю каждого приходится тысяча по четырнадцать-шестнадцать долларов.

— Тогда у меня есть предложение, — сказал Доббс. — Да-

вайте попотеем здесь еще месяца полтора, а потом свернем лагерь и — по домам!

В лагере вновь восстановился мир. Яростные стычки, подобные последней, больше не повторялись. Сейчас перед ними была определенная цель, точно обозначенный день, когда они свернут лагерь. И это в корне изменило их настроение и поведение, они не в силах были даже представить себе, что между ними вообще доходило до серьезных ссор. Теперь они с головой ушли в составление самого лучшего плана: как уйти отсюда незаметно и найти для своей добычи надежное убежище, куда им самим податься и на что употребить свои капиталы.

С приближением дня, в который они решили свернуть лагерь, они все лучше и лучше понимали друг друга. Говард и Доббс договорились даже открыты на равных паях общее дело: стать в Монтерсе или Тампико хозяевами кинотеатра и совместно им управлять. Доббс взял на себя художественное руководство: закупку фильмов, распределение сеансов, выступления перед ними, составление программ, приглашение музыкантов, в то время как Говарду отводился участок экономический — касса, оплата счетов и выдача зарплат, печатание рекламы, ремонт и оформление кинотеатра.

А Куртин не знал, как ему быть. Он колебался: то ли ему в Мехико остаться, то ли вернуться в Штаты. Он как-то вскользь упомянул о том, что у него в Сан-Антонио, в Техасе, якобы есть невеста. Но особенно о ней не распространялся.

Куртин побывал в деревенской тьенде¹ и закупил провиант. Последнюю партию провианта, которого должно было хватить до отъезда.

— Эй, друг, ты где это запропастился? — спросил Говард, когда появился Куртин и принялся разгружать вьючного осла.

— Я как раз собрался оседлать своего ослика и поехать тебе навстречу, — заметил Доббс. — Мы подумали, не случилось ли с тобой чего. Вообще-то тебе полагалось бы вернуться часа в два.

Куртин ничего не ответил, расседлал осла и подтащил мешки к огню. Потом сел, достал трубку, вытащил из мешков табак и распределил поровну, после чего сказал наконец:

— Мне пришлось здорово дать кругалю. Там, в деревне, я столкнулся с одним типом. Говорит, будто он из Аризоны.

— А здесь ему что понадобилось? — спросил Доббс.

— Вот я и хотел это узнать, — кивнул Куртин. — Но индейцы объяснили только, что он появился два дня назад и что-то вынюхивает. Расспрашивает людей, есть ли здесь шахты, есть ли золото или серебро. Индейцы объяснили ему, что шахт здесь нет, и золота нет, и серебра тоже, и вообще ничего; сами они еле-еле перебиваются — плетут маты и лепят горшки. Но потом ему какой-то дурацкий осел из тьенды напел, что где-то в горах шляется один американец, который охотится на диких животных. Он ведь не знает, что вы тоже здесь, он видел одного меня. По крайней мере, я так думаю. И потом сказал еще этому типу, что я время от времени спускаюсь за провиантом и что, наверное, появлюсь на этой неделе. Вот тогда этот парень из Аризоны и сказал, что дождет меня.

— И что, это грязное животное действительно подкарауливало тебя?

— Да, в том-то и соль. Как только увидел, так и приклеился: чем я тут занимаюсь, нельзя ли тут «сварганить дельце», не валяется ли здесь золото прямо под ногами, короче — всякой ерундой интересовался. Я смекнул, что к чему, и держал язык за зубами, почти ничего не сказал.

— Наврал, по крайней мере, с три короба?

— Это — да. Но если что и наворачивал, то осторожно, чтобы нельзя было проверить. Пустой номер. Он стоял на своем: хочет, мол, со мной в этот лагерь. Уверял меня, что здесь непременно должно быть золото. Он, мол, видит это по руслу пересохшей реки, по сбившемуся песку и по кускам горной породы.

— Он великий человек, — сказал Говард, — если по таким признакам способен понять, есть тут золото или нет.

— Ничего этот парень не знает, — вмешался Доббс. — Шпион он, я уверен. Либо шпионит на правительство — бу-

маг-то у нас нет, либо на бандитов, которые ограбят нас на обратном пути. И даже если они не о золоте думают, у нас как-никак есть ослы, одежда, револьверы и шкуры, как они считают. Все это кое-чего стоит.

— Нет, — сказал Куртин. — Я не верю, что он шпион. Думаю, он подался за золотом.

— Есть у него с собой инструмент? — спросил Говард.

— Я ничего такого не заметил. У него есть верховой мул, одеяла, кофейник, сковорода и мешок, где напиханы, наверное, всякие тряпки. Вот и все.

— Голыми руками золото никто не возьмет, — сказал Доббс. — Может, у него инструмент украли или его пришлось продать. Но нам-то как быть с этим сукиным котом?

Куртин не сводил глаз с огня. Потом сказал:

— Я его не раскусил. Не похоже на то, что он человек правительств или от бандитов. Вид у него простецкий, как будто что он говорит, то и думает. Но нам придется иметь с ним дело, пусть Доббс в этом и сомневается: он поплелся за мной.

Я сбивал его со следа как мог. Кружил по кустарнику туда и обратно. А когда оглядывал пройденный путь, видел, что дорожку к нашему лагерю он выбрал верно. Будь ты один, я отвел бы его от лагеря. Но поди сделай это, если ты при двух ослах.

— Плохо дело, очень плохо, — сказал Говард. — Будь он индейцем — полбеда. Он бы у нас не остался, побыл бы да и вернулся в свою деревню, к семье. А этот парень прицепился, как репейник. Он нухом чует — есть здесь что-то.

— Все куда проще, — сказал вдруг Доббс. — С этим парнем мы живо справимся. Когда появится, скажем, чтобы немедленно проваливал отсюда подобру-поздорову; пригрозим, что, если мы еще раз его увидим, холостыми стрелять не станем.

— Идиотская затея, — покачал головой Говард. — Он спустится вниз, наплетет там сорок бочек арестантов, может быть, даже угодит к земельным полицейским властям, и окажемся мы в дерьме по уши. С тем же успехом можешь рассказать ему, что мы каторжники, бежавшие с острова Святой Марии.

— Ладно. Тогда у нас в запасе самый простой путь, — с решительным видом проговорил Доббс. — Придет сюда — пристрелим его, и точка. Или повесим его вон на том дереве.

Некоторое время никто на это предложение не отзывался. Говард встал, проверил, поспела ли картошка, невероятная роскошь в их теперешней жизни, снова сел и сказал:

— Насчет того, чтобы пристрелить, — дурасть. Может, он ни в чем не повинный бродяга и предпочитает блуждать по привольному миру господню, воздавая молитвы творцу: он радуется всем сердцем тому, сколько вокруг красоты, а не мотается по нефтяным промыслам и не горбатится по шахтам и рудникам за шившую мзду. Пристрелить такого бродяжку без всякой его вины — преступление.

— Откуда мы знаем, что он ни в чем не повинен? А если он преступник? — возразил Доббс.

— Это может выясниться, — сказал Говард.

— Хотелось бы знать как? — Доббс окончательно убедился, что его план — лучший. — Закопаем его, и никто никогда не найдет. Если те, из деревни, скажут, будто видели, как он отправился в горы, мы скажем, что видеть его не видели, и basta. Может, вон там вот сбросить его в пропасть? Как будто он сам свалился...

— Возьмешь это на себя? — спросил Говард.

— Почему — я? Кином жребий — кому выпадет...

Старик ухмыльнулся.

— Да, и тот, кто это сделает, будет остаток жизни ползать на брюхе перед двумя другими, которые это видели. Когда один на один — еще куда ни шло. Но при наших нынешних обстоятельствах я, во всяком случае, скажу: «Нет!»

— И я скажу: «Нет!», — наконец и Куртин присоединился к разговору. — Слишком дорого это может стоить. Надо придумать что-то другое.

— А ты вообще-то совершенно уверен, что он тебя преследовал и что найдет нас? — спросил Говард.

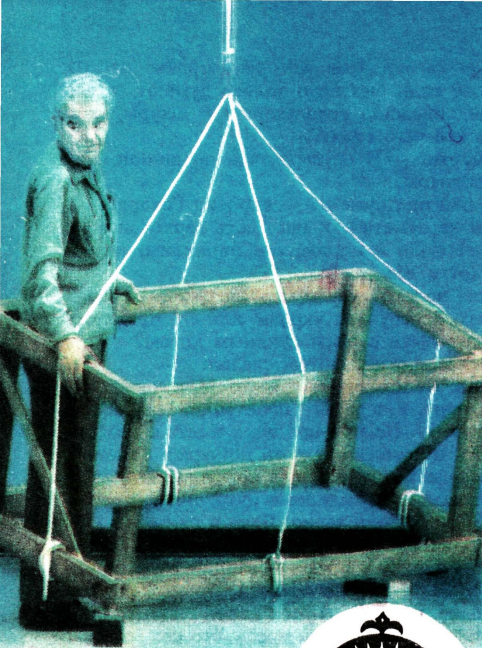
Глядя себе под ноги, Куртин задумчиво проговорил:

— Я ничуть не сомневаюсь, что он появится, что он нас найдет. У него такой вид, будто он... — Куртин поднял глаза, поглядел в сторону узенькой лужайки и невесело сказал: — Да вот и он!

Перевел с немецкого Е. ФАКТОРОВИЧ

¹ Тьенда (исп.) — магазинчик.

Продолжение следует

Оптические иллюзии всегда привлекают наше внимание. Загадочные картинки, секрет которых зависит то от угла зрения, то от особенностей зрительского восприятия, встречаются и в детских книжках, и в пособиях по психологии. Однако фотографические иллюзии — не фототрюки, а именно иллюзии — относятся к весьма редкому классу картинок-загадок. Одну из них мы воспроизводим на этой странице. Совершенно ясно, что человек не мог оказаться внутри данной конструкции. Более того, сама конструкция принципиально неосуществима: ее легко нарисовать на бумаге, но построить из дерева невозможно. Тем не менее, факт налицо. Предлагаем читателям поломать голову над этой задачей. Обещаем: ответ в «Пестром мире» не заставит долго ждать.

МОНБЛАН В РОЛИ МОЛЬБЕРТА

Рисуют на бумаге, картоне, холсте... По штукатурке, левкасу, дереву... Французский художник-модернист Мишель Геранже рисует по... горному снегу и видит в этом по меньшей мере два преимущества. Во-первых, белизна фона: она столь притягательна, что яркие краски так и просятся на «полотно». Во-вторых, масштаб: можно покрывать цветной аэрозолью не квадратные метры даже, а целые гектары горных склонов.

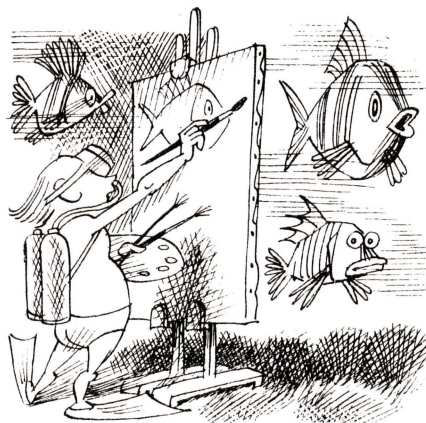
Возникает вопрос — зачем? Мишель Геранже утверждает: красиво. Что же, можно согласиться с эстетической привлекательностью «картин», сотворенных художником на Монблане на высоте 4400 метров. Однако легко понять и опасения защитников природы: если прочие художники последуют примеру Геранже, то через несколько лет самая высокая гора Западной Европы превратится в неряшливую палитру, потеряв при этом право на название [Монблан означает «белая гора»]. Впрочем, у Геранже есть ответ и на это: его краски подвергаются биологическому разложению, и через несколько дней от цветных пятен на снегу не остается и следа.

НЕУСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ

Советский энциклопедический словарь определяет Эль-Ниньо как «теплое сезонное поверхностное течение в восточной части Тихого океана...». Все правильно, и вместе с тем это нечто большее. Эль-Ниньо — климатическое явление глобального характера, диктующее погодные условия на огромной территории. Время от времени Эль-Ниньо «бунтует» — последние эксцессы такого рода были в 1982—1983 годах. Тогда в районе Галапагосских островов температура моря поднялась на 10° С выше нормы. Рыба ушла, и южные морские котики, морские львы, пингвины, бакланы оказались в бедственном положении. Впрочем, даже при нарушениях экологического баланса природа стремится к равновесию: беда одних животных оборачивается выгодой для других. Потепление на первых порах обещало быть чрезвычайно благодатным для растительности, посему игуаны — аборигены Галапагосов — почувствовали себя просто наверху блаженства. Увы, «золотой век» не вечен. Разразилась засуха, и для игуан настали тяжелые времена: голод заставил ящериц перейти на кактусовую диету.

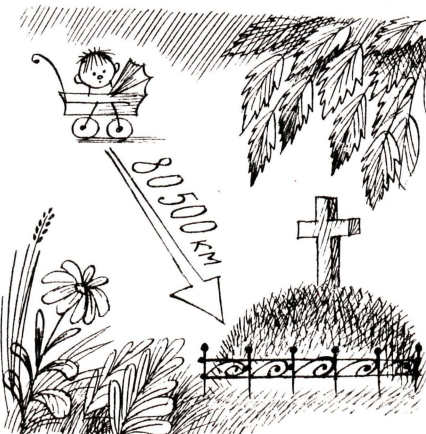
К счастью, в конце концов все утряслось. Температура понизилась, климатические условия стабилизировались, и жизнь животных вошла в прежнюю колею — колею, которая целиком зависит на Галапагосских островах от капризов Эль-Ниньо.

Уж кому-кому, а художникам в воображении не откажешь. Причем это замечание — весьма тривиальное — относится не только к тому, что рисуют и как, а и к тому, где рисуют. Оказывается, можно создавать бесмертные полотна даже... под водой. В Западной Европе уже около десятилетия известен метод художника по фамилии Де Гаво, который изобрел для подводной живописи специальные краски, состоящие из масла, пигмента, воска и глицерина. Разумеется, нужен еще и холст, покрытый водонепроницаемым составом. И конечно же, не обойтись без маски и акваланга. Но зато можно с натуры рисовать ярких обитателей морских глубин. Чудачество? Да нет же... Если есть подводная фотография и подводная киносъемка, то почему бы не быть подводной живописи?

УЛИТА ЕДЕТ...

Интересно, какой путь проходит человек за свою жизнь? Этим вопросом задались английские специалисты по эргометрии и, проведя несложные исследования, установили: средний житель Европы в течение своей жизни (тоже средней продолжительности) отмеривает шагами 80 500 километров. На первый взгляд, немало. Однако вспомним, что средняя продолжительность жизни составляет около 70 лет. В таком случае, каждый день мы в среднем преодолеваем немногим более трех километров, а за каждый час бодрствования перемещаемся меньше чем на двести метров. И после этого удивляемся, откуда берется гиподинамия!..

КОШМАР ДРОВОСЕКА

Великое ли дело — срубить дерево?! Ну, во-первых, любое дело надо делать со знанием и с умом, иначе и осина, поваленная в чистом поле, может зашибить незадачливого дровосека. А во-вторых, важнейший фактор — это место, где произрастает предназначенное к рубке дерево. Если речь идет о тропическом лесу, то работа лесоруба превращается в каторгу. (Конечно, тропический лес — легкие планеты — лучше вообще не рубить, но, с одной стороны, такой разговор отдает руссоистскими мечтаниями, а с другой — его надо вести отдельно и в другом месте.) Начнем с того, что гиганты тропического леса снабжены досковидными корнями, придающими дереву устойчивость, и ствол на уровне человеческого роста достигает значительной толщины — его можно дня три пилить. Следовательно, надо подняться повыше, где ствол тоньше, а для этого необходимо построить весьма высокий помост (для него тоже требуются доски, лестницы — словом, проблема разрастается). Предположим, помост соорудили, можно рубить. Рубим. Закончили. А дерево не падает: его крона так переплелась с соседними, что общий полог леса не дает дереву упасть. Значит, надо рубить все деревья вокруг. И снова помосты, лестницы...

Это не умозрительный опыт, а реальная картина валки леса в Заире, Габоне, Танзании — в любой африканской стране, на территории которой раскинулись тропические леса. Поэтому рубщик леса здесь — особо уважаемая профессия.

ИСТОРИЯ КИРПИЧА

Один из примеров здорового консерватизма в строительном деле — это размеры кирпича. Хотя в разных странах кирпичи разные, но стандарт на них не терпит никаких изменений. У нас в стране издавна приняты размеры кирпича — $250 \times 120 \times 65$ миллиметров. В Великобритании несколько иной стандарт: $219 \times 105 \times 67$ миллиметров, если перевести из дюймов. Что удивительно, эта пропорция строго выдерживается британскими строителями уже больше 700 лет!

В Древнем Риме применялись более тонкие кирпичи. Темпы строительства были невысокие, зато тот же материал использовался в качестве черепицы, а это, наоборот, облегчало задачи античных прорабов. Любопытно, на наш взгляд, были сложены стены Иерихона — те самые стены, которые, по библейскому преданию, рухнули от звуков труб завоевателей. Кирпичи в них были... сферическими (по форме и размерам они напоминали небольшие булочки). Конечно, каменщикам приходилось нелегко — класть стены из таких кирпичей чистая мука. Археологи объясняют этот феномен тем, что про-

изводством кирпичей — напомним: стены древнепалестинского Иерихона возводились в середине V тысячелетия до нашей эры — занимались дети, которым было не под силу лепить из глины «куличи» больших размеров.

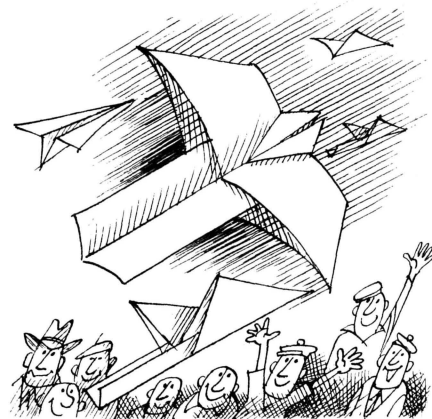
Современное строительное дело знает много разновидностей кирпича, однако парадокс заключается в том, что в нынешнем мире по-прежнему большая часть зданий сооружена из необожженных глиняных кирпичей. Несмотря на всю непрочность и плохую водостойкость этого материала, из него умудряются строить крупные сооружения. Например, в Анатолии (Турция) из сырца строятся дома в пять этажей!

СМЕЛОСТЬ ЭСКАЛАТОРЫ БЕРЕТ

История многих простых вещей, к которым мы привыкли с детства, весьма поучительна. Взять хотя бы эскалаторы, без которых мы не представляем себе ни современного метро, ни крупнейших универмагов. В «Пестром мире» уже сообщалось когда-то, что к первому эскалатору в Лондоне, пущенному в 1911 году, был приставлен инвалид с деревянной ногой: с утра до вечера он ездил вверх-вниз на движущейся лестнице, внушая окружающим мысль о полной безопасности нового транспортного средства.

Вообще говоря, эскалатор был запатентован еще в 1859 году. Проект не имел успеха, поскольку и впрямь оказался небезопасным. Первый действующий эскалатор, представлявший собой движущуюся наклонную ленту (никаких ступенек!), был установлен в Америке в 1894 году. Нашлось ему и место — в парке аттракционов на Кони-Айленде. Но самый замечательный курьез связан все-таки с первым английским эскалатором, пущенным в 1898 году. Наверху стоял специальный служитель, встречавший отважных ездоков. Тем из них, кто, по мнению служителя, страдал головокружением, он подавал рюмочку бренди.

БУМАЖНЫЕ РЕКОРДИСТЫ

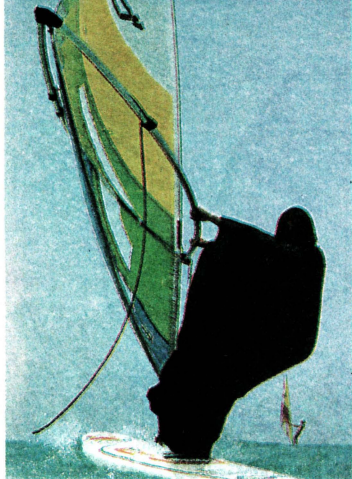
Кто не пускал в детстве бумажных голубей! Особенно интересно делать это в компании, соревнуясь с друзьями. И вот с некоторых пор подобные соревнования поставлены на широкую ногу. В Великобритании проводятся международные чемпионаты бумажных голубей. Призы разыгрываются в четырех категориях: за дальность полета, за продолжительность полета, за точность приземления и исполнение модели. Пускать голубей на открытом воздухе — одно удовольствие. А вот много ли толку от соревнований в зале? Приведем лишь один пример возможностей отлично сделанных голубей, продемонстрированных в закрытом помещении: в 1980 году в Токио бумажная птица парила под потолком целых полторы минуты (точнее, 93 секунды), поставив абсолютный рекорд!

КАРДИНАЛ-АКВАРИУМИСТ

Известны самые невероятные случаи дружбы среди животных. Кошка дружит с крысой, собака выхаживает птенца и так далее... Однако факт, запечатленный на нашем снимке, совсем уж невероятный: кардинал (птичка семейства овсянковых) кормит золотых рыбок. Видно, у пернатых тоже есть общество защиты животных. Иными причинами объяснить феномен невозможно. По крайней мере, сотрудники Лос-Анджелесского зоопарка, где сделан снимок, так и не сумели разобраться, какие же истинные мотивы руководили заботливым кардиналом.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

На первой странице обложки: **ОБЪЕДИНЕННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ**. Виндсерфинг у берегов Абу-Даби.

Современные виды спорта входят в жизнь недавно еще затерянных в песках и времени, арабских княжеств. На отвоеванных у песка клочках земли строятся стадионы. Приглашаются тренеры для футбольных команд. И — это примета самого последнего времени — спортом начинают заниматься женщины. Но тут есть трудность: спортивный костюм трудно привести в соответствие с требованиями исламской традиции...

На третьей странице обложки: **ИНДОНЕЗИЙСКИЙ ТЕАТР ТЕНЕЙ** — **ВАЯНГ**. Этим словом в Индонезии называют и куклу, и театр, и само представление. Экран, на котором движутся куклы, непрозрачен. Поэтому зритель видит лишь тени от плоских резных фигурок, отбрасываемые коковой лампой — блечонг. Но кукол все равно тщательно раскрашивают. А перед представлением вывешивают для обозрения.

Зритель-индонезиец обязательно отличит, кем сделана кукла — мастерами Явы или она родилась на острове Бали. Эти две школы изготовления кукол наиболее популярны, но яванские фигурки уступают балийским в легкости и подвижности (см. стр. 52).

Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК

Редакционная коллегия:
В. И. АККУРАТОВ,
В. И. БАУЛИН,
Л. М. БРЕХОВСКИХ,
А. К. ГЛАЗУНОВ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
Р. Ф. ИТС,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
Ю. Б. КАШЛЕВ,
М. М. КОНДРАТЬЕВА,
В. А. ЛЕБЕДЕВ,
(заместитель главного редактора),
В. И. НЕВОЛИН,
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ
(ответственный секретарь),
Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ

Наш адрес:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а.

Телефоны:
для справок — 285-88-83;

отделы:
«Наша Родина» —
285-89-83,
иностраный —
285-89-85,
науки —
285-89-38,
литературы —
285-80-58,
писем —
285-88-68,
иллюстраций —
285-89-36,
приложение «Искатель» —
285-80-10,
секретариат —
285-88-25

Подписка на журнал «Вокруг света» принимается с любого месяца без ограничений во всех отделениях связи. Приложение «Искатель» распространяется только в розницу.

Художественный редактор М. Федоровская.
Макет Г. Комарова. Технический редактор О. Бойко.

© «Вокруг света», 1988 г.

Сдано в набор 27.05.88. Подп. к печ. 05.07.88. А01087. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 12,3. Тираж 2 900 000 экз. Заказ 116. Цена 80 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

«Вокруг света», 1988, 1—64, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 70 142.

2-я стр. обл. **ВИКТОР ДМИТРИЕВ**
Паруса наших предков

2 **ЮРГЕН БЕРНДТ**
Непохожие японцы?

7 **А. ТАРУНОВ**
Два взгляда на Острову

10 **АЛЕКСАНДР ПИКА**
Живущие у реки Пойтовоям

14 **С. БУРА**
В погоне за невидимкой

16 **ВЛАДИСЛАВ ДРОБКОВ**
Жилли идут!

19 **ИГОРЬ ЗОТИКОВ**
Мой друг из Колорадо

24 **В. КРЮЧКИН**
Полсотни метров до «Нахимова»

28 **В. ВЛАСОВ**
Капища православных

32 **В. ЗАДОРЖНЫЙ**
Не кланяйтесь при тигре!

35 **СЕРГЕЙ ДРОКОВ**
Забытые истории бутылочной почты

38 **Ночи редисок**

40 **ДМИТРИЙ СТАХОВ**
Запоздалая встреча

44 **ТИМ СЕВЕРИН**
За Улиссом на Итаку

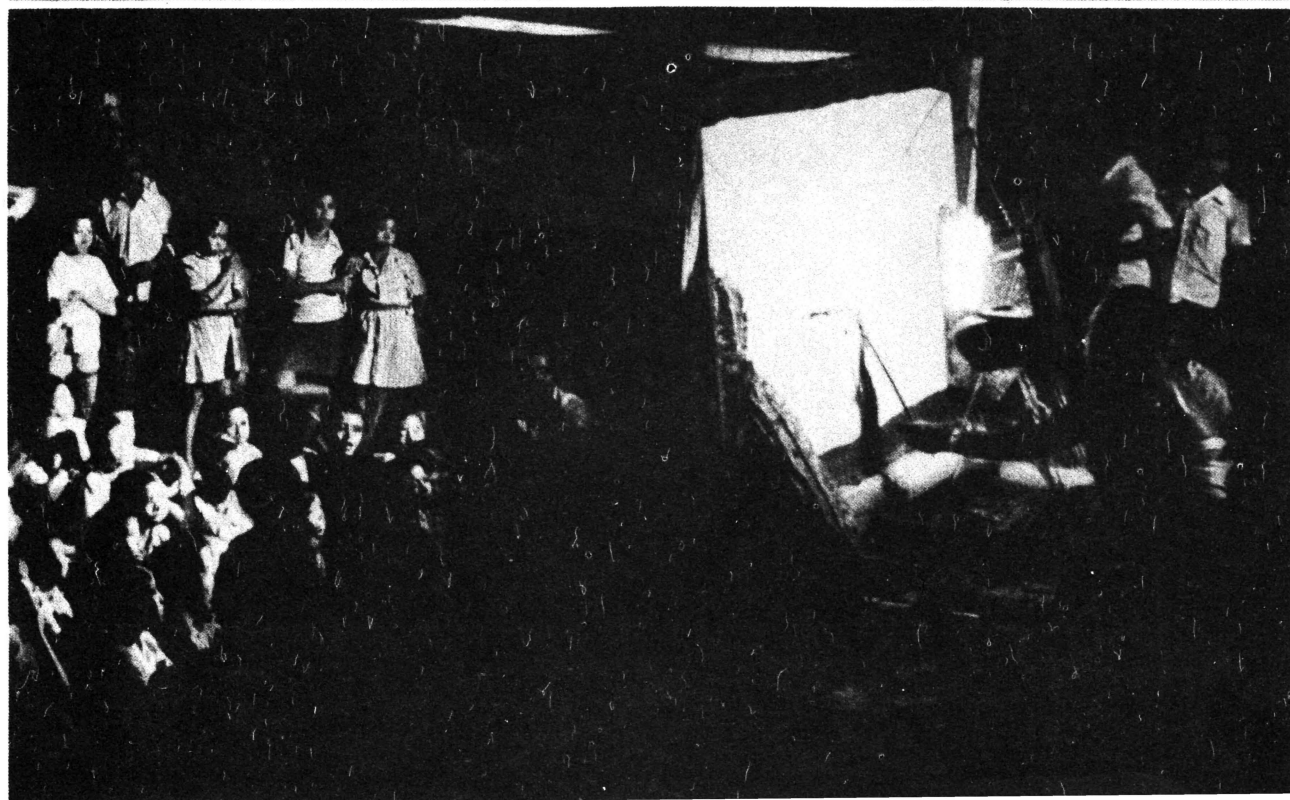
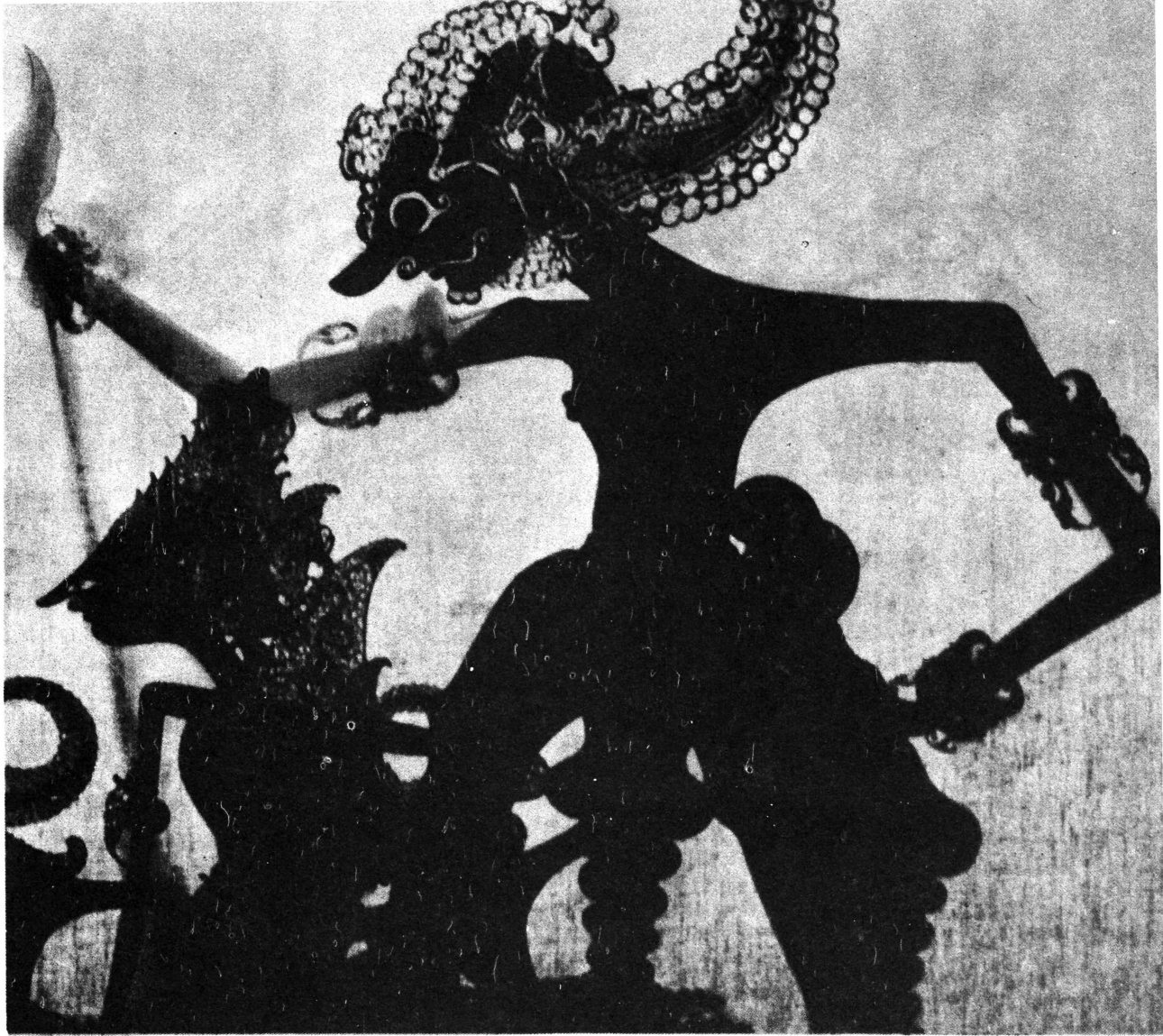
51 **Почтовый дилижанс**
То чуду подобно

52 **Е. СУМЛЕНОВА**
Ваянг-кулит — театр теней

54 **Б. ТРАВЕН**
Сокровища Сьерра-Мадре
Роман

62 **Пестрый мир**

БАЯН-КУЛИТ-ТЕАТР ТЕНЕЙ

От площади берет начало широкая улица. Она пересекает весь город и ведет к храму Артемиды, который буквально парит над городом. В храме богини всегда много людей, здесь находится одна из достопримечательностей — «говорящая колонна». Если приложить к ней ухо, то явно слышится шорох, порой слабый гул.

С высоты амфитеатра прекрасно видны остатки колоннад на перекрестках, триумфальная арка, некогда обозначавшая южный въезд в город, руины древнего ипподрома. Зато античный театр хорошо сохранился до наших дней — здесь устраиваются музыкальные фестивали и фольклорные праздники, всегда привлекающие множество зрителей. Наверное, поэтому Джераш — излюбленное место воскресного отдыха жителей Аммана.

На кривой старинной улочке я по совету Адвана покупаю в лавке старинную монету. Лукавый продавец уверяет, что она «очень-очень старая» и что на ней изображен сам «Александр Двурогий», или «Искандер Зу Карнейн» — так арабы называют Александра Македонского. Тени его армий только что промелькнули передо мной на улицах «города ветеранов»...

Н. КАЧУРИН